

ISSN 2686-9764

Том 13, № 3
2019

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

научно-практический журнал

Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

scientific and practical journal

of the Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penal Service

Volume 13, № 3
2019

PENITENTIARY SCIENCE

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

ISSN 2686-9764

Том 13, № 3
2019

научно-практический журнал

Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

Издается с 2007 года,
до августа 2019 года
выпускался под названием
«Вестник института:
преступление, наказание,
исправление»

Выходит четыре раза в год

Учредитель:
ВИПЭ ФСИН России

Журнал
зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных техноло-
гий и массовых коммуника-
ций. Свидетельство
о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС77-76598
от 15.08.2019
ISSN 2686-9764

Журнал размещается
в следующих реферативных
и полнотекстовых базах
данных: Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ), научная
электронная библиотека
«КИБЕРЛЕНИНКА»

Все права защищены.
Перепечатка материалов
только с разрешения редак-
ции журнала. Авторские
материалы рецензируются
и не возвращаются.
Редакция сохраняет
за собой право
производить сокращения
и редакционные изменения
рукописи

Высказанные в статьях
мнения и суждения могут
не совпадать с точкой зре-
ния редакции. Ответствен-
ность за подбор и изложение
материалов несут авторы
публикаций

Адрес редакции:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес издателя:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:
160010, г. Вологда,
ул. Кубинская, д. 16, кв. 74

Телефоны:
(8172) 51-82-50, 51-46-12
51-98-70

E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru

© ВИПЭ ФСИН России
Дата выхода в свет:
09.12.2019

Формат 60x90/8. Печать
офсетная. Усл. печ. л. 17.
Заказ № 7419.
Тираж 1000 экз.
Розничная цена:
230 руб. за 1 экз.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Харьковский Е. Л. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Караваяева Ю. И. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат социологических наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Беляева Л. И. – профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридиче-
ских наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Зауторова Э. В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педа-
гогических наук, профессор;

Кругликов Л. Л. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного уни-
верситета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Фе-
дерации, действительный член Международной академии наук высшей школы и Российской академии естествен-
ных наук;

Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения),
доктор, профессор криминологии;

Поздняков В. М. – профессор кафедры научных основ экстремальной психологии Московского государственного
психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного уни-
верситета им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской
Федерации;

Стоянов В. – проректор по учебной работе Варненского свободного университета им. Черноризца Храбра (Болга-
рия), доктор психологических наук, профессор;

Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного универси-
тета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминологии Белорусского государственного университета, доктор
юридических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Букалерева Л. А. – заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминологии Россий-
ского университета дружбы народов, профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России,
доктор юридических наук, профессор;

Гаврилов Б. Я. – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления
МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Пе-
тровской академии наук и искусств;

Голодов П. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юри-
дических наук, доцент;

Зубкова В. И. – главный научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований и сравнительного
правоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, про-
фессор;

Ищенко Е. П. – заведующий кафедрой криминологии Московского государственного юридического универ-
ситета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской
Федерации;

Ковтуненко Л. В. – доцент кафедры уголовно-исполнительного и уголовного права Воронежского института
ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Козаев Н. Ш. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД Рос-
сии, доктор юридических наук, доцент;

Козаченко И. Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического универ-
ситета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Мальшев К. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психо-
логических наук;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юри-
дических наук, доцент;

Панова О. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педаго-
гических наук, доцент;

Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государствен-
ного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;

Поникаров В. А. – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор
юридических наук, доцент;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридиче-
ских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Санташов А. Л. – доцент кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических
наук, доцент;

Сочивко Д. В. – профессор кафедры общей психологии Академии ФСИН России, доктор психологических наук,
профессор;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного
юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры административно-правовых дис-
циплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Хатуяева В. В. – заведующий кафедрой уголовнопроцессуального права Центрального филиала Российского го-
сударственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент;

Шаталов А. С. – профессор департамента дисциплин публичного права Национального исследовательского уни-
верситета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор.

PENITENTIARY SCIENCE

ISSN 2686-9764 scientific and practical journal
Volume 13, № 3 of the Vologda Institute of Law and Economics
2019 of the Federal Penal Service

Published since 2007,
until August 2019
issued under the title
«Bulletin of the Institute:
crime, punishment,
correction»

It comes out four times a year

Founder:

VILE FPS of Russia
Journal is registered
in the Federal Service
for Supervision
of Communications,
Information Technology
and Mass Media

Certificate of registration
of mass media
PI No. FS77-76598
from 15.08.2019
ISSN 2686-9764

The journal is in the
following abstract and full-
text databases: Russian
Science Citation Index
(RSCI), Scientific Electronic
Library «CyberLeninka»

All rights reserved.

Reprint of materials only
with the permission of the
publisher. Copyrighted
materials are reviewed
and do not returned.

The editor reserves the right
to make reductions
and editorial changes
to the manuscript

Opinions and judgments
expressed in articles may
not coincide with the
point of view of the editor.

Responsibility for the
selection and presentation
of materials is on the
authors of publications

Editor address:

160002, Vologda,
ul. Shchetinina, 2
Publisher address:
160002, Vologda,
ul. Shchetinina, 2
Printing address:
160010, Vologda,
ul. Cubinskaya,
d. 16, apt. 74

Phones:

(8172) 51-82-50, 51-46-12
51-98-70

E-mail:

vestnik-vipefsin@mail.ru

© VILE FPS of Russia

Release date: 09.12.2019

Format 60x90/8

Offset printing.

Conv. oven I 17.

Order No. 7419

Circulation 1000 copies

Retail price:

230 rub for 1 copy

EDITOR-IN-CHIEF:

Kharkovsky E. L. – Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Ph.D. in Law, Associate Professor.

EXECUTIVE SECRETARY:

Karavaeva Yu. I. – Scientific Secretary of the Scientific Council of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Ph.D. in Sociology.

EDITORIAL COUNCIL:

Belyaeva L. I. – Professor of the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Dsc. in Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;

Zautorova E. V. – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Professor;

Kruglikov L. L. – Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Yaroslavl State after P. G. Demidov University, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Full Member of the International Higher Education Academy Of Sciences (IHEAS) and the Russian Academy of Natural Sciences;

Mesko G. – Professor of the Department of Criminal Justice and Security of the University of Maribor (Slovenia), Doctor, Professor of Criminology;

Pozdnyakov V. M. – Professor of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology of the Moscow State Psychological and Pedagogical University, Dsc. in Psychology, Professor;

Seliverstov V. I. – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow State M. V. Lomonosov University, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Stoyanov V. – Deputy Rector for Academic Affairs of the Varna Free University «Chernorizets Hrabar» (Bulgaria), Dsc. in Psychology;

Chukmaitov D. S. – Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of Zhetysu State I. Zhansugurov University (Republic of Kazakhstan), Doctor of Law, Professor;

Shabanov V. B. – Head of the Department of Criminology of the Law Faculty of the Belarusian State University, Dsc. in Law, Professor.

EDITORIAL TEAM:

Bukalerova L. A. – Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Peoples' Friendship University of Russia, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia (part-time work), Dsc. in Law, Professor;

Gavrilov B. Ya. – Head of the Department of Control of Crime Investigation Agencies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Investigation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Full Member of the Peter Academy of Sciences and Arts;

Goldov P. V. – Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Ph.D. in Law, Associate Professor;

Zubkova V. I. – Senior Researcher of the Laboratory for Social Studies and Comparative Law of the Moscow M. V. Lomonosov State University, Dsc. in Law, Professor;

Ishchenko E. P. – Head of the Department of Criminology of the Moscow State O.E. Kutafin Law University (Moscow State Law Academy), Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Kozayev N. Sh. – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor;

Kovtunen L. V. – Associate Professor of the Department of Penal and Criminal Law of the Voronezh Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Associate Professor;

Kozachenko I. Y. – Head of the Department of Criminal Law of the Ural State Law University, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Kuzminykh A. L. – Professor of the Department of Philosophy and History of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in History, Associate Professor;

Malyshev K. B. – Professor of the Department of Sociology of the Vologda State University, Dsc. in Psychology, Associate Professor;

Nagornyykh R. V. – Professor of the Department of Administrative Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor;

Panova O. B. – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Associate Professor;

Panteleeva N. V. – Head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Mogilev State A. A. Kuleshov University (Republic of Belarus), Ph.D. in Law, Associate Professor;

Ponikarov V. A. – Professor of the Department of Administrative and Financial Law, of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor;

Romashov R. A. – Professor of the Department of State Law Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Santashov A. L. – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor;

Sochivko D. V. – Professor of the Department of General Psychology of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Psychology, Professor;

Starostin S. A. – Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of the Moscow State Law O. E. Kutafin University (Moscow State Law Academy), Professor of the Department of Administrative Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor;

Hatuaeva V. V. – Head of the Department of Criminal Procedure of the Central Branch of the Russian State University of Justice, Dsc. in Law, Associate Professor;

Shatalov A. S. – Professor of the Department of Public Law Disciplines of the National Research University "Higher School of Economics", Dsc. in Law, Professor.

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENT

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	304
ШАВЕКО Н. А. Теория справедливого наказания (между Кантом и утилитаристами)	304
ШАБАЛЬ В. С. Порядок направления к месту отбывания наказания осужденных к аресту	312
ЕМЕЛЬЯНОВА Е. В., МАТВЕЕВА Т. П. О некоторых проблемах организационно-правового характера, возникающих при освобождении лиц, отбывших наказание в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы	318
ХРАБРОВА Е. В. Особенности воспитательной работы с гражданами стран СНГ, осужденными к лишению свободы	324
КИЛИМБАЕВ Р. В. Общественная опасность и критерии ее оценки	330
СКОБЕЛЕВА Н. Г. Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты применения отсрочки отбывания наказания	335
ГЕРАСИМОВА Е. В. Теоретические и практические проблемы применения ст. 291.1 УК РФ, обусловленные несовершенством ее законодательной конструкции	340
ГОРБАНЬ Д. В. Проблемные вопросы правового регулирования оснований введения режима особых условий в учреждениях уголовно-исполнительной системы России и пути их решения	347
ХРУЛЕВА В. В., МАСЛОВ И. С. О некоторых проблемах борьбы с религиозным экстремизмом в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации	355
БЫКОВ А. И. К вопросу об освобождении от уголовной ответственности по примечанию к статье 205 Уголовного кодекса Российской Федерации	360
СОЛОВЬЕВ В. С., КИСЕЛЕВ С. С. Административная преюдиция в уголовном законе: от критики к пониманию	366
НЕКРАСОВ В. Н. Технологии в уголовном законодательстве России: проблемы и перспективы	372
ЛУЦЕНКО П. А. Формы реализации судебной власти в уголовном судопроизводстве в контексте процессуального статуса суда как участника уголовного процесса	376
КОЛЬЕВ А. А., СУХАРЕВА М. В. Правовые и организационные аспекты маркетинговой деятельности в учреждениях уголовно-исполнительной системы	386
ЧЕРНЫШЕНКО Е. В. Способ совершения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях ФСИН России	391
НЕСТЕРОВА О. И. Особенности розыскной работы сотрудников оперативных подразделений Федеральной службы исполнения наказаний	397
СЕНАТОВА Е. В. Административно-правовое обеспечение исполнения уголовных наказаний учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы: постановка проблемы	403
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	410
ЧИРКОВ А. М., КОВАЛЕВ С. В., ОБОТУРОВА Н. С. Сотериологический потенциал развития теоретико-методологических основ юридической психологии и психотерапии осужденных	410
КУСАКИНА Е. А., МАЛЬЧИКОВ Р. В. Психофизиологическая совместимость специалиста-кинолога и служебной собаки	416
ЧЕРКАСОВА М. А. Особенности эмоционального интеллекта у мужчин, осужденных за насильственные виды преступлений	422
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	427
ЗАУТОРОВА Э. В., КОВТУНЕНКО Л. В. Эффективные формы и методы реализации индивидуального подхода в воспитательной работе с осужденными в местах лишения свободы	427
ВОЛОДИНА Л. О. Ценности семейного воспитания в контексте российского законодательства (историко-педагогический аспект)	433
ДВОРЦОВ В. Б., КОГОЛЬ Т. Н. Зарождение и утверждение идей исправления и перевоспитания заключенных в России в конце XVIII – первой половине XIX века	441
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	449
JURISPRUDENCE	304
SHAVEKO N. A. Theory of Fair Punishment (between Kant and the utilitarians)	304
SHABAL V. S. The procedure for sending sentenced to arrest to the place of punishment	312
EMELYANOVA E. V., MATVEEVA T. P. On some organizational-legal problems arising during the release of persons who have served their sentences in correctional institutions of the penal system	318
KHRABROVA E. V. Features of educational work with citizens of CIS countries, sentenced to imprisonment	324
KILIMBAEV R. V. Public danger and criteria for its assessment	330
SKOBELEVA N. G. Criminal law and penal aspects of the application of the suspension of sentence	335
GERASIMOVA E. V. Theoretical and practical problems of applying Art. 291.1 of the Criminal Code due to the imperfection of its legislative structure.	340
GORBAN D. V. Problematic issues of legal regulation of the grounds for introduction special conditions in the institutions of the penal system of Russia and ways to solve them.	347
KHRULEVA V. V., MASLOV I. S. On some problems of fight against religious extremism in the penal system of the Russian Federation	355
BYKOV A. I. On the issue of exemption from criminal liability under the note to Art. 205 of the Criminal Code of the Russian Federation	360
SOLOVYEV V. S., KISELEV S. S. Administrative prejudice in criminal law: from criticism to understanding	366
NEKRASOV V. N. Technologies in the criminal legislation of Russia: problems and prospects.	372
LUTSENKO P. A. Forms of the exercise of judicial power in criminal proceedings in the context of the procedural status of the court as a participant in criminal proceedings	376
KOLYEV A. A., SUKHAREVA M. V. Legal and organizational aspects of marketing in penitentiary institutions	386
CHERNYSHENKO E. V. The method of committing illicit traffic in narcotic drugs and psychotropic substances in correctional facilities of the Federal Penal Service of Russia	391
NESTEROVA O. I. Features of the investigative work of employees of operational units of the Federal Penal Service.	397
SENATOVA E. V. Administrative and legal support for the execution of criminal sentences by institutions and authorities of the penal system: problem statement	403
PSYCHOLOGY	410
CHIRKOV A. M., KOVALEV S. V., OBOTUROVA N. S. Soteriological potential for the development of theoretical and methodological foundations of legal psychology and psychotherapy of convicts	410
KUSAKINA E. A., MALCHIKOV R. V. Psychophysiological compatibility of a specialist cynologist and service dog	416
CHERKASOVA M. A. Features of emotional intelligence of men convicted for violent crimes.	422
PEDAGOGY	427
ZAUTOROVA E. V., KOVTUNENKO L. V. Effective forms and methods of implementing an individual approach in educational work with convicts in prison	427
VOLODINA L. O. The values of family education in the context of Russian legislation (historical and pedagogical aspect)	433
DVORTZOV V. B., KOGOL T. N. The origin and approval of ideas for the correction and re-education of prisoners in Russia in the late XVIII – first half of the XIX century	441
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	449

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 340.12

Теория справедливого наказания (между Кантом и утилитаристами)

Н. А. ШАВЕКО – научный сотрудник Удмуртского филиала Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, кандидат юридических наук

Реферат

В статье исследуется вопрос о наказании и справедливости. С этой целью анализируется теория наказания как кары по принципу талиона, предложенная И. Кантом, а также оппозиционные ей утилитаристские теории наказания. Выявляются фундаментальные достоинства и недостатки обоих подходов. Для их иллюстрации и оценки, а также для обоснования собственных взглядов автор анализирует действующее российское законодательство (не только уголовное и уголовно-исполнительное, но и административное, гражданское, трудовое), а также правовые памятники различных эпох, проводит параллели между уголовной и другими видами юридической ответственности. Рассматриваются воззрения некоторых авторов неокантианского направления и приводится авторская позиция, в частности обосновывается понимание справедливости как принципа равноценности интересов лиц; справедливого наказания как наиболее оптимального средства, направленного на восстановление справедливого правопорядка; утверждается, что только совершение противоправного деяния вменяемым лицом должно служить неопровержимым основанием юридической ответственности, в то время как вина, вред и причинная связь являются ее относительными условиями; обосновываются потенциальная неограниченность юридических фактов, влияющих на справедливость приговора, и относительность принципа неотвратимости наказания.

Ключевые слова: справедливость; наказание; справедливое наказание; юридическая ответственность; Кант; утилитаризм; талион; цель наказания; вменяемость; неотвратимость наказания.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Theory of Fair Punishment (between Kant and the utilitarians)

N. A. SHAVEKO – Researcher of the Udmurt Branch of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, PhD. in Law

Abstract

The article explores the issues of punishment, justice. To this purpose the theory of punishment as punishment according to the lex talion principle, proposed by I. Kant as well as utilitarian theories of punishment opposed to it, are analyzed. The fundamental advantages and disadvantages of both approaches are revealed. To illustrate and evaluate them, as well as to justify the own views, the author analyzes the current Russian legislation (not only criminal and penal enforcement, but also administrative, civil, labor), as well as

legal monuments of different eras, draws parallels between criminal and other types of legal responsibility. The views of some authors of the neo-Kantian direction are examined and the author's position is given, in particular, an understanding of justice as a principle of equal interests of individuals is grounded; fair punishment as the most optimal means aimed at restoring a fair rule of law; it is argued that only the commission of an unlawful act by a sane person should serve as an indispensable basis for legal liability, while guilt, harm and causation are its relative conditions; substantiates the potential unlimited legal facts affecting the justice of the sentence and the relativity of the principle of inevitability of punishment.

Key words: justice; punishment; fair punishment; legal liability; I. Kant; utilitarianism; talion; purpose of punishment; sanity; inevitability of punishment.

12.00.01 – Theory and history of law and state; history of law and state studies

Человечество с давних времен пыталось осмыслить наказание и найти его философское обоснование. Не прекращаются эти попытки и в настоящее время. В различных теориях целями наказания назывались: 1) возмездие (кара) преступнику, 2) устрашение преступника и других лиц, 3) предупреждение совершения новых преступлений (путем лишения свободы, изгнания из страны, смертной казни преступника), 4) исправление виновного, 5) заглаживание вреда [14, с. 604–607]. Несложно заметить, что первая из названных целей – это причинение страданий преступнику вне зависимости от того, какую пользу от этого получают государство, общество или потерпевший, тогда как остальные цели наказания носят в той или иной степени утилитарный характер: наказание необходимо для предотвращения правонарушений и нейтрализации последствий совершенных правонарушений. Теории наказания, отсылающие к первой из обозначенных целей, еще называют абсолютными, или ретрибутивными (наказание нужно, потому что совершено преступление), а теории, в основе которых лежат другие цели, – относительными, или конвенциональными (наказание нужно, чтобы преступления не совершались).

Одним из самых известных представителей теории наказания как кары является И. Кант. Он утверждал, что даже если общество перестанет существовать, убийца должен быть наказан, так как за преступлением неотвратимо должно следовать наказание [4, с. 372]. Однако, по нашему мнению, философ не привел ни одного аргумента в пользу тезиса, что безнаказанность является высшей несправедливостью. Действительно, неотвратимость наказания может показаться основным началом уголовного права, однако едва ли случайно то, что действующий УК РФ такого принципа не содержит. Установление обстоятельств, исключающих преступность деяния или освобождающих

от уголовной ответственности, ставит под сомнение безусловность возмездия.

Изначально И. Кант пишет: «Наказание по суду... никогда не может быть для самого преступника или для гражданского общества вообще только средством содействия какому-то другому благу: наказание лишь потому должно налагать на преступника, что он совершил преступление; ведь с человеком никогда нельзя обращаться лишь как с средством достижения цели другого...» [4, с. 370]. Первая часть процитированного предложения представляет собой тезис, вторая, по всей видимости, является аргументом. В принципе возможно согласиться с данным утверждением. Однако, по нашему мнению, здесь еще не идет речь о наказании как каре хотя бы потому, что философ в принципе допускает использование наказания в качестве средства для некоего блага, если наказание при этом не является «только средством».

Дело также и в том, что если бы использовалось наказание в чисто утилитарных целях, то можно было бы наказывать в том числе невиновных лиц и тех, кто вообще не совершал преступления, при условии, что имеются достаточные основания считать это наказание полезным для других лиц или общества в целом (в зависимости от версии утилитаризма) [16, с. 217, 227]. Такой подход, несмотря на свою абсурдность, нередко имел место в истории, в частности при применении мер коллективной ответственности [15; 13, с. 88, 94], а порой используется и в современных развитых странах [1]. В большинстве случаев коллективная ответственность хоть и эффективна в целях поддержания порядка (через устрашение), но вряд ли справедлива, так как при этом наказываются невиновные лица, вообще не совершавшие никакого преступления. В свою очередь идея И. Канта состоит в том, что основанием юридической ответственности должно служить противоправное деяние, а не простая

польза. И эта идея в целом верна. Именно конкретное деяние вменяемого лица, имеющее признаки противоправности, служит (частным) основанием юридической ответственности, тогда как причиненный вред, причинная связь деяния с этим вредом и степень вины являются лишь ее условиями, применимыми в тех или иных случаях.

Другая заслуга немецкого философа состоит в обосновании возможности наказания как такового, и сделал он это максимально лаконично: «когда определенное проявление свободы само оказывается препятствием к свободе, сообразной со всеобщими законами, тогда направленное против такого применения принуждения как то, что воспрепятствует препятствию для свободы, совместимо со свободой, сообразной со всеобщими законами, то есть бывает правым; стало быть, по закону противоречия с правом также связано правомочие применять принуждение к тому, кто наносит ущерб этому праву» [4, с. 286]. Правда, И. Кант не увидел, что из этого умозаключения прямо следует понимание наказания лишь как средства, препятствующего нарушению справедливости, а не как самоцели (возмездия).

Сказанное И. Кантом не свидетельствует, что суть наказания состоит в возмездии. Последний тезис у него не обосновывается, в результате чего неубедительными остаются и его сентенции о жителях необитаемого острова (неотвратимости наказания) и о недопустимости помилования. Он отрицает наличие у суверена права помилования (за единственным исключением – при преступлениях против самого суверена) на основании того, что «безнаказанность – величайшая несправедливость» [4, с. 375–376], и не желает рассматривать неотвратимость наказания в качестве утилитарного принципа. Между тем сегодня, когда институты амнистии и помилования широко распространены и закреплены в конституциях развитых государств, мало кто рассматривает неотвратимость наказания как безусловную логическую, а не как условную практическую необходимость. Конечно, амнистия и помилование должны быть не выражением произвола, а механизмом учета тех обстоятельств, которых не смогли предвидеть законодатель или судья, но вместе с тем они составляют разумное исключение из принципа неотвратимости наказания.

Таким образом, безусловная неотвратимость наказания, а вместе с ней и понимание наказания как возмездия (кары) не выдер-

живают критики. Следует согласиться с Гуго Гроцием, что «преступникам не причиняется несправедливости, если их подвергают наказаниям. Однако же отсюда еще не следует, что их должно наказывать безусловно; да это и неверно: ведь многим преступникам многое прощают и бог, и люди; даже их за то сплошь и рядом восхваляют» [3, с. 454]. Если говорить о развитии идеи возмездия после И. Канта, то в научной литературе отмечалось, что «более благотворной оказалась идея возмездия в соединении с признанием целесообразности в наказании (теория, отчасти напоминающая теорию Гуго Гроция). Возмездие – основание права наказания; но применение наказания государственной властью, озабоченной не осуществлением нравственных принципов, а обеспечением известных благ, должно стремиться к осуществлению той или другой благой цели. Такое соединение идей возмездия и целесообразности делалось, главным образом, французскими криминалистами» [11, с. 867–868]. По мнению Г. Гроция, разум «предписывает человеку не предпринимать ничего, что может вредить другому человеку, если только такой вред не приводит к какой-либо благой цели. В одном только страдании врага, взятом самом по себе, нет никакого блага» [3, с. 455]. Мыслитель утверждал, что наказание преследует тройную пользу: преступника, потерпевшего и общества, что связано с целями исправления, устрашения и предупреждения [3, с. 457]. Удивительно, как И. Кант, стараясь быть истинным христианином, игнорировал христианские заповеди терпения и прощения в своем восхвалении кары и отрицании помилования.

Еще менее убедительным, чем при попытке найти смысл наказания в возмездии, выглядит И. Кант, когда пытается обосновать конкретный вид и меру наказания через принцип талиона.

Философ сам же пишет: «Единственный принцип – это принцип равенства (в положении стрелки на весах справедливости), согласно которому суд склоняется в пользу одной стороны не более, чем в пользу другой» [4, с. 371]. Но может ли принцип равенства лиц, следующий из категорического императива, что-либо сказать о «способе» и «степени» наказания, как того хочет И. Кант? Точно так же, как по вопросу преступности деяний, абстрактный принцип равенства не может дать нам окончательных ответов, а лишь постулирует равную ценность лиц (при первом приближении это означает недопустимость с помощью

введения тех или иных составов преступлений дискриминации отдельных социальных групп, но в рамках настоящей статьи нет возможности рассматривать проблемы так называемой позитивной дискриминации), в сфере наказаний справедливость требует от нас лишь того, чтобы никакое лицо не было только средством для достижения целей других лиц (отсюда основанием наказания всегда является преступное деяние), и того, чтобы при равных юридически значимых обстоятельствах два преступника получили одинаковое наказание, но ничего не говорит о том, каковы эти юридические критерии и каким именно будет наказание. В свою очередь использование принципа равенства для обоснования справедливости талиона вообще никак не следует из категорического императива.

Кроме того, принцип талиона, являющийся достаточной простой нравственной интуицией первобытного человека, находил отражение далеко не всегда и не везде даже применительно к Древнему миру. Так, по Законам Хаммурапи в качестве наказания за причинение телесных повреждений применялся не только зеркальный талион (за выкалывание глаза – выколоть глаз, за сломанную кость – сломать кость), но и символический («если сын ударил своего отца, то ему должны отрубить руку», а вовсе не бить его), а за причинение вреда мушкенуму вообще предусматривался только штраф (§ 195–198, 201 Законов Хаммурапи); за совершение кражи (то есть причинение имущественного вреда) человек лишь иногда претерпевал имущественную санкцию (то есть наказывался штрафом, в отличие от Законов XII таблиц (табл. VIII, п. 16, 18б, 19)), никогда не наказывался «символическим» отрубанием руки (в отличие от Законов Ману (кн. VIII, п. 344)), а в большинстве случаев в качестве наказания предусматривалась смертная казнь (§ 6–8, 21–22, 25 Законов Хаммурапи), что вряд ли соответствует принципу талиона. Нет нужды доказывать, что в древних правовых памятниках наказание сравнительно редко строилось по принципу талиона, даже если такая возможность имела (так, если в целом ряде статей Законов Хаммурапи за лжесвидетельство предусматривается та же ответственность, которая грозила обвиняемому, то Законы Ману (п. 123 кн. VIII) предписывают лишь изгонять и штрафовать лжесвидетелей, а Законы XII таблиц (табл. VIII п. 23) постановляли скидывать лжесвидетелей со скалы. В других случаях принцип талиона попросту неприменим, так как не-

ясно, что является зеркальным наказанием за преступления против государственной власти и т. п., и тому же И. Канту пришлось прибегнуть к странным мыслительным ухищрениям, чтобы обосновать применение здесь смертной казни по принципу талиона [4, с. 372]. Таким образом, талион может рассматриваться только как общая первобытная интуиция, связанная с идеей равенства, а не как образец для подражания; впоследствии, с развитием законодательства, идея равенства раскрывалась все более адекватно и полно. Сегодня даже в деликтном праве не всегда возмещение убытков в размере, строго эквивалентном причиненному вреду, считается справедливым [2, с. 57].

И. Кант признает, что принципа талиона нельзя придерживаться буквально [4, с. 371]. Некоторые исследователи интерпретируют этот факт таким образом, что философ якобы понимал талион «лишь в смысле равенства между чувством страдания, причиненного потерпевшему преступлением, и страдания, причиненного наказанием преступнику» [12, с. 45]. Этот вывод может показаться убедительным, если обратить внимание на взгляды И. Канта на справедливое наказание за оскорбление словом. При таком понимании талиона возникают новые сложности: 1) как определить, является ли страдание равным, и как вообще сравнить страдания двух людей; 2) как следует наказывать преступления, в которых вред причинен не одному лицу, а всему обществу или неопределенному кругу лиц, например в случае государственной измены, а также в случаях, когда вред не причинен, но состав преступления образуется уже при наличии опасности причинения вреда, ведь в таких случаях сравнения в принципе невозможны. Но, больше того, имеются основания полагать, что философ и не пытался соизмерять страдания: так, аргументируя, что за мятеж следует наказывать смертной казнью, он ссылается на соответствие этого наказания «внутренней злостности» преступления, а не на причиненные страдания [4, с. 372]. Однако этот подход к талиону связан с еще большими сложностями, так как здесь приходится придумывать целую иерархию объективных ценностей, что, конечно, чревато крайним догматизмом.

Итак, воззрение, согласно которому справедливым будет наказание по принципу талиона, опровергается тем, что отсутствуют доказательства в его пользу, методом «от противного».

Как было сказано выше, согласно идее справедливого наказания при одинаковых обстоятельствах все преступники должны подвергаться одинаковому наказанию, но при этом возникают два вопроса: какие обстоятельства юридически значимы и какое именно наказание это будет. Ответ на первый вопрос видится таким: законодательство и судья (конечно, в рамках законодательства) должны учитывать максимально возможное количество самых различных фактов, относящихся к делу, на второй – наказание (как воздающая справедливость) должно быть таким, чтобы оптимально содействовать восстановлению справедливого правопорядка (общих начал справедливости); это достигается через цели устрашения преступника и других лиц, предупреждения совершения новых преступлений, исправления виновного и заглаживания вреда, причиненного потерпевшему, то есть чисто утилитарных целей, ради которых наказание (юридическая ответственность в целом) и существует.

Если обратиться к действующему УК РФ, то в ст. 43 найдем подтверждение заявленных тезисов. Согласно действующему уголовному праву наказание преследует все цели, которые выше были обозначены как утилитарные, за исключением заглаживания вреда, так как предполагается, что эта цель достигается в гражданском процессе (и остается целью юридической ответственности в целом). В свою очередь административное законодательство нацелено только на общую и частную превенцию (ст. 3.1 КоАП РФ), но также ничего не говорит о возмездии. И действительно, очень часто в качестве цели наказания называется превенция, при этом незаслуженно забывается такая цель, как исправление. По нашему мнению, правовые механизмы могут содействовать исправлению осужденного лишь в ограниченном объеме, но это обстоятельство еще не является основанием для отказа от данной цели. Кроме того, воздействие на лицо, совершившее преступление, достигается через принудительные меры воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ) и принудительные меры медицинского характера (ст. 92 УК РФ).

Действующим уголовным законом предполагается, что наказание восстанавливает социальную справедливость, если соответствует характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного (ст. 6 УК РФ). Причем если характер обществен-

ной опасности преступления является качественным показателем, формализующимся через ценность объекта посягательства и форму вины преступника, то степень общественной опасности преступления, а также личность виновного являются неформализованными критериями и включают открытый перечень признаков. Таким образом, действующий уголовный закон признает, что на справедливость приговора может влиять неограниченный перечень обстоятельств. Все они расширяют основания для неравной оценки, но так или иначе должны оправдываться целями наказания.

Следует подчеркнуть, что через исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений действующий уголовный закон достигает своего основного предназначения – восстановления социальной справедливости (ее общих начал). Кара в УК РФ не названа целью наказания и не может быть таковой, поскольку является лишь субъективным восприятием наказания тем или иным лицом.

Принцип талиона, тесно связанный с пониманием наказания как кары, едва ли является адекватным правовым средством для достижения вышеуказанных утилитаристских целей наказания: с изменением цели меняются и средства.

Вышеприведенные суждения не означают, что следует полностью отказаться от идеи И. Канта в области теории справедливого наказания. Но и «золотая середина» должна иметь четкое содержание, а не просто стремиться примирить крайности любой ценой.

Во-первых, принуждение в виде справедливого наказания допустимо, поскольку противостоит несправедливости и направлено на ее устранение. Во-вторых, следует согласиться с философом в том, что наказание невозможно без преступного деяния, которое является его основанием. В-третьих, во многом верно кантовское нравственное учение, из которого, как полагаем, можно вывести принцип равноценности лиц, касающийся уже вопросов справедливости. Казалось бы, как можно в равной степени учитывать интересы преступника и жертвы? Но И. Кант пишет: «Тот, кто что-то украл, делает ненадежной собственностью всех остальных; следовательно, он отнимает у себя... надежность всякой возможной собственности» [4, с. 372]. Таким образом, равенство лиц достигается установлением максимы неприкосновенности собственности. Впоследствии основанные на трудах И. Канта учения

о справедливости бросили решительный вызов утилитаризму. Следовательно, утилитаристский подход применяется в вопросах наказания только в ограниченном объеме, а именно: наказание должно быть таким, чтобы быть оптимально полезным для восстановления справедливого порядка; именно для этого при назначении наказания следует учитывать самые различные факторы, перечень которых открыт (форма вины, соучастие, причиненный вред, рецидив и др.).

Любое утилитаристское учение сталкивается с одной и той же проблемой: крайняя неясность того, в чем же заключается «общее благо» (которое утилитаристы называют высшей целью), ибо достоверно можно говорить только о благе конкретных лиц, а общее для абсолютно всех лиц благо вряд ли существует. Если считать правильным то, что в целом для общества приносит больше удовлетворения, чем страдания, то остается нерешенной проблема, как полученные счастье и удовольствие должны быть распределены между членами общества. В этом – краеугольный вопрос справедливости, на который утилитаризм ответить не может.

Для равного распределения удовольствий между всеми членами общества утилитаристам приходится или постулировать общую для всех иерархию ценностей и соответственно им – удовольствий, или так же догматично вводить критерии сравнения удовольствий различных лиц. Оба пути представляются сомнительными.

Таким образом, утилитаризм не может предложить до конца убедительную теорию справедливого наказания, поскольку не дает ясного представления о том, что есть справедливость.

В первой половине XX в. на ошибки теории наказания И. Канта стали указывать в том числе и правоведы-неокантианцы. Например Р. Штаммлер отстаивал допустимость помилования, называя его одним из средств для достижения «правильного права», а Г. Радбрух отмечал, что теория наказания как кары возможна только в случае, если мы признаем за правом и государством самостоятельную, не зависящую от их полезности для отдельных людей ценность, но поскольку И. Кант был, напротив, сторонником либерализма и не допускал отношение к человеку лишь как к средству, в своей теории наказания как кары он противоречит сам себе.

Предыдущее изложение показало, словами Г. Радбруха, что «справедливость наказания хотя и означает, что равно виновных

следует наказывать равно, а обвиненных в различной тяжести преступлениях – соразмерно их обвинению, при этом остается неясным, согласно какому критерию следует определять, равно ли или различно бремя обвинения: по критерию вины, опасности или какому-либо иному критерию. В то же время распределительная справедливость обвинения говорит лишь о соотношении наказаний между собой, а не о степени их суровости или виде, и лишь о месте наказания в соответствующей системе наказания, а не о самой этой системе, не о том, какова в ней шкала наказаний – должна ли она начинаться с тюрьмы и телесных наказаний и кончаться смертной казнью или начинаться с денежного штрафа и кончаться пожизненным заключением. Ответ на эти вопросы, не решенные теорией справедливости, можно получить, опираясь лишь на... целесообразность» [9, с. 180]. Таким образом, только цели наказания определяют, в какой мере следует учитывать те или иные факторы.

Особого внимания заслуживает такое условие наступления юридической ответственности, как вменяемость лица. Ведь, как писали Ф. Лист и вслед за ним И. Я. Фойницкий, причины преступлений бывают природные, общественные и индивидуальные, и если бы не существовало последних, смысла в наказаниях бы не было, а борьба с преступлениями ограничивалась бы социальной политикой и техническим преобразованием мира [10, с. 108–109]. Согласно одной из точек зрения, имеющих место в научной литературе, «невменяемость есть не что иное как неспособность психически больного лица действовать виновно» [7, с. 83]. Соответственно, вменяемость – «нормальное состояние человека зрелого и со здравым рассудком» [6, с. 81] – это необходимое условие виновности. Для раскрытия этого понятия не требуется кантовское представление о свободе воли человека [6, с. 81–82]. Как верно отмечал еще один неокантианец Г. Кельзен, вменение происходит не потому, что человек с некоторой точки зрения (например, как часть мира «вещей в себе») полностью свободен от причинно-следственных связей и способен выбирать любой вариант поведения: напротив, право, мораль и другие социальные регуляторы прямо подразумевают детерминированность человека, ибо по своей сути направлены на то, чтобы причинно воздействовать на его волю. Аргумент, оправдывающий юридическую и иную социальную ответственность, по Г. Кельзену, состоит в том,

что человек является конечным элементом цепи причин и следствий. Это означает, что он обладает разумом и волей. Привлечение к ответственности происходит потому, что совокупность причин, объединенных понятием воли, могла бы привести к другим последствиям. У детей и душевнобольных воля не способна быть действенной причиной, поэтому исключается их ответственность. В этом смысле наказание невменяемых лиц не столько несправедливо, сколько нецелесообразно [5, с. 127].

Действующее уголовное законодательство исключает ответственность невменяемого лица (ст. 21 УК РФ). В свою очередь, наше гражданское законодательство исключает правовые последствия сделок (ст. 171, 177 ГК РФ) и деликтную ответственность (п. 1 ст. 1076, абз. 1 п. 1 ст. 1078 ГК РФ) де-факто или де-юре недееспособного лица (ст. 29 ГК РФ). Таким образом, даже когда гражданско-правовая ответственность наступает без вины, предполагается, что ответственное лицо вменяемо. Сказанное позволяет обозначить вменяемость как важнейшее условие юридической ответственности (в отличие от вины, поскольку феномен безвиновной ответственности отчасти может быть объяснен теорией «взаимных рисков» [1, с. 52–53]). В сущности, только вменяемый человек может сказать, что то или иное действие – его; невменяемым же как будто руководит другая сила. В этом смысле нет принципиальной разницы между гражданским правонарушением и преступлением: ответственным всегда будет, как выразился Ф. Лист, «в известной степени зрелый человек» [6, с. 69–70].

Не менее важный вопрос состоит в том, как соотносятся между собой различные цели наказания, какие из них более приоритетны, а какие менее. «Всякое человеческое деяние, и равным образом преступление, является продуктом двух факторов: характера и ситуации, индивидуальности и среды» [8, с. 56]. Соответственно, мы должны учитывать как объект и объективную сторону преступления. Ф. Лист делил преступников на прирожденных, привычных и случайных, а целями наказания называл соответственно этим категориям обезвреживание, исправление и устрашение; Г. Радбрух, заимствовав эту классификацию Ф. Листа, предложил следующие цели наказаний в зависимости от типа преступника:

1) для «случайных» преступников, то есть преступников «под влиянием минуты» (на-

пример, аффекта), которых таковыми сделало случайное стечение внешних обстоятельств, целью наказания будет устрашение, служащее напоминанием о необходимости правильного поведения;

2) для преступников «привычных», то есть сознательно идущих на преступление, цель наказания – это:

– для «невменяемых и излечимых» – лечение, а для «невменяемых и неизлечимых» – помещение в изолированный «сумасшедший дом» (отметим, что в отношении невменяемых вообще некорректно говорить о наказании и относить их к «закоренелым» преступникам);

– для «вменяемых взрослых исправимых лиц» – исправительное наказание, конкретизировать которое, полагал Ф. Лист, должны не суды, а тюремные инстанции (впрочем, нам представляется, здесь уместны также цели устрашения, обезвреживания и изоляции);

– для «вменяемых взрослых неисправимых лиц» – обезвреживание и изоляция, то есть, в понимании Ф. Листа, пожизненное заключение (как видится, здесь достигается также цель устрашения, тем тюрьма и отличается от сумасшедшего дома);

– для вменяемых несовершеннолетних – воспитание (по нашему мнению, воспитание некорректно отождествлять с наказанием) [8, с. 57].

На основании изложенного можно сделать некоторые выводы по вопросу о том, какое наказание является правильным. Итак, юридическую ответственность в целом и наказание в частности следует понимать не как кару (возмездие), а как средство защиты от неправомерных посягательств (утилитарно). Их польза состоит в том, что они, словами И. Канта, воспрепятствуют препятствиям для свободы. Вместе с тем юридическая ответственность применяется не во всех случаях, когда она полезна, а только по отношению к вменяемым лицам, совершившим противоправное деяние (в этом состоит ее основание). При этом базовым является принцип равной ценности любых лиц, то есть в правовых санкциях не должно быть дискриминации (неравенства, не обусловленного объективными целями юридической ответственности, применяемой в условиях справедливого правопорядка); этот базовый принцип не способна дать утилитаристская доктрина. Наказание недопустимо там, где оно не способствует достижению своих целей, поэтому неотвратимость наказания должна пониматься не как безуслов-

ная логическая, а как условная практическая необходимость. Вменение основано не на теории свободной воли человека, а на том факте, что человек является важным звеном в цепи причинно-следственных связей, приводящих к преступлению. Криминологическая политика государства также направлена на предотвращение преступлений, но воздействует уже не на преступника, а на социальную среду, то есть на другие звенья тех же самых причинно-следственных связей. Принцип талиона является лишь первобытным интуитивным выражением идеи равенства и не может рассматриваться как эталон для наказания. Поэтому при назначении наказания следует учитывать скорее пользу от него, чем вред от преступления.

Для достижения целей наказания законодатель и судья (в рамках законодательства) должны учитывать максимально возможное количество самых различных фактов, не все из которых могут быть формализованы (например, перечень смягчающих уголовную ответственность наказаний является открытым). Цели наказания ранжируются в зависимости от характеристик субъекта, к которому оно применяется (для преступников «случайных» – устрашение, для преступников «привычных»: лечение – для невменяемых и излечимых, изоляция – для невменяемых и неизлечимых, исправление, устрашение, изоляция – для вменяемых и исправимых, устрашение, изоляция – для неисправимых).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Богданов, Д. Е.** Влияние принципа справедливости на эволюцию учения о причинности в деликтной ответственности / Д. Е. Богданов // Адвокат. – 2012. – № 7. – С. 5–15.
2. **Богданов, Д. Е.** Трехединая сущность справедливости в сфере деликтной ответственности / Д. Е. Богданов // Журнал российского права. – 2013. – № 7. – С. 49–62.
3. **Гроций, Г.** О праве войны и мира / Г. Гроций. – Москва : Ладомир, 1994. – 868 с. – ISBN 5-86218-149-0.
4. **Кант, И.** Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов / И. Кант. – Санкт-Петербург : Наука, 2007. – 528 с. – ISBN 978-5-02-026-294-2.
5. **Кельзен, Г.** Чистое учение о праве, справедливость и естественное право / Г. Кельзен. – Санкт-Петербург : АЛЕФ-Пресс, 2015. – 542 с. – ISBN 978-5-905966-54-5.
6. **Лист, Ф.** Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / Ф. Лист. – Москва : Инфра-М, 2004. – 110 с. – ISBN 5-16001-900-6.
7. **Назаренко, Г. В.** Правовая и криминологическая значимость уголовно-релевантных психических состояний / Г. В. Назаренко. – Орел : ГТУ, 2002. – 200 с. – ISBN 5-89963-045-7.
8. **Радбрух, Г.** Введение в науку права / Г. Радбрух. – Москва : Труд, 1915. – 160 с.
9. **Радбрух, Г.** Философия права / Г. Радбрух. – Москва : Международные отношения, 2004. – 238 с. – ISBN 5-7133-1197-X.
10. **Сергиевский, Н. Д.** Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть общая / Н. Д. Сергиевский. – Санкт-Петербург : Типография Стасюлевича, 1900. – 364 с.
11. **Слиозберг, Г. Б.** Воздаяние, возмездие / Г. Б. Слиозберг // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. Т. VIa. – Санкт-Петербург, 1892. – С. 867–868.
12. **Суденко, В. Е.** Справедливость и наказание по И. Канту / В. Е. Суденко // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. – 2010. – № 3. – С. 42–48.
13. **Сыма, Ц.** Исторические записки. Т. VII / Ц. Сыма. – Москва : Восточная литература, 1996. – 464 с. – ISBN 5-02-017826-8.
14. **Шамсудинов, И. У.** Теории наказания в доктрине уголовного права и дискуссия о его целях; альтернативы уголовному наказанию / И. У. Шамсудинов // Молодой ученый. – 2016. – № 13. – С. 604–607.
15. **Dewey, H. W.** Russian Collective Consciousness: The Kievan Roots / H. W. Dewey, A. M. Kleimola // The Slavonic and East European Review. – Vol. 62. – No. 2 – Pp. 180–191.
16. **Höffe, O.** Kategorische Rechtsprinzipien. Ein Kontrapunkt der Moderne / O. Höffe. – Frankfurt am Main, 1993. – 431 s. – ISBN 978-3-518-58163-6.

REFERENCES

1. Bogdanov D. E. Vliyanie principa spravedlivosti na evolyuciyu ucheniya o prichinnosti v deliktnoj otvetstvennosti [The influence of the principle of justice on the evolution of the doctrine of causality in tort liability]. *Advokat – Lawyer*, 2012, no. 7, pp. 5–15. (In Russ.).
2. Bogdanov D. E. Triedinaya sushchnost' spravedlivosti v sfere deliktnoj otvetstvennosti [The Triune Essence of Tort Justice]. *Zhurnal Rossijskogo Prava – Journal of Russian Law*, 2013, no. 7, pp. 49–62. (In Russ.).
3. Grocij G. *O prave vojny i mira* [On the law of war and peace]. Moscow, 1994. 868 p. (In Russ.).
4. Kant I. *Osnovy metafiziki nrvstvennosti. Kritika prakticheskogo razuma. Metafizika nrvov* [Fundamentals of the metaphysics of morality. Criticism of practical reason. Metaphysics of Morals]. St. Petersburg, 2007. 528 p. (In Russ.).
5. Kel'zen G. *CHistoe uchenie o prave, spravedlivost' i estestvennoe pravo* [Pure doctrine of law, justice and natural law]. St. Petersburg, 2015. 542 p. (In Russ.).
6. List F. *Zadachi ugovolnoj politiki. Prestuplenie kak social'no-patologicheskoe yavlenie* [The objectives of criminal policy. Crime as a socio-pathological phenomenon]. Moscow, 2004. 110 p. (In Russ.).
7. Nazarenko G. V. *Pravovaya i kriminologicheskaya znachimost' ugovolno-relevantnyh psichicheskikh sostoyanij* [Legal and criminological significance of criminally relevant mental conditions]. Orel, 2002. 200 p. (In Russ.).
8. Radbruh G. *Vvedenie v nauku prava* [Introduction to the Science of Law]. Moscow, 1915. 160 p. (In Russ.).
9. Radbruh G. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow, 2004. 238 p. (In Russ.).

10. Sergievskij N. D. *Russkoe ugovnoe pravo. Posobie k lekciyam. CHast' obshchaya* [Russian criminal law. The manual for lectures. Part common]. St. Petersburg, 1900. 364 p. (In Russ.).
11. Sliozberg G. B. *Vozdayanie, vozmездие* [Retribution]. *Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg, 1892, vol. VIa, pp. 867–868. (In Russ.).
12. Sudenko V. E. *Spravedlivost' i nakazanie po I. Kantu* [Justice and punishment according to I. Kant]. *Vestnik asociacii vuzov turizma i servisa – Bulletin of the Association of Tourism and Service Universities*, 2010, no. 3, pp. 42–48. (In Russ.).
13. Syma C. *Istoricheskie zapiski. T. VII* [Historical notes. Vol. VII]. Moscow, 1996. 464 p. (In Russ.).
14. SHamsudinov I. U. *Teorii nakazaniya v doktrine ugovnogo prava i diskussiya o ego celyah; al'ternativy ugovnomu nakazaniyu* [Theories of punishment in the doctrine of criminal law and discussion of its objectives; alternatives to criminal punishment]. *Molodoj uchenyj – Young scientist*, 2016, no. 13, pp. 604–607. (In Russ.).
15. Dewey H. W., Kleimola A. M. *Russian Collective Consciousness: The Kievan Roots. The Slavonic and East European Review*, 1984, vol. 62, no. 2, pp. 180–191. (In Eng.).
16. Höffe O. *Kategorische Rechtsprinzipien. Ein Kontrapunkt der Moderne*. Frankfurt am Main, 1993. 431 s. (In Germ).

УДК 343.8(476)

Порядок направления к месту отбывания наказания осужденных к аресту

В. С. ШАБАЛЬ – старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права уголовно-исполнительного факультета Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, кандидат юридических наук

Реферат

В статье анализируются проблемы в сфере направления к месту отбывания наказания осужденных к аресту в Республике Беларусь. На основе изучения уголовно-исполнительного законодательства делается вывод об отсутствии нормативного регулирования вопросов направления осужденных в арестные дома, понятия уклонения от отбывания наказания в виде ареста, а также порядка и условий привлечения к уголовной ответственности по ст. 414 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Это обуславливает проблемы, связанные с нарушением принципа неотвратимости уголовной ответственности и практикой применения данного вида наказания, влечет в том числе рост рецидивной преступности, вплоть до тяжких и особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь и здоровье человека.

На основе сравнительного анализа законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации, регламентирующего порядок исполнения и отбывания наказания в виде ареста, отмечается схожесть правового регулирования данных общественных отношений и проблем в правоприменительной практике обеих стран.

Делается вывод о необходимости внесения изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь с целью устранения коллизий, связанных с исполнением наказания в виде ареста, а также проведения комплексного исследования исполнения наказания в виде ареста в Российской Федерации.

Ключевые слова: осужденный; арест; арестные дома; уголовно-исполнительная инспекция; исполнение наказаний; направление осужденных к месту отбывания наказания.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

The procedure for sending sentenced to arrest to the place of punishment

V. S. SHABAL – Senior Lecturer the Department of Penal Law of the Penal Department of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, PhD. in Law

Abstract

The article analyzes the problems in the direction of sentenced to arrest in the Republic of Belarus to the place of punishment. Based on the study of penal legislation it is concluded that there is no normative regulation of the issues of sending convicts to lockup houses, the concept of evading serving a sentence of arrest as well as the procedure and conditions for criminal prosecution under Art. 414 of the Criminal Code of the Republic of Belarus. This causes problems associated with the violation of the principle of the inevitability of criminal liability and the practice of applying this type of punishment, entailing among other things the growth of recidivism up to grave and especially grave crimes, encroaching on human life and health.

Based on a comparative analysis of the legislation of the Republic of Belarus and the Russian Federation, which regulates the execution and serving of punishment in the form of arrest, the similarity of legal regulation of these public relations and problems in the law enforcement practice of both countries is noted.

The conclusion is drawn about the need to amend the Penal Code of the Republic of Belarus in order to eliminate conflicts related to the execution of the sentence of arrest as well as conduct a comprehensive study of the execution of the sentence of arrest in the Russian Federation.

Key words: convicted; arrest; lockup houses; penal inspection; execution of sentences; sending convicts to the place of serving the sentence.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

В соответствии со ст. 48 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК РБ) одним из видов наказаний является арест, который заключается в содержании осужденного в условиях строгой изоляции на кратковременный срок. Несмотря на то что данное наказание существует уже 20 лет, многие вопросы, касающиеся его исполнения, не урегулированы по настоящее время, что представляется не совсем верным, так как все, что касается уголовной ответственности, должно быть четко регламентировано нормативными правовыми актами. Например, в настоящее время уголовно-исполнительным законодательством Республики Беларусь не в полной мере определен порядок направления к месту отбывания наказания осужденных к аресту, что порождает определенные проблемы при исполнении данного вида наказания.

Частью 4 ст. 58 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (УИК РБ) определено, что порядок направления к месту отбывания наказания осужденных к аресту устанавливается Министерством внутренних дел Республики Беларусь. При этом начальник территориального органа внутренних дел до того, как направить осужденного к месту отбывания наказания, может его заключить в следственный изолятор, для чего необходимо вынести постановление. То есть из анализа норм гл. 9 УИК РБ следует сделать вывод, что законодательством не определено следующее: кто в конечном итоге и как направляет осужденных в арестные дома; возможно ли самостоятельное следование осужденного к месту

отбывания наказания; последствия неприбытия в арестный дом; понятие уклонения от отбывания наказания. При этом из анализа ч. 4 ст. 58 УИК РБ можно сделать вывод, что уполномоченными органами по реализации данной нормы являются территориальные органы внутренних дел, однако прямо об этом в кодексе не говорится (указано лишь то, что начальник отдела внутренних дел может поместить осужденного в следственный изолятор). В настоящее время направлением осужденных к аресту к месту отбывания наказания занимаются Департамент исполнения наказаний МВД Республики Беларусь (если осужденный содержится под стражей) либо уголовно-исполнительная инспекция территориального отдела внутренних дел (когда в период до осуждения обвиняемое лицо в следственный изолятор не помещалось).

По причине неурегулированности данных моментов возникают проблемы при реализации целей уголовной ответственности при применении наказания в виде ареста, что косвенно подтверждается статистическими данными. Так, за 2018–2019 гг. соотношение привлеченных к уголовной ответственности за уклонение от отбывания наказания в виде ареста по ст. 414 УК РБ и скрывшихся с места жительства осужденных к аресту составляет 1/107, то есть, несмотря на частые случаи, когда осужденные к аресту скрываются от отдела внутренних дел, суды привлекают граждан к уголовной ответственности по ст. 414 УК РБ лишь в единичных случаях.

Представляется, что такая ситуация складывается по причине неопределенности

термина уклонения осужденных от отбывания наказания и порядка их направления в арестные дома. Органы уголовного преследования и суды, не имея действенной нормативной базы, не возбуждают уголовные дела по данной статье, закрепленной в уголовном законодательстве Республики Беларусь. В случае же задержания уклоняющегося осужденного его просто направляют к месту отбывания наказания под конвоем. С учетом всего вышесказанного возможна ситуация, когда лицо, совершившее преступление, может вовсе избежать наказания, поскольку в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 84 УК РБ оно может быть освобождено от наказания, так как истекли сроки давности (два года) исполнения приговора суда. В связи с неопределенностью понятия уклонения от отбывания наказания проблематично к нему применить ч. 2 ст. 84 УК РБ (в которой предусмотрено, что течение сроков давности приостанавливается, если осужденный уклоняется от отбывания наказания). Получается, что осужденному к аресту достаточно в течение двух лет после вынесения приговора скрываться для применения в отношении него п. 2 ч. 1 ст. 84 УК РБ, что часто становится реальностью.

Все это обуславливает необходимость определения понятия уклонения от отбывания наказания в виде ареста. В настоящее время из анализа ст. 414 УК РБ следует, что уклонение от отбывания наказания в виде ареста наступает лишь в том случае, если осужденный не был заключен под стражу в период вступления приговора в законную силу, так как в иных случаях может наступить уголовная ответственность за побег из арестного дома либо из-под стражи (ст. 413 УК РБ). При исполнении других наказаний, например такого вида ограничения свободы, как направление в исправительное учреждение открытого типа, предусмотрено вручение специального предписания о том, что необходимо в определенный срок выехать в учреждение по определенному адресу. В случае же осуждения к аресту этого не предусмотрено. Однако представляется, что аналогичный порядок должен действовать и при исполнении ареста. Если рассматривать ограничение свободы, то одним из элементов состава уклонения от отбывания наказания выступает отказ от вручения предписания, в котором в обязательном порядке указывается срок прибытия осужденного в исправительное учреждение открытого типа по конкретному адресу (если в срок не приезжает, то это тоже является

нарушением). В связи с неопределенностью данных вопросов возникает ситуация, когда осужденный с момента вынесения приговора до вступления его в законную силу скрывается (при этом ему еще не было вручено предписание о выезде к месту отбывания наказания) и привлечь его к уголовной ответственности по данной статье УК РБ невозможно, так как ему официально не было сообщено, в каком арестном доме он обязан находиться в определенный срок. Данное положение является недопустимым, так как дает возможность избежать наказания преступнику, что является нарушением принципа неотвратимости уголовной ответственности, предусмотренного ч. 1 ст. 3 УК РБ.

В научно-практическом комментарии к ст. 414 УК РБ разъясняется, что уклонением будут являться «уклонение от получения предписания о выезде либо неприбытие к месту отбывания наказания без уважительных причин после получения предписания о выезде», а также «сокрытие осужденного с целью уклонения от отбывания наказания» [1, с. 887]. Однако это относится только лишь к такому виду наказания, предусмотренному УК РБ, как лишение свободы, поскольку данные выводы автором научно-практического комментария сделаны из анализа ст. 65 УИК РБ, в которой говорится о порядке направления осужденных к лишению свободы к месту отбывания наказания. Порядок же направления осужденных к аресту, как отмечалось ранее, не регламентирован в УИК РБ. Возможно, конечно, по аналогии использовать порядок, установленный для наказания в виде лишения свободы, однако в ч. 2 ст. 59 кодекса определено, что на осужденных к аресту ничего не распространяется, кроме условий, которые распространяются на осужденных к лишению свободы, содержащихся в тюрьме в условиях общего режима, что регламентировано ст. 125 УИК РБ. При этом отсылка к ст. 65 УИК РБ отсутствует. То есть процедура действий уполномоченных органов по направлению осужденных к аресту к месту отбывания наказания, порядок вручения предписания, последствия отказа от вручения предписания и т. д. не регламентированы законодательством.

Возникает также вопрос: каков юридический статус помещенного по постановлению начальника территориального отдела внутренних дел осужденного к аресту в следственный изолятор? Если приговор вступил в законную силу, то лицо имеет статус осужденного и в изоляторе отбывает на-

казание в виде ареста. Если же приговор не вступил в законную силу, то в каком правовом статусе лицо содержится под стражей: заключенного под стражу или осужденного? Если это является мерой пресечения, то в ст. 126 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК РБ) регламентирован порядок применения данной меры пресечения (применяется к определенному кругу лиц, требуется санкция прокурора и т. д.). При этом в ст. 3 Закона Республики Беларусь от 16.06.2003 № 215-З «О порядке и условиях содержания под стражей» определено, что одним из оснований содержания лиц под стражей является постановление (определение) о задержании. В ст. 5 данного закона в том числе установлено, что в следственном изоляторе могут содержаться не только заключенные под стражу, но и осужденные в случаях, предусмотренных УИК РБ, то есть начальник территориального отдела внутренних дел должен выносить постановление о задержании осужденного к аресту, которое в обязательном порядке необходимо санкционировать у прокурора. В этом случае неточность, существующая в законодательстве, будет устранена, и осужденный будет содержаться в следственном изоляторе на законных основаниях.

Для устранения вышеперечисленных коллизий необходимо внести изменения в УИК РБ с целью регламентации порядка направления осужденных к аресту к месту отбывания наказания, закрепления понятия уклонения от отбывания наказания в виде ареста, действий уполномоченных органов как при направлении, так и при установлении факта уклонения, возможности возмещения расходов в связи с розыском осужденного и пр.

Вопросы направления осужденных к месту отбывания других видов наказаний регулируется УИК РБ, а также нормативными правовыми актами МВД Республики Беларусь (в отношении осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, – постановлением МВД от 15.01.2014 № 13, в отношении лишения свободы – постановлением МВД от 12.12.2005 № 389). Следует отметить, что в Республике Беларусь в отношении практически всех наказаний имеются свои нормативные правовые акты, регламентирующие процедуру направления осужденных в органы и учреждения, которые исполняют данные меры уголовной ответственности.

В отношении ареста схожего постановления не существует, несмотря на то что в ч. 4 ст. УИК РБ прямо указано, что порядок на-

правления устанавливается МВД. 29 декабря 2016 г. министерство приняло постановление № 345 «Об утверждении Инструкции о порядке направления к месту отбывания наказания осужденных к аресту», которое не прошло обязательную юридическую экспертизу нормативных правовых актов, так как положения пунктов инструкции не соответствовали УИК РБ, в том числе ч. 4 ст. 58. Это было связано в основном с тем, что нормативные правовые акты МВД не могут устанавливать дополнительные правоограничения, не предусмотренные законом, в том числе и УИК РБ. По этим причинам 10 марта 2017 г. было принято постановление МВД № 57 «Об отмене постановления Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 29 декабря 2016 г. № 345».

В случае внесения в УИК РБ нормы, регламентирующей общий порядок направления осужденных к аресту к месту отбывания наказания, содержание которой может быть аналогичным ст. 45, 65 данного кодекса, препятствие для ведомственного урегулирования данных процессов будет устранено, что позитивно повлияет на реализацию целей уголовной ответственности, в том числе предупреждения совершения нового преступления. При этом представляется, что с учетом того, что наказания в виде ареста и лишения свободы схожи по своей сути, необходимо предусмотреть порядок направления к месту отбывания наказания аналогичным направлением в исправительные учреждения. Это связано с тем, что лишение свободы и арест предполагают строгую изоляцию осужденных от общества (помещение в специализированные учреждения с определенным режимом) с ограничением социальных связей (в том числе с семьей).

Анализ УИК РФ позволяет сделать вывод, что проблемы, отраженные в данной статье применительно к законодательству Республики Беларусь, присущи и Российской Федерации. Так, в гл. 10 УИК РФ ничего не говорится о порядке направления осужденного к аресту к месту отбывания наказания, отсутствует понятие уклонения, да и в целом объем данной главы меньше, чем в УИК РБ. Стоит отметить, что в УК РФ вообще отсутствует статья за уклонение от отбывания наказания в виде ареста. Осужденный к аресту может совершить только побег, ответственность за который предусмотрена ст. 313 УК РФ. При этом аналогично законодательству Республики Беларусь порядок направления осужденных к лишению свободы подробно регламентирован ст. 75–76 УИК РФ. В соот-

ветствии же со ст. 314 УК РФ наступает уголовная ответственность за то, что осужденный тем или иным способом уклоняется от того, чтобы отбывать такие виды наказаний, как ограничение свободы и лишение свободы. Возникает вопрос: почему в соответствии с УК РФ осужденные к ограничению свободы и лишению свободы могут допустить уклонение от отбывания наказания, а осужденные к аресту нет? Представляется, что данное положение не является правильным, так как позволяет определенной части преступников не нести уголовную ответственность за свои деяния.

Данная ситуация в законодательстве Республики Беларусь и Российской Федерации сложилась по причине того, что наказание в виде ареста является относительно молодым и появилось с принятием действующих УИК РБ и УИК РФ. Однако в настоящее время такое положение вещей является недопустимым в правовых государствах, поэтому необходимо внести изменения в действующее законодательство.

Данную проблему возможно решить, если предусмотреть обязательное помещение судом осужденных к аресту в следственный изолятор после вынесения приговора. Однако данный вариант является не совсем перспективным, так как не позволяет суду дифференцированно подходить к вопросам применения мер пресечения в зависимости от личности виновного. В большинстве своем наказание в виде ареста применяется не за тяжелые преступления, поэтому содержать данных осужденных в изоляторе чаще всего нецелесообразно.

Таким образом, для реализации предложений, изложенных в данной статье, необходимо дополнить УИК РБ ст. 58¹, в которой предусмотреть следующее:

1. Порядок и сроки направления осужденных к аресту к месту отбывания наказания, если они содержатся в следственном изоляторе. Представляется, что срок должен составлять 10 дней с момента получения администрацией следственного изолятора соответствующих материалов из суда. Необходимо в течение этого срока предусмотреть право осужденного на свидание с близкими родственниками, а также обозначить, что саму процедуру направления должно определять ведомство, в подчинении которого находятся арестные дома, то есть МВД Республики Беларусь.

2. Если осужденный к аресту не находился под стражей в день вынесения приговора, то следует указать, что он может следо-

вать в арестный дом самостоятельно за счет государства. Но в этом случае суд должен по согласованию с ДИН МВД Республики Беларусь еще в момент вынесения приговора обозначить время прибытия и конкретный арестный дом, в котором осужденный будет отбывать наказание. Территориальные органы внутренних дел должны вручать предписания о выезде. Представляется, что по аналогии с лишением свободы срок прибытия должен быть не менее трех суток с момента личного получения предписания осужденным.

3. В третьей части данной статьи необходимо указать то, что если осужденный в той или иной форме будет отказываться от получения предписания либо вовсе не придет в арестный дом в срок, установленный ему органом внутренних дел, возможно его задержание на 15 суток (в обязательном порядке с санкции прокурора). В этот период времени должны устанавливаться причины, по которым конкретный осужденный к аресту уклонялся от наказания. Если органы внутренних дел не усмотрят уважительных причин, то им следует направить осужденного в арестный дом согласно наряду ДИН МВД Республики Беларусь.

4. Осужденный должен быть освобожден из-под стражи после того, как конвой доставит его в арестный дом.

5. Также следует обозначить, что если осужденный не прибывает в арестный дом, то именно территориальные органы внутренних дел объявляют его в розыск. Данная норма необходима, чтобы устранить неопределенность в том, кто будет заниматься поиском: подразделения милиции или органы и учреждения ДИН МВД Республики Беларусь.

6. Одновременно с этим следует указать, что в случае задержания осужденного он по постановлению начальника органов внутренних дел помещается в следственный изолятор, после чего либо решается вопрос о возбуждении уголовного дела за уклонение от отбывания наказания, либо он направляется в арестный дом.

7. Одной из составных частей исполнения наказания является порядок исчисления его срока, поэтому далее в ст. 58¹ будет устанавливаться, что срок должен считаться с того момента, когда осужденного ставят на учет в арестном доме. В срок наказания должно засчитываться следующее: время нахождения в следственном изоляторе, время следования в арестный дом под конвоем.

При расчете времени должно работать правило, аналогичное лишению свободы, когда один день содержания в следственном изоляторе под стражей соответствует одному дню в арестном доме. Одной из важных норм является то, что не включается в срок наказания время, когда осужденный самовольно отсутствовал на территории арестного дома свыше одного дня. Это связано с тем, что осужденным к аресту может быть предоставлен выезд за пределы учреждения в исключительных обстоятельствах.

В примечание к данной статье необходимо включить дефиницию близких родственников, которая в настоящее время содержится в примечании к ст. 59 УИК РБ.

Часть 4 ст. 58 УИК РБ и приложение к ст. 59 следует исключить в связи с тем, что данные нормы будут включены в ст. 58¹ УИК РБ.

Для определения понятия уклонения от отбывания наказания в виде ареста представляется возможным дополнить ст. 61 УИК РБ ч. 16–20.

В ч. 16 ст. 61 УИК РБ должна содержаться общая норма понятия уклонения, которая, по нашему мнению, включает в себя два элемента: 1) неприбытие в арестный дом в установленный предписанием срок; 2) невозвращение после краткосрочного выезда в арестный дом в установленный срок. В обоих случаях необходимо выяснять причины, по которым осужденный нарушил данные требования. Если имеются уважительные причины (например, заболевание и т. д.), уклонение от отбывания наказания не наступает.

Розыском осужденного к аресту, согласно ч. 17, в обоих вышеупомянутых случаях будут заниматься территориальные органы внутренних дел, что логично, так как осужденный как в одной, так и другой ситуации должен находиться в том районе, где расположен орган внутренних дел, который и будет объявлять его в розыск. Именно сотрудники территориальных органов внутренних дел должны владеть информацией

как о возможном месте нахождения беглого осужденного, так и о круге его общения, что также способствует его поиску.

В ч. 18 ст. 61 УИК РБ постулируется, что в случае задержания осужденного в тех ситуациях, которые обозначены в ч. 17, его необходимо помещать в следственный изолятор либо изолятор временного содержания для проведения неотлагательных мероприятий как по выяснению причин, по которым он допустил уклонение, так и для возбуждения уголовного дела и проведения необходимых следственных действий.

Направлять материалы для осуществления уголовного преследования за уклонение в зависимости от ситуации будут следующие органы и учреждения: 1) в случае если осужденный не прибыл в учреждение после вынесения приговора – уголовно-исполнительная инспекция по месту нахождения суда; 2) в случае если осужденный не вернулся в арестный дом после выезда – администрация арестного дома (ч. 19).

Задерживать осужденного к аресту, если имеется уклонение от отбывания наказания, следует органу внутренних дел по месту жительства осужденного в обязательном порядке с санкции прокурора на срок не более тридцати суток. В связи с тем, что розыскные мероприятия предполагают определенные финансовые затраты, следует предусмотреть возможность удержания с осужденного денежной суммы, которую потратили уполномоченные органы на его поиск и задержание. При этом размер денежной суммы должен быть не произвольным, а установленным в нормативных правовых актах Совета Министров Республики Беларусь (ч. 20).

Представляется, что аналогично Республике Беларусь вопросы, рассмотренные в данной статье, требуют детального изучения и в Российской Федерации в целях последующей регламентации на законодательном уровне порядка исполнения наказания в виде ареста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь: научно-практический комментарий / под редакцией В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с. – ISBN 978-985-6739-60-9.

REFERENCES

1. Homich V. M., Barkov A. V., Marchuk V. V. (red.) *Ugolovnyj kodeks Respubliki Belarus': nauchno-prakticheskij kommentarij* [The Criminal Code of the Republic of Belarus: Scientific and Practical Commentary]. Minsk, 2019. 1000 p. (In Russ.).

О некоторых проблемах организационно-правового характера, возникающих при освобождении лиц, отбывших наказание в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы

Е. В. ЕМЕЛЬЯНОВА – главный научный сотрудник отдела по изучению социальных процессов и разработке комплексных проблем обеспечения правопорядка Научного центра Академии управления МВД России, директор юридического института Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, доктор юридических наук, доцент;

Т. П. МАТВЕЕВА – старший преподаватель кафедры частноправовых дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России

Реферат

В настоящее время процессу подготовки осужденных к освобождению уделяется большое внимание, так как он чрезвычайно важен для их успешной адаптации в обществе.

Необходимо помнить, что отечественная практика освобождения и международный опыт в этой сфере имеют длительную историю, а современный институт освобождения формировался не одно десятилетие. Как известно, обращение к положительным примерам прошлого позволяет, опираясь на актуальные достижения, получить результаты, отвечающие требованиям сегодняшнего времени.

Проведенное авторами исследование подтвердило наличие ряда проблем организационного, экономического, правового характера в области подготовки осужденных к освобождению, несмотря на то, что вопросы ресоциализации освобожденных сегодня находятся в центре внимания государства. Например, серьезные трудности возникают у персонала исправительного учреждения при оформлении и приобретении проездных документов для освобожденных из мест лишения свободы. Кроме того, осложнено взаимодействие со службами, имеющими отношение к процессу социальной адаптации освобожденных (занятости, социальной защиты и др.).

Решение названных и иных возникающих проблем требует совершенствования нормативного обеспечения и повышения эффективности организации подготовки и оказания помощи лицам, освобождаемым от отбывания наказания.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная политика; осужденные, освобожденные из мест лишения свободы; проезд до места жительства; проездные билеты; проблемы финансового характера; исправительные учреждения.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

On some organizational-legal problems arising during the release of persons who have served their sentences in correctional institutions of the penal system

E. V. EMELYANOVA – Chief Researcher at the Department for the Study of Social Processes and the Development of Complex Law Enforcement Problems of the Scientific Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Director of the Law Institute of the St. Petersburg Academy of the Investigation Committee, Dsc. in Law, Associate Professor;

T. P. MATVEEVA – Senior Lecturer of the Department of Private Law Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia

Abstract

Currently much attention is paid to the process of preparing convicts for release since it is extremely important for their successful adaptation in society.

It must be remembered that the domestic practice of liberation and international experience in this field have a long history, and the modern institution of liberation has been formed for more than a decade. As you know, turning to positive examples of the past allows, based on current achievements, to obtain results that meet the requirements of today.

A study conducted by the authors confirmed the presence of a number of organizational, economic, legal problems in the field of preparing prisoners for release, despite the fact that today the issues of re-socialization of those released are in the focus of state attention. For example the staff of a correctional institution has serious difficulties in issuing and purchasing travel documents for those released from places of deprivation of liberty. In addition interaction with services related to the process of social adaptation of those released (employment, social protection, etc.) is complicated.

The solution of these and other emerging problems requires improving regulatory support and increasing the effectiveness of organizing training and providing assistance to persons released from serving their sentences.

Key words: penal policy; convicted persons released from places of deprivation of liberty; travel to the place of residence; travel tickets; financial issues; correctional facilities.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Уголовная (уголовно-исполнительная) политика нашего государства на современном этапе характеризуется двумя основными тенденциями: гуманизацией уголовного законодательства (например, введение альтернативных видов наказаний в более чем 180 составах преступления, установление кратности штрафов за взяточничество и др.) и решением вопросов ресоциализации осужденных (в каждом исправительном учреждении организованы занятия в школах подготовки к освобождению за 6 месяцев до освобождения и т. д.). Так или иначе, обе эти составляющие напрямую касаются освобождаемых из исправительных учреждений ФСИН России.

Институт освобождения имеет в России свою историю. Изучение материалов, касающихся освобождения из тюрем, арестантских домов, каторги и т. д. в царской России, позволило прийти к выводу, что этому вопросу государство тогда уделяло минимум внимания. Если помощь освобождаемым и оказывалась, то в большей степени за счет благотворительных взносов. Например, основанное в 1819 г. Попечительное о тюрьмах общество [2] содействовало в поиске подъемных денежных средств, необходимых лицам, освобожденным из-под стражи или отбывшим срочное заключение.

В советский период постепенно складывалась система оказания помощи освобождаемым из мест лишения свободы. Так, в Исправительно-трудовом кодексе РСФСР 1924 г. было закреплено положение о том, что накануне дня истечения срока заключе-

ния заканчивается личный счет заключенного, имеющиеся на его счету деньги при освобождении выдаются ему на руки под расписку вместе с документами и другими принадлежащими ему вещами (ст. 200). Кроме того, согласно примечанию к ст. 206 ИТК РСФСР 1924 г., по постановлению наблюдательной комиссии не имеющие соответствующей времени года собственной одежды освобождаемые из места заключения снабжались одеждой и обувью. Отдел десятый кодекса так и назывался – «Организация помощи заключенным, освобождаемым из мест заключения».

В следующем ИТК РСФСР 1933 г. самостоятельный раздел, посвященный организации оказания помощи освобождаемым из мест лишения свободы, уже отсутствовал.

В ИТК РСФСР 1970 г. гл. XIX регламентировала исключительно интересующие нас вопросы. Например, в ней было закреплено, что лица, освобождаемые из мест лишения свободы, обеспечиваются бесплатным проездом к месту жительства или работы, продуктами питания или деньгами на путь следования по установленным нормам. При отсутствии необходимой по сезону одежды, обуви и средств на их приобретение освобождаемые должны быть обеспечены одеждой и обувью бесплатно. Им могло быть выдано единовременное денежное пособие из специального фонда. Порядок оплаты проезда, обеспечения питанием и одеждой, выдачи единовременного пособия устанавливался Советом министров СССР.

Кроме того, в этот период был принят ряд документов, касающихся обеспечения отдельных категорий освобождаемых. Так, Совет Министров СССР своим постановлением от 13.05.1976 № 322 «Вопросы, связанные с единовременным условным освобождением из мест лишения свободы некоторых категорий осужденных для работы на стройках народного хозяйства» возложил на Министерство внутренних дел СССР обязанность по обеспечению этих лиц обувью и одеждой по сезону и питанием в пути следования к месту работы на стройки народного хозяйства. Освобождаемым списывались по месту отбывания наказания долги по питанию и вещевому довольствию. Помимо МВД СССР беспрепятственный проезд к месту работы обеспечивали и другие министерства, такие как Министерство путей сообщения, Министерство морского флота, Министерство гражданской авиации, а также органы управления речным флотом и автомобильным транспортом союзных республик. Условно освобожденные после отработки обязательного срока на стройках могли остаться там при условии заключения трудового договора на срок не менее двух лет. В этом случае им выплачивалось единовременное пособие, размер которого соответствовал выплатам, предусмотренным для работников, добровольно приезжающих в порядке организованного набора, а также компенсировались стоимость проезда, провоза имущества и выдавалось единовременное пособие на членов семьи работника, которые приезжали к нему, согласно ст. 116 КЗоТ РСФСР и соответствующим статьям КЗоТов других союзных республик. Еще одной гарантией того периода являлась выдача ссуды на обзаведение хозяйством в размере до 200 руб. на семью с погашением в течение полутора лет в случае, если семья условно освобожденного переезжала к нему ранее истечения обязательного срока.

Международная практика при освобождении от заключения опирается на положения таких документов, как Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (далее – Правила Нельсона Манделы), Европейские тюремные правила 2006 г. и др.

Согласно п. 108 Правил Нельсона Манделы заключенные при освобождении должны получать необходимые документы и удостоверение личности, находить жилье и работу, иметь подходящую и достаточную для данного климата и времени года одежду и

располагать средствами, достаточными для проезда к месту их назначения и для жизни в течение периода, непосредственно следующего за освобождением. Отдельный раздел Европейских тюремных правил 2006 г. посвящен вопросам освобождения заключенных. Так, в соответствии с ним при освобождении заключенные должны получать соответствующие документы и документы, удостоверяющие их личность, а также помощь в поиске подходящего жилья и работы. Освобожденным заключенным предоставляются средства вспомоществования, одежда соответственно климату и времени года.

В Минимальных стандартных правилах Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинских правилах), основной акцент делается на том, чтобы к несовершеннолетним регулярно применялось условное освобождение на ранних этапах и освобожденные несовершеннолетние получали помощь и находились под надзором соответствующего органа.

Например, в Германии при освобождении бывший заключенный получает материальную помощь от учреждения, деньги на проезд к месту жительства, помощь из тех средств, которые он вносил на свой счет в течение всего срока отбывания наказания, а при необходимости и одежду. Для исчисления размера финансовых средств принимаются во внимание продолжительность отбытого наказания, личное участие в труде, умение экономить в процессе распоряжения собственными и «домашними» деньгами во время заключения [3].

В Белоруссии, согласно Постановлению Совета министров Республики Беларусь от 15.09.2006 № 1218 «Об утверждении Положения о порядке оказания помощи лицам, освобожденным из мест лишения свободы и из-под стражи, а также порядке оплаты следования осужденных к месту отбывания наказания в виде ограничения свободы», учреждения уголовно-исполнительной системы обеспечивают освобожденных лиц проездными документами или денежными средствами на их приобретение для проезда к месту жительства железнодорожным или автомобильным транспортом в пределах Республики Беларусь, продуктами питания на время, необходимое для проезда к месту жительства, при отсутствии у освобожденных лиц собственной одежды, обуви и средств на их приобретение – одеждой и обувью по сезону.

В России порядок освобождения из мест лишения свободы и оказание помощи освобождающимся регламентируются ст. 173, 181 УИК РФ, а оформление освобождения – ведомственными нормативными актами. Следует обратить внимание на то, что помимо справки об освобождении, в которой делается отметка о выдаче проездных документов и всех видов материального обеспечения, осужденный получает справку о заработке, где указывается, в течение сколько календарных недель за 12 месяцев, предшествовавших освобождению, он имел оплачиваемую работу, размер средней заработной платы за последние месяцы работы (без учета удержаний), специальность и разряд, по которым осужденный работал. Данная справка служит основанием для установления размера пособия по безработице при обращении в службу занятости по месту жительства.

Если лица, освобождаемые из мест лишения свободы, нуждаются в постороннем уходе или являются несовершеннолетними в возрасте до 16 лет, то при отсутствии встречающих они направляются к месту жительства в сопровождении сотрудника исправительного учреждения.

Ежегодно из исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы по отбытии срока наказания, назначенного по приговору суда, освобождается в среднем от 200 до 300 тыс. чел. [1]. Согласно нормам уголовно-исполнительного законодательства осужденным, освобождаемым от принудительных работ, ареста или лишения свободы на определенный срок, организуется бесплатный проезд к месту жительства, они обеспечиваются продуктами питания или деньгами на время проезда. При отсутствии необходимой по сезону одежды или средств на ее приобретение осужденные, освобождаемые из мест лишения свободы, обеспечиваются одеждой за счет средств федерального бюджета. Возможна выдача единовременного денежного пособия в размере, устанавливаемом Правительством Российской Федерации. Все эти меры реализуются администрацией учреждения, исполняющего наказание, в пределах выделенных лимитов бюджетных обязательств (ст. 181 УИК РФ).

С целью выяснения мнения сотрудников по вопросу оказания помощи освобождаемым из мест лишения свободы был проведен опрос различных категорий персонала исправительных учреждений Астраханской, Ивановской, Волгоградской, Ростовской,

Свердловской областей, Пермского края, так или иначе имеющих отношение к процессу подготовки осужденных к освобождению (начальники отрядов, оперативные работники, сотрудники финансовых служб и др.).

Прежде всего, необходимо отметить, что большинство опрошенных (65 %) считают, что государство должно оказывать помощь (финансовую, материальную и т. д.) освобождаемым из мест лишения свободы, тогда как 16 % респондентов полагают, что освобождаемые должны решать свои проблемы самостоятельно.

По мнению 38 % опрошенных, государство, оказывая помощь освобождаемым, осуществляет профилактику совершения новых преступлений; половина (50 %) участников опроса склоняются к тому, что в данном случае государство только проявляет гуманность в отношении оступившихся граждан; 4 % полагают, что здесь имеют место нерациональные траты денег налогоплательщиков.

Как показало исследование, в настоящее время сохраняется ряд проблем при осуществлении освобождения. Они носят организационный (финансового, материального и т. п. обеспечения) и правовой характер. В их числе следует назвать:

- наличие пробелов в уголовном, уголовно-исполнительном законодательстве;
- отсутствие достаточного финансирования системы исполнения наказаний;
- неэффективное взаимодействие различных структур (государственных и общественных), имеющих отношение к социальной адаптации освобождаемых из исправительных учреждений.

Наибольшие затруднения у сотрудников вызывает решение организационных вопросов при освобождении – так считают 45 % респондентов, 14 % опрошенных полагают, что это проблемы экономического плана, 12 % – финансового, 8 % – правовые проблемы.

Изучение практики деятельности исправительных учреждений позволило выделить несколько типичных конкретных ситуаций, возникающих при решении вопросов освобождения.

Так, нет разъяснений по действующему приказу Минюста России от 13.01.2006 № 2 «Об утверждении Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-ис-

полнительной системы» о размерах выплат, предусмотренных освобожденному гражданину вместо проездных билетов по тарифу проезда в общем вагоне плацкартного (скорого) поезда, так как в настоящее время такие вагоны предусмотрены не на всех железнодорожных направлениях. Стоимость определяется по расстоянию до пункта назначения по тарифам, которые были разработаны еще в период СССР, однако разъяснений в части применения соответствующих справочников нет.

Кроме того, по закону администрация исправительного учреждения обеспечивает освобождаемых проездными билетами либо деньгами для оплаты проезда к месту жительства. Билеты приобретаются в электронном виде, а для этого необходима банковская карта международных платежных систем Visa, MasterCard, Maestro или национальной платежной системы «Мир». В связи с этим в исправительных учреждениях оформляются банковские карты сотрудников (работников), на них зачисляются денежные средства с лицевого счета, открытого в отделах федерального казначейства. Сотрудники (работники) приобретают электронные билеты, передают их в кассу учреждений, и далее из кассы билеты выдаются освобождаемым.

Особенно часто возникает вопрос правильности проведения расчета стоимости проезда в случае приезда за освобождаемым родственником. Если до места освобождения можно доехать автомобильным транспортом, все достаточно просто (один раз в год исправительные учреждения делают официальный запрос в организацию-перевозчика о стоимости проезда и в дальнейшем используют предоставленные данные), но чтобы произвести расчет по стоимости билетов железнодорожного сообщения, необходимо сделать запрос о стоимости проезда общим вагоном плацкартного (скорого) поезда. Данная справка платная и выдается на одно лицо по конкретному направлению и на конкретную дату, причем не по всем направлениям существуют общие вагоны.

С оформлением проезда иностранным осужденным также возникает ряд проблем. Данным лиц забирает и доставляет в пункт сбора представитель миграционной службы. Для этой категории освобождаемых электронный билет невозможно приобрести, так как не определен срок (точная дата) депортации их из пункта сбора, а тарифы на перелет постоянно меняются. Поэтому в исправительных учреждениях возникает

необходимость выдачи денежных средств взамен проездных документов. Но в справочниках нет данных о том, в каком размере финансисты исправительных учреждений должны предоставлять денежные средства. В связи с отсутствием разъяснений ревизионные службы выявляют переплаты либо недоплаты по статье расходов «Оплата проезда освобождаемых к месту жительства при освобождении». В результате на руководителей финансовых служб и специалистов отдела социальной защиты исправительных учреждений накладывают материальные и дисциплинарные взыскания. Применяя устаревшие справочники, сотрудники исправительных учреждений производят расчет и выдают денежные средства, недостаточные для приобретения билетов на проезд к месту освобождения, что приводит к нарушению законных прав осужденных и обуславливает невозможность доехать до места жительства.

Таким образом, назрела насущная потребность в разработке и внедрении в практику методических рекомендаций для бухгалтеров и сотрудников службы социальной защиты исправительных учреждений, где будет изложен алгоритм расчета стоимости проезда освобождаемых из мест отбывания наказания до предполагаемого места проживания.

Кроме того, на наш взгляд, с целью исключения нарушений финансовой дисциплины со стороны сотрудников исправительных учреждений (переплат либо недоплат по статье расходов «Оплата проезда освобождаемых к месту жительства при освобождении»), а также для полной реализации прав освобождаемых приобретение билетов или выделение средств на покупку проездных билетов освобождаемым иностранным гражданам, подлежащим депортации, следует возложить на службу, которая занимается вопросами депортации.

В случае освобождения осужденного, который не имеет гражданства или является лицом без определенного места жительства, возможно возникновение проблем с его трудовым и бытовым устройством. Решением этих вопросов должны заниматься органы местного самоуправления и органы социальной защиты, но у них, как правило, отсутствуют соответствующие фонды. Имеющиеся в регионах центры социальной адаптации (реабилитационные центры) для лиц, освободившихся из мест лишения свободы, не всегда имеют возможность разместить всех желающих. При этом в настоящее

время, согласно ст. 22 Федерального закона от 10.06.2008 № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания», одной из форм содействия общественных объединений лицам, находящимся в местах принудительного содержания, является их участие в решении вопросов трудового, жилищно-бытового устройства освобождаемых, а также вопросов, связанных с оказанием им медицинской помощи и предоставлением иных гарантий, установленных законодательством в сфере охраны здоровья и социального обслуживания. Думается, что сегодня для решения проблем освободившихся из мест лишения свободы и не имеющих постоянного места жительства требуется объединение усилий всех заинтересованных организаций. Выходом может стать заключение договоров о сотрудничестве между органами местного самоуправления, территориальными органами ФСИН России и общественными объединениями по оказанию помощи в адаптации лицам, попавшим в сложные жизненные ситуации.

Освобождаемый из мест лишения свободы в соответствии с приказом Минтруда России от 24.11.2014 № 938н «Об утверждении Примерного порядка предоставления социальных услуг в полустационарной форме социального обслуживания» имеет право обратиться с заявлением о предоставлении социальных услуг в органы социальной защиты населения конкретного субъекта Российской Федерации (например, Департамент социальной защиты населения Владимирской области, Департамент труда и социальной защиты населения города Москвы). При этом он, согласно п. 9 приказа, обязан предоставить документ, удостоверяющий личность получателя социальных услуг (представителя). Ситуация осложняется, когда осужденный освобождается судом в связи с заболеваниями, перечень которых устанавливается Постановлени-

ем Правительства Российской Федерации от 06.02.2004 № 54 «О медицинском освидетельствовании осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью», и у него нет родственников или близких людей, а также места жительства, при этом он лишен возможности себя обслуживать. В этом случае у администрации исправительного учреждения есть только 10 суток (время вступления решения суда в законную силу) на медицинское освидетельствование такого лица для его устройства в организацию, осуществляющую стационарное социальное обслуживание. Однако для вынесения заключения необходимы врачи-специалисты, лаборатории для сдачи анализов и др. В связи с этим осужденные направляются в срочном порядке в лечебно-профилактические учреждения, где есть возможность провести обследование и в составе комиссии вынести заключение, а это занимает значительное время и требует немалых средств.

Несовершеннолетним освобождаемым обеспечивается сопровождение к месту жительства. Однако практика отдельных воспитательных колоний территориальных органов ФСИН России показывает, что на соответствующих статьях расхода бюджета учреждения может не быть денежных средств для сотрудника, который следует с освобожденным.

Таким образом, в заключение следует подчеркнуть, что проблемы, возникающие при освобождении лиц, отбывших наказание в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы, привлекают к себе пристальное внимание со стороны ФСИН России, общественных организаций, органов местного самоуправления. Последовательное их решение требует принятия ряда подзаконных нормативных актов, дальнейшего развития ведомственного законодательства, а также совершенствования взаимодействия всех заинтересованных лиц и организаций, оказывающих помощь освобождаемым из исправительных учреждений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Абатуров, А. И.** К вопросу о постпенитенциарной безопасности в Российской Федерации / А. И. Абатуров // Институт ресоциализации осужденных: состояние, проблемы и перспективы развития : сборник материалов всероссийской научно-практической конференции (26–27 октября 2017 г.). – Киров : Кировский ИПКР ФСИН России, 2017. – С. 12–17. – ISBN 978-5-9906999-7-7.
2. **Гернет, М. Н.** История царской тюрьмы : в 5 т. Т. 1 (1762–1825) / М. Н. Гернет. – Москва : Госюриздат, 1960. – 384 с.
3. Социальная работа в пенитенциарных учреждениях : учебное пособие / А. Я. Гришко и [др.] ; под редакцией А. Н. Сухова. – Москва : Изд-во Московского психолого-социального ин-та ; Воронеж : Изд-во НПО МОДЭК, 2008. – 382 с. – ISBN 978-5-9770-0333-9.

REFERENCES

1. Abaturov A. I. K voprosu o postpenitenciarnoj bezopasnosti v Rossijskoj Federacii [On the issue of post-prison security in the Russian Federation]. *Sbornik materialov vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii "Institut resocializacii osuzhdennyh: sostoyanie, problemy i perspektivy razvitiya"* [Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference "The Institute for the Resocialization of Convicts: State, Problems and Development Prospects"]. Kirov, 2017, pp. 12–17. (In Russ.).
2. Gernet M. N. *Istoriya carskoj tyur'my : v 5 t. T. 1 (1762–1825)* [History of the Tsarist Prison : in 5 vol. Vol. 1 (1762–1825)]. Moscow, 1960. 384 p. (In Russ.).
3. Suhov A. N. (red.) *Social'naya rabota v penitenciarnyh uchrezhdeniyah* [Social work in prisons]. Moscow, Voronezh, 2008. 382 p. (In Russ.).

УДК 343.85

Особенности воспитательной работы с гражданами стран СНГ, осужденными к лишению свободы

Е. В. ХРАБРОВА – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент

Реферат

Реформирование уголовно-исполнительной системы предусматривает изменение идеологии воспитательной работы с осужденными в местах лишения свободы путем поиска и использования новых методов исправления, внедрения современных индивидуальных форм работы, обеспечивающих оказание адресной педагогической помощи каждому нуждающемуся, дополнения системы поощрений осужденных иными стимулами к правопослушному поведению, совершенствования применения дисциплинарного воздействия, усиления воспитательной работы, акцентированной на вовлечении в трудовую деятельность, повышении образовательного уровня. Указанные процессы актуальны для всех категорий осужденных, но применительно к некоторым из них в реализации воспитательной работы существует определенная специфика. Одну из таких категории образуют граждане стран СНГ, имеющие национальные, религиозные, идеологические и иные особенности, влияющие на организацию с ними воспитательной работы.

Осужденные иностранные граждане обладают, с одной стороны, общим правовым статусом, присущим всем осужденным, а с другой – специальным статусом с особыми специфическими признаками. Рассматриваемая категория лиц является социально уязвимой и испытывает социально-бытовые и психологические трудности в адаптации к условиям отбывания наказания в иностранном государстве.

Ключевые слова: профилактика преступлений; воспитательная работа; граждане стран СНГ; криминологическая характеристика; культура межнациональных отношений.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Features of educational work with citizens of CIS countries, sentenced to imprisonment

E. V. KHRABROVA – Associate Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Pedagogics, Associate Professor

Abstract

The reform of the penal system provides for a change in the ideology of educational work with convicts in places of deprivation of liberty by searching and using new forms and methods of correction, introducing new individual forms of work that provide targeted pedagogical assistance to everyone in need, supplementing the system of encouraging convicts with other incentives for law-abiding behavior, improving the application of disciplinary action, strengthening educational work with special emphasis on involvements in their career, raising the educational level. The indicated processes are relevant for all categories of convicts, but with respect to some of them there is a certain specificity in the implementation of educational work. One of these categories is made up of citizens of the CIS countries who have national, religious, ideological and other characteristics that influence the organization of educational work with them.

Convicted foreign citizens have, on the one hand, the general legal status inherent in all convicts and on the other, a special status with special specific characteristics. Foreign citizens serving a sentence of imprisonment are a socially vulnerable category and experience social and psychological difficulties in adapting to the conditions of serving a sentence in a foreign country.

Key words: crime prevention; educational work; citizens of the CIS countries; criminological characteristics; culture of interethnic relations.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

В соответствии с Федеральным законом от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» разрешение, выданное на временное проживание гражданам стран СНГ, осужденным за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, преступления, совершенного при опасном рецидиве, а также преступления, связанного с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов или прекурсоров, аннулируется: такие лица утрачивают законные основания для пребывания на территории Российской Федерации.

На основании положений Федерального закона от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», Постановления Правительства Российской Федерации от 07.04.2003 № 199 «Об утверждении Положения о принятии решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации, за исключением решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации, принятого в связи с наличием обстоятельств, создающих реальную угрозу здоровью населения», приказа Минюста России от 20.08.2007 № 171 «О Порядке предоставления и рассмотрения документов для подготовки распоряжений Министерства юстиции Российской Федерации о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан или лиц без гражданства, подлежащих

освобождению из мест лишения свободы» пребывание на территории России граждан стран СНГ, осужденных к лишению свободы, признается нежелательным. У таких осужденных при освобождении берется расписка об обязанности выехать за пределы Российской Федерации в течение 15 дней.

Вместе с тем, как отмечают А. В. Куракин, В. А. Поникаров, Е. В. Сенатова, граждане стран СНГ, отбывавшие наказание в виде лишения свободы, часто нарушают данное обязательство, «теряют» свои проездные билеты, скрываются в неизвестном направлении, не доезжают до консульских отделов посольства государства, представляющего его интересы на территории Российской Федерации, для оформления паспорта, заменяющего его документа либо иного документа, удостоверяющего личность, а также при необходимости получения выездной визы [3, с. 90]. Многие из них совершают преступления повторно.

Как показали результаты социологического исследования, проведенного Р. М. Жилевым, В. Б. Первозванским, Ю. Н. Строгович, из 789 опрошенных иностранных граждан, у которых судом признан рецидив преступлений, 55,6 % привлекались к уголовной ответственности три и более раз, при этом 77,6 % опрошенных не имели криминального опыта на родине [1, с. 34].

Таким образом, несмотря на то что граждане стран СНГ после освобождения из учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации должны возвращаться на свою родину, достаточно большое количество из них нелегально остается в России, совершает преступления повтор-

но. Все это подчеркивает необходимость проведения с гражданами стран СНГ, осужденными к лишению свободы, воспитательной работы, которая имеет свою специфику: включает в себя комплекс психолого-педагогических мер, направленных на преодоление их личностных деформаций, повышение культурного и образовательного (как общего, так и профессионального) уровней развития с целью профилактики совершения преступлений как в учреждениях УИС, так и по освобождению [4, с. 139; 6, с. 502].

Согласно положениям Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» профилактика преступлений предполагает осуществление мер социального, организационного, информационного характера, которые направлены на выявление и преодоление причин, повлиявших на совершение преступлений, а также оказание воспитательного воздействия на осужденных с целью предотвращения совершения преступлений.

К причинам совершения преступлений гражданами стран СНГ можно отнести отсутствие работы и возможности трудоустроиться на законных основаниях в Российской Федерации, низкую заработную плату за выполняемую работу, незнание русского языка, низкий уровень общего образования и отсутствие профессиональной подготовки.

В процессе отбывания наказания возможны межнациональные конфликты вследствие различия культур и религий, отсутствие понимания с окружающими и невыполнение предъявляемых требований установленного порядка отбывания наказания из-за незнания русского языка, отсутствие трудовой занятости из-за недостатка профессиональной подготовленности, организация землячеств (объединение в малые группы по этническому и (или) религиозному признаку) и противодействие воспитательному воздействию, распространение экстремистских идей и т. д.

Указанные причины совершения преступлений детерминируют цель и содержание воспитательной работы, организуемой в учреждениях уголовно-исполнительной системы, где отбывают наказание граждане стран СНГ.

В 2018 г. Вологодским институтом права и экономики ФСИН России было проведено направленное на изучение особенностей воспитательной работы с гражданами стран СНГ, осужденными к лишению свободы, исследование, в котором приняли участие

сотрудники воспитательных отделов исправительных учреждений УФСИН России по Республике Мордовия, ГУФСИН России по Новосибирской области, УФСИН России по Белгородской области, УФСИН России по Республике Дагестан, ГУФСИН России по Красноярскому краю, УФСИН России по Еврейскому автономному округу, УФСИН России по Брянской области, ГУФСИН России по Пермскому краю, ГУФСИН России по Свердловской области, УФСИН России по Волгоградской области, УФСИН России по Удмуртской Республике, УФСИН России по Ульяновской области, УФСИН России по Воронежской области.

В 28 исправительных учреждениях содержалось 3145 (АППГ – 3104) граждан стран СНГ, немалое количество которых состояли на профилактическом учете (709 чел. (АППГ – 746 (24,0 %)) – 22,5 %), являлись нарушителями установленного порядка отбывания наказания. Частой причиной постановки на профилактический учет можно назвать склонность к суициду и членовредительству, посягательство на половую свободу и половую неприкосновенность, реже – склонность к систематическому нарушению правил внутреннего распорядка, организацию или активное участие в азартных играх с целью извлечения материальной или иной выгоды, склонность к совершению побега, организацию и провоцирование групповых противодействий законным требованиям администрации.

Требования, предъявляемые к иностранным гражданам, не соответствуют сформировавшимся у них представлениям и интересам, что негативным образом сказывается на их личности и обуславливает их криминогенную активность. По мнению Н. А. Полянина и А. Ю. Маркова, большинство осужденных иностранных граждан не поддерживают контактов с администрацией исправительного учреждения, демонстрируют несдержанность, нежелание идти на компромисс, не признают вину в совершенном преступлении, не согласны с приговором суда и не раскаиваются, имеют больше взысканий, чем поощрений [5, с. 101–102]. Проведенное институтом исследование показало, что злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания в соответствии со ст. 116 УИК РФ являются 208 (6,6 %) осужденных, АППГ – 229 (7,4 %); взыскания получили 2265 (72 %) осужденных, АППГ – 2313 (74,5 %). На одного человека приходится 0,72 взыскания (АППГ – 0,74). При этом поощрения получили 814 (25,9 %)

осужденных, АППГ – 850 (27,4 %). На одного человека приходится 0,25 поощрений, АППГ – 0,27.

Трудоустроено 928 (29,5 %) граждан СНГ, осужденных к лишению свободы, АППГ – 894 (28,8 %). Общее образование получают 265 чел. (8,4 %), АППГ – 250 (8,1 %), среднее профессиональное образование – 325 чел. (10,3 %), АППГ – 263 (8,5 %), высшее образование – 10 чел. (0,3 %), АППГ – 4 (0,1 %).

Граждане стран СНГ, осужденные к лишению свободы, имеют возможность поддерживать социально полезные связи. На краткосрочные и длительные свидания приезжают родственники к 1026 (32,6 %) осужденных к лишению свободы, АППГ – 936 (30,2 %). Правом на телефонные переговоры пользуются 1530 чел. (48,6 %), АППГ – 1473 (47,5 %); пишут письма – 1259 (40,0 %), АППГ – 1296 (41,8 %); получают посылки – 1408 (44,8 %), АППГ – 1306 (42,1 %). Таким образом, в работе с осужденными иностранными гражданами необходимо использовать положительное влияние семьи и родственников на процесс исправления.

Сотрудники уголовно-исполнительной системы в качестве трудностей организации и проведения воспитательной работы с гражданами стран СНГ, осужденными к лишению свободы, называют языковой барьер – 50 %; нежелание осужденных участвовать в воспитательных мероприятиях – 35,7 %; землячество – 28,6 %; отсутствие у осужденных планов на будущее – 25 %; сложную адаптацию к условиям исправительного учреждения – 21,4 %; зараженность криминальной субкультурой – 10,7 %; межнациональные конфликты – 3,6 %; конфликты на бытовой почве – 3,6 %; отрицательное отношение к России и российскому законодательству – 3,6 %.

Невладение русским языком затрудняет ознакомление осужденных с порядком и условиями отбывания наказания, правами и обязанностями, мерами пожарной безопасности, ответственностью за нарушения установленного порядка отбывания наказания, применением аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, а также физической силы, специальных средств, оружия и т. д. Вместе с тем в этой сфере имеется положительный опыт. Так, в ИК-22 УФСИН России по Республике Мордовия информирование осуществляется на русском и английском языках в форме бесед, лекций, а также посредством стенной печати. К воспитательной работе привлекаются представители таких религиозных

конфессий, как ислам (71,4 %), православие (67,9 %), евангельские христиане-баптисты (7,1 %), буддизм (3,6 %), которые проводят беседы с осужденными на религиозные темы (92,9 %), помогают в осуществлении религиозных обрядов (82,1 %), привозят подарки, литературу (57,1 %), размещают информацию на стендах (32,1 %), помогают в получении образования, трудоустройстве после освобождения (14,3 %), осуществляют личную опеку с целью воцерковления и социализации (7,1 %), организуют иконописные мастерские (3,6 %). Ряд сотрудников (3,6 %) придерживаются мнения о том, что религиозные конфессии никак не участвуют в воспитательной работе с осужденными.

Проводимые самими работниками исправительных учреждений воспитательные мероприятия направлены на ознакомление осужденных с законодательством, культурой и традициями России, для чего организуются лекции (71,4 %), вечера вопросов и ответов (14,3 %), конкурсы (10,7 %), исторические очерки о государственных праздниках России (3,6 %), проведение государственных праздников (3,6 %), трансляции документальных фильмов, научных передач и их обсуждение (3,6 %), выставки по истории России, посвященные писателям-классикам, Великой Отечественной войне (3,6 %).

Тематика лекций направлена на формирование представлений о культуре и законодательстве Российской Федерации: «Конституционные основы свободы совести в России», «Памятные даты и события в России», «Дни воинской славы в России», «О традиционных религиях России», «Регистрация и миграционный учет», «Получение образования осужденными к лишению свободы», «Значение волонтерства», «Конституционный строй России», «Россия – многонациональное государство» и другие.

Организуемые для осужденных конкурсы также посвящены изучению истории, литературы, традиций и обычаев страны: «День Победы в Великой Отечественной Войне», «День воинской славы», «Мы знаем много о России».

Осужденные граждане стран СНГ участвуют в работе кружков, функционирующих на территории исправительных учреждений: физкультурно-спортивных (57,1 %); художественно-прикладного творчества (28,6 %); литературных (25 %); музыкальных (в том числе вокальных) (17,9 %); шахматных (3,6 %); клуба любителей кино (3,6 %); живописи (3,6 %); историко-патриотического

клуба (3,6 %); клуба «Возрождение» (3,6 %). При этом, по мнению 10,7 % респондентов, осужденные к лишению свободы граждане стран СНГ не считают для себя важным участие в каком-либо мероприятии, поскольку вовлечены в криминальную субкультуру.

Профилактика межнациональных конфликтов в большинстве исправительных учреждений проводится в форме лекций (50 %), индивидуальных и групповых бесед (14,3 %), просмотров фильмов, видеороликов по кабельному телевидению (7,1 %), совместных спортивных и культурных мероприятий (7,1 %), встреч с представителями религиозных конфессий (3,6 %) по следующей тематике: «Толерантное отношение к основным мировым религиям», «Межнациональная толерантность и веротерпимость», «Традиции народов, проживающих на территории Российской Федерации», «Россия – многонациональная страна». 25 % респондентов указали, что они не занимаются работой, направленной на профилактику межнациональных конфликтов.

В воспитательной работе с гражданами стран СНГ принимают участие общественные и религиозные объединения: попечительские советы (35,7 %), духовенство (21,4 %), общественные наблюдательные комиссии (21,4 %), совет ветеранов (7,1 %), совет родственников (3,6 %), сообщество «Анонимные наркоманы» (3,6 %), образовательные организации (3,6 %), центр занятости (3,6 %), общественная организация «Выбор» (3,6 %). 21,4 % респондентов не считают, что общественные и религиозные объединения участвуют в воспитательной работе.

Осужденные, являющиеся гражданами СНГ, в 85,7 % случаев не получают помощь от посольств своих государств. Только 10,7 % респондентов указали, что осужденные получают помощь в переводе документов на русский язык, оформлении справок и документов, условно-досрочном освобождении от посольств Азербайджана, Армении, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана, Украины, Молдовы.

75 % респондентов полагают, что воспитательную работу с группой осужденных, являющихся гражданами СНГ, эффективно проводить в общей группе: они быстрее адаптируются, узнают язык, особенности условий отбывания наказания.

Особое внимание в работе с гражданами стран СНГ, осужденными к лишению свободы, должно уделяться их подготовке к освобождению. Специфика данной работы рас-

крывается в приказе Минюста России от 13.01.2006 № 2 «Об утверждении инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы». Вместе с тем большая часть респондентов (70,4 %) указали, что занятия осужденные посещают на общих основаниях. Остальные сотрудники исправительных учреждений отметили, что направляют запросы в посольства стран СНГ (14,3 %), разъясняют информацию об оплате проезда, получении гражданства Российской Федерации, порядок передачи осужденных для дальнейшего отбывания наказания в государствах их гражданства (7,1 %).

Сотрудники, участвовавшие в опросе, выделили следующие особенности воспитательной работы с гражданами стран СНГ, осужденными к лишению свободы:

- обязательное привлечение к воспитательной работе с осужденными представителей различных религиозных конфессий (25,0 %);

- учет наличия семантического барьера, который приводит к взаимному непониманию между сотрудниками и осужденными из-за многозначности слов русского языка, ограниченности лексикона осужденных, различий в речевом поведении представителей разных культур (25,0 %);

- учет особенностей национального менталитета осужденных, знание и использование воспитательного потенциала обычаев и традиций стран СНГ (25,0 %);

- проведение воспитательных мероприятий, направленных на разъяснение требований законодательства Российской Федерации, в большем объеме (17,9 %);

- создание условий для адаптации в новой для осужденных культурной и языковой среде, исключение случаев дезинтеграции в отрядах (7,1 %).

Таким образом, основной задачей воспитательной работы с гражданами стран СНГ, осужденными к лишению свободы, является формирование культуры межнациональных отношений. Она представляет собой составную часть духовной культуры общества и направлена на сохранение национальной идентичности (национального самосознания, языка, традиций и обычаев, быта и религии), знакомство с культурой и прогрессивными идеями других этносов, привитие уважительного отношения к российскому законодательству и культуре (традициям,

нормам поведения, языку), а также профилактику появления землячеств, межнациональных конфликтов, распространения экстремистских идей и других негативных явлений в среде осужденных.

Воспитательная работа с гражданами стран СНГ имеет специфические особенности, связанные с национальным менталитетом осужденных, их традициями и обычаями, уровнем воспитанности и образования. Они должны находить отражение в организации и содержании индивидуальной воспитательной работы. Необходимо понимать, что разные культуры формируют и разные типы поведения, образ жизни и деятельности [2, с. 119]. Если западная культура воспитывает индивидуализм, что восточная – подчинение личных интересов ценностям группы, что важно принимать во внимание при выборе форм воспитательной работы.

Индивидуальная воспитательная работа с гражданами стран СНГ, осужденными к лишению свободы, предполагает изучение не

только индивидуальных особенностей и социально-психологической направленности личности осужденного, но и особенностей менталитета, национального характера. На основе полученных данных осуществляются выбор и использование методов психолого-педагогического воздействия на осужденного, разработка плана индивидуальной работы с осужденным с учетом предложений заинтересованных служб (психологической, социальной, воспитательной, режимной, оперативной, медицинской, производственной и других).

В целом в отношении граждан стран СНГ, осужденных к лишению свободы, реализуются все направления, формы и методы воспитательной работы. Данные лица вовлекаются в спортивные и культурно-массовые мероприятия, получают общее, среднее профессиональное и высшее образование. Значительное воспитательное воздействие на них оказывают представители религиозных конфессий в ходе групповых мероприятий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Жиляев, Р. М.** Криминологическая характеристика осужденных иностранных граждан, у которых судом признано наличие рецидива преступлений / Р. М. Жиляев, В. Б. Первозванский, Ю. Н. Строгович // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2018. – № 7. – С. 33–43.
2. **Крысько, В. Г.** Этнопсихология и межнациональные отношения / В. Г. Крысько. – Москва : Экзамен, 2012. – 448 с. – ISBN 5-94692-051-0.
3. **Куракин, А. В.** Смежные административно-правовые и уголовно-исполнительные отношения, возникающие в процессе исполнения наказаний / А. В. Куракин, В. А. Поникаров, Е. В. Сенатова // Административное и муниципальное право. – 2016. – № 1. – С. 88–91.
4. Методические рекомендации по эффективной организации воспитательной работы с осужденными в исправительных учреждениях территориальных органов ФСИН России // Сборник методических рекомендаций / Федеральная служба исполнения наказаний, Управление воспитательной, социальной и психологической работы. – Москва, 2018. – С. 139–157.
5. **Полянин, Н. А.** Некоторые особенности личности осужденного-иностранца / Н. А. Полянин, А. Ю. Марков // Прикладная юридическая психология. – 2014. – № 4. – С. 101–106.
6. **Потапов, А. М.** О тенденциях развития воспитательной работы с осужденными в странах СНГ / А. М. Потапов, Н. Н. Соловьева // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики : материалы международной научно-практической межведомственной конференции (г. Самара, 16–17 июня 2016 г.) / под общей редакцией А. А. Вотинова. – Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2016. – С. 502–504. – ISBN 978-5-91612-119-3.

REFERENCES

1. Zhilyaev R. M., Pervozvanskij V. B., Strogovich YU. N. Kriminologicheskaya harakteristika osuzhdennyh inostrannyh grazhdan, u kotoryh sudom priznano nalichie recidiva prestuplenij [Criminological characteristics of convicted foreign citizens for whom the court recognized the recurrence of crimes]. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy – Journal of the penal system*, 2018, no. 7, pp. 33–43. (In Russ.).
2. Krysko V. G. *Etnopsihologiya i mezhnacional'nye otnosheniya* [Ethnopsychology and Interethnic Relations]. Moscow, 2012. 448 p. (In Russ.).
3. Kurakin A. V., Ponikarov V. A., Senatova E. V. Smezhnye administrativno-pravovye i ugovolno-ispolnitel'nye otnosheniya, vznikayushchie v processe ispolneniya nakazaniy [Related administrative-legal and penal relations arising in the process of execution of sentences]. *Administrativnoe i municipal'noe pravo – Administrative and municipal law*, 2016, no. 1, pp. 88–91. (In Russ.).
4. Metodicheskie rekomendacii po effektivnoj organizacii vospitatel'noj raboty s osuzhdennymi v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah territorial'nyh organov FSIN Rossii [Guidelines for the effective organization of educational work with convicts in correctional institutions of the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia]. *Sbornik metodicheskijh rekomendacij Upravleniya vospitatel'noj, social'noj i psihologicheskoy raboty Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy* [Collection of guidelines for the Department of Educational, Social and Psychological Work of the Federal Penal Service]. Moscow, 2018, pp. 139–157. (In Russ.).

5. Polyinin N. A., Markov A. YU. Nekotorye osobennosti lichnosti osuzhdennogo-inostranca [Some personality traits of a convicted foreigner]. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya – Applied Legal Psychology*, 2014, no. 4, pp. 101–106. (In Russ.).

6. Potapov A. M., Solov'eva N. N. O tendenciayah razvitiya vospitatel'noj raboty s osuzhdennymi v stranah SNG [On the development trends of educational work with convicts in the CIS countries]. *Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy mezhdedomstvennoj konferencii "Ugolovno-ispolnitel'naya sistema na sovremennom etape: vzaimodejstvie nauki i praktiki"* [Materials of the international scientific and practical interagency conference "The penal system at the present stage: the interaction of science and practice"]. Samara, 2016, pp. 502–504. (In Russ.).

УДК 343.231

Общественная опасность и критерии ее оценки

Р. В. КИЛИМБАЕВ – командир взвода юридического факультета Академии ФСИН России

Реферат

Общественная опасность является основополагающим признаком любого преступления, но к настоящему времени законотворческой практикой не выработан алгоритм для определения наличия или отсутствия в деянии общественной опасности, достаточной для того, чтобы признать его преступным. Среди исследователей-правоведов также отсутствует единство мнений в вопросах о сущности общественной опасности деяния и критериях ее определения. Все это порождает включение в уголовное законодательство норм, предусматривающих ответственность за деяния, общественная опасность которых весьма условна. На основе изученных материалов в данной работе сформулированы критерии, установление совокупности которых позволяет признать деяние общественно опасным и, как следствие, уголовно наказуемым.

Ключевые слова: преступление; признаки уголовно наказуемого деяния; общественная опасность; противоправность; критерии общественной опасности; юридическая конструкция.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Public danger and criteria for its assessment

R. V. KILIMBAEV – Platoon commander of the Law Faculty of the Academy of the Federal Penal Service of Russia

Abstract

Public danger is a fundamental sign of any crime, but to date law-making practice has not developed an algorithm to determine the presence or absence of a public danger in an act sufficient to recognize it as criminal. Among legal scholars there is also a lack of consensus on issues of the essence of the social danger of an act and the criteria for its determination. All this gives rise to the inclusion in the criminal law of norms providing for liability for acts whose social danger is very conditional. On the basis of the materials studied in this work criteria are formulated, the establishment of the totality of which allows recognizing the act as socially dangerous and, as a consequence, criminally punishable.

Key words: crime; signs of a criminal offense; public danger; wrongfulness; criteria of public danger; legal construction.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

За достаточно продолжительный период времени в доктрине уголовного права (возможно, и во всей теории права) сложилось устойчивое представление о преступлении как деянии, обладающем уникальным признаком – общественной опасностью. Современный уголовный кодекс, равно как и предыдущие нормативные источники отечественного уголовного права, называет общественную опасность одним из признаков преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ). Это обстоятельство, бесспорно, свидетельствует о высокой значимости определения общественной опасности для решения вопроса о необходимости (либо отсутствии таковой) криминализации соответствующего деяния. Именно термин «общественно опасное деяние» используется в базовых положениях уголовного законодательства об установлении и реализации уголовной ответственности: принцип вины (ч. 1 ст. 5 УК РФ), принцип справедливости (ч. 1 ст. 6 УК РФ), а также определение времени совершения преступления (ч. 2 ст. 9 УК РФ), основание для отнесения вида преступления к той или иной категории (ч. 1 ст. 15 УК РФ) и др.

Однако, несмотря на важность общественной опасности для обеспечения процесса криминализации деяния, современная наука уголовного права до настоящего времени не предложила универсального подхода к определению природы общественной опасности, хотя многие из исследователей предпринимали попытки поиска решения данной проблемы. С некоторыми оговорками все имеющиеся в современной научной литературе суждения о природе и содержании общественной опасности деяния, запрещенного уголовным законодательством или имеющего действительный потенциал для криминализации, можно подразделить на социологические (криминологические), правовые, технико-юридические.

Социологический (криминологический) подход к определению природы общественной опасности предоставляет достаточно широкие возможности в установлении границ изучаемого феномена [11, с. 107–108]. Отдельные исследователи рассматривали общественную опасность в качестве основания осуществления межотраслевой дифференциации юридической ответственности, составляющей уголовно-правового принципа справедливости, критерия выбора вида и размера (срока) уголовного наказания, условия применения поощрительных норм.

Дефиниции общественной опасности в действующем уголовном законе не содержится, что позволяет многим авторам формулировать ее путем буквального и расширительного толкования используемых законодателем терминов: общественная – социальная; опасность – вредоносность и др. Юридическая неопределенность пределов общественной опасности как признака преступления породила выдвигание различных, иногда противоположных суждений относительно ее социальной сущности. Так, некоторые авторы утверждают, что общественная опасность является определяющим объективным свойством любого преступления [5, с. 606–607] или объективной вредоносностью деяния и последствий его совершения [9, с. 56].

Мнение о необходимости определения общественной опасности деяния только путем оценки его объективных признаков представляется дискуссионным, поскольку перечисленные критерии явно недостаточны для криминализации, что подтверждается анализом действующих норм Особенной части как отечественного, так и зарубежного уголовного законодательства. Достаточно большое число деяний признаются преступными только в случаях их умышленного совершения. Напротив, совершение тождественных действий по неосторожности влечет за собой отказ в признании общественной опасности деяния и, как следствие, его уголовной противоправности. Например, умышленное совершение уклонения от уплаты налогов при наличии иных юридически значимых признаков влечет за собой наступление уголовной ответственности по ст. 198 или 199 УК РФ, тогда как совершение налогоплательщиком или его представителем аналогичного деяния по неосторожности или невиновно исключает общественную опасность независимо от суммы неуплаченных налогов. Более того, дифференциация вины по форме существенно меняет общественную опасность деяний, тождественных по своим объективным признакам, что можно заключить, исходя из анализа санкций, например, ч. 1 ст. 105 и ч. 1 ст. 109 УК РФ: за умышленное лишение человека жизни минимальный размер лишения свободы составляет шесть лет, тогда как за аналогичное деяние, совершенное по неосторожности, наиболее суровое наказание определяется двухлетним сроком лишения свободы.

Разновидностью рассматриваемого подхода к определению социальной природы общественной опасности является ее ка-

чественное соотношение с преступностью деяния: последнее признается уголовно наказуемым только в том случае, если устанавливается его общественная опасность. Это позволило отдельным авторам утверждать, что в процессе осуществления законотворческой деятельности производится оценка на предмет наличия общественной опасности, достаточной для принятия положительного решения об официальном признании конкретного деяния преступлением. Во всех других случаях не представляется возможным выявить природу преступного поведения виновного лица [10, с. 91].

Несмотря на абсолютную логичность представленного решения по определению общественной опасности деяния на первоначальных стадиях правотворчества, в научной литературе не без оснований высказываются опасения относительно реальной возможности практического установления факта общественной опасности на любой из стадий нормотворческого процесса. Сомнения состоят в том, что законодатель не обладает сверхъестественной проницательностью, с помощью которой среди всего многообразия видов человеческого поведения способен установить незначительный круг деяний, обладающих общественной опасностью, равно как и сверхъестественной расторопностью в принятии решения об их криминализации [3, с. 8]. Однако это не снимает проблему необходимости формулирования предложений о приемлемых вариантах установления общественной опасности деяния на первоначальных стадиях законотворческого процесса, поскольку неопределенность в данном вопросе исключает возможность перехода к следующим стадиям нормотворчества, на которых определяется совокупность юридически значимых признаков деяния, бесспорно обладающего общественной опасностью.

Другая группа ученых считает, что первоочередным признаком преступления является его уголовная противоправность. Исходя из этого общественной опасностью обладает то деяние, совершение которого запрещено соответствующей нормой уголовного закона. В свою очередь, если деяние не предусматривается УК РФ, то оно не обладает общественной опасностью, достаточной для криминализации [6, с. 41; 8, с. 117–122].

Состоятельность, как и логическая обоснованность, высказанного мнения ставились некоторыми представителями уголовно-правовой доктрины под сомнение. В

частности, дискуссионность этого предложения по определению общественной опасности виделась в том, что законодатель не способен по собственному волеизъявлению менять социальную сущность деяния, наделяя его общественной опасностью или лишая ее в процессе принятия или исключения соответствующих норм уголовного закона [1, с. 38–39]. Кроме того, А. Э. Жалинский, критикуя подобный формалистский подход, указывал на недопустимость фактического отказа от осмысления и оценки общественной опасности деяния на том основании, что оно уже нашло законодательное закрепление [4, с. 229].

Полностью соглашаясь с позицией А. Э. Жалинского, дополнительно отметим, что определение общественной опасности на основании состоявшегося факта признания деяния преступлением не в полной мере соответствует одному из правил формальной логики о причине и следствии. Так, деяние изначально должно быть признано общественно опасным, что и будет основанием для его последующего официального признания преступлением. В противном случае общественная опасность может устанавливаться применительно к любому виду закрепленных в уголовном законе деяний, что в отдельных случаях далеко не бесспорно (ст. 130, 200 УК РФ, а также ч. 1 ст. 169, 138.1, 172.1 УК РФ и др.). Поэтому для недопущения случаев включения в уголовное законодательство видов деяний, явно не обладающих достаточной для преступления общественной опасностью, необходимо изначально решить проблему о тех критериях общественной опасности, совокупность которых гарантированно обеспечит установление основания для последующей криминализации. Думается, что данная задача останется неразрешимой в условиях применения социологического (криминологического) анализа онтологии общественной опасности по причине высокой степени абстрактности и противоречивости получаемых в результате изучения характеристик.

Юридический (формально-юридический) подход к определению общественной опасности предполагает наличие ее официального толкования. Российский уголовный закон содержит только дефиницию преступления, одним из признаков которого выступает общественная опасность. В то же время общественная опасность, будучи уголовно-правовой категорией, законом не определяется, хотя надделение ее четкой

дефиницией имеет существенное практическое значение.

Значимость выделения критериев общественной опасности в настоящее время признана Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, который в постановлении от 22.12.2015 № 58 перечисляет юридически значимые факты, определяющие характер и степень общественной опасности преступления: признаки состава преступления, направленность деяния, причиненный вред, способ совершения преступления и др. Однако этого явно недостаточно, поскольку столь важный вопрос должен решаться на уровне уголовного закона, то есть нормативного акта, признаваемого источником отрасли уголовного права. Анализ перечисленных характеристик позволяет провести аналогию с содержанием элементов состава преступления, установление которых в совершенном деянии является обязательным условием для привлечения лица к уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ).

Учитывая перечисленные обстоятельства, считаем, что наиболее рациональное предложение по поводу юридического содержания общественной опасности и ее определения в процессе правотворческой деятельности сформулировано А. Э. Жалинским. Он рассматривал все закрепленные в ч. 1 ст. 14 УК РФ признаки преступления исключительно в качестве юридических конструкций [7, с. 350], а не социальных или правовых явлений. Общественная опасность, по мнению А. Э. Жалинского, является юридической конструкцией и определяется путем установления совокупности взаимодействующих друг с другом системных элементов – состава общественной опасности, который отражает факты реальной действительности, описанные на языке права. Отсутствие возможности установления одного или нескольких элементов общественной опасности влечет за собой принятие решения о ее отсутствии в соответствующем деянии, то есть отсутствии преступления. На этом основании автор предлагает выделять следующие элементы состава общественной опасности: 1) охраняемое правовое благо и его признаки: социальную ценность, уязвимость и возможность охраны; 2) посягательство как объективную сторону деяния и его признаки: насилие, обман, пренебрежение обязанностями или долгом; 3) нарушение социальных благ и интересов и его признаки: реальную опасность благам, угрозу, вред различного содержания и интенсивности [4, с. 235].

Предложенный перечень элементов является исчерпывающим. В этой связи обращает на себя внимание факт отказа от включения в систему элементов состава общественной опасности вины (формы и вида). Наличие объективных характеристик нарушаемых общественных отношений, деяния, его последствий и т. п. не во всех случаях определяет наличие общественной опасности, достаточной для криминализации соответствующего деяния. Выработанные уголовно-правовой наукой характеристики вины имеют не менее важное значение по сравнению с объективными признаками общественной опасности деяния, в связи с чем обязательно должны учитываться при определении ее характера и типовой степени [2, с. 159].

Несмотря на непризнание исследователем вины самостоятельным элементом, значение предложенной им системы переоценить невозможно. Общественная опасность является базовым началом для характеристики деяния как преступного, поэтому установление социальной природы общественной опасности любого поведения на ранних стадиях нормотворческого процесса позволит существенно снизить степень возможности криминализации деяний, в действительности не обладающих общественной опасностью. Ясное представление об элементах общественной опасности деяния, признанного преступлением, повысит технико-юридическое качество уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за его совершение. В диспозиции нормы Особенной части УК РФ будет необходимо конкретизировать каждый из элементов общественной опасности деяния и выстроить их в иерархическом порядке в зависимости от значимости нарушаемых социальных благ и интересов.

Определение общественной опасности деяния путем обозначения и последующего установления совокупности характеризующих ее элементов имеет важное практическое значение. Осуществляемая подобным путем оценка наличия общественной опасности, достаточной для последующей криминализации соответствующего деяния, значительно облегчается ввиду относительной простоты, сочетающейся с универсальностью и строгостью последовательности установления каждого из входящих в конструкцию элементов.

Использование данного подхода при определении общественной опасности если не исключает, то сводит к минимуму воз-

возможность необоснованной криминализации соответствующего деяния, в котором отсутствует тот или иной элемент устанавливаемой юридической категории.

Факт наличия в деянии общественной опасности является основанием для создания конструкции состава преступления, что существенно облегчает процесс правотворческой деятельности, поскольку почти каждый элемент общественной опасности корреспондирует соответствующему элементу конструкции состава преступления.

Рассмотрение общественной опасности деяния в качестве разновидности юридической конструкции дает ряд существенных преимуществ, таких как:

- универсальность применения к любому виду посягательства на охраняемые уголовным законом общественные отношения;
- типизация элементов, совокупность которых образует юридическую конструкцию общественной опасности, позволяющая точно определить границы анализа общественной опасности деяния;
- исключение возможности необоснованной криминализации деяния;
- упорядочение законотворческого процесса, обеспечение логичности и обоснованности принимаемых решений о криминализации деяния. Построение состава

преступления представляет собой уточнение и (или) конкретизацию содержания элементов ранее установленной общественной опасности деяния (действия или бездействия).

Таким образом, среди всего многообразия доктринальных предложений по определению сущности общественной опасности наиболее рациональным и перспективным для уголовного правотворчества следует признать реализуемый А. Э. Жалинским технико-юридический подход, в соответствии с которым общественная опасность преступления представляет собой юридическую конструкцию. Содержание элементов данной юридической конструкции (общественные отношения, предметом которых является охраняемое правовое благо; общественно опасное деяние; нарушение социальных благ и интересов; форма и вид вины, которыми характеризуется совершаемое деяние) во многом совпадает с перечнем соответствующих признаков состава преступления, что позволяет установить внутреннюю взаимосвязь между общественной опасностью и противоправностью и исключает возможность искусственного конструирования состава преступления при отсутствии общественной опасности запрещаемого уголовным законом деяния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блувштейн, Ю. Д. Основания криминологии: опыт логико-философского исследования / Ю. Д. Блувштейн, А. В. Добрынин. – Минск : Университетское, 1990. – 208 с. – ISBN 978-5-7855-0463-4.
2. Бочкарев, С. А. О природе общественной опасности преступления / С. А. Бочкарев // Бизнес в законе. – 2009. – № 5. – С. 155–159.
3. Гонтарь, И. Я. Категория общественной опасности в российском уголовном праве: история становления и современное понимание / И. Я. Гонтарь // История государства и права. – 2008. – № 2. – С. 7–10.
4. Жалинский, А. Э. Общественная опасность преступления в структуре уголовно-правовой оценки деяния / А. Э. Жалинский // Избранные труды : в 4 т. Т. 2. Уголовное право. – Москва : Высшая школа экономики, 2015. – С. 225–231. – ISBN 978-5-7598-1213-5.
5. Лапшин, В. Ф. Социальные основания для определения признака общественной опасности преступного деяния / В. Ф. Лапшин // Цивилизация знаний: российские реалии : сборник трудов XVII Международной научной конференции. – Москва : РосНОУ, 2016. – С. 606–608.
6. Малков, В. П. Характер и степень общественной опасности преступлений в системе общих начал назначения наказания / В. П. Малков // Российская юстиция. – 2008. – № 9. – С. 41–45.
7. Морозова, Л. А. Теория государства и права : учебник / Л. А. Морозова. – Москва : Норма, 2018. – 464 с. – ISBN 978-5-91768-844-2.
8. Наумов, А. В. Российское уголовное право : курс лекций : в 2 т. Т. 1. Общая часть / А. В. Наумов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юридическая литература, 2004. – 495 с. – ISBN 978-5-7260-1022-1.
9. Новоселов, Г. Без преступных последствий нет преступления / Г. Новоселов // Российская юстиция. – 2001. – № 3. – С. 56.
10. Уголовное право России. Часть Общая : учебник / отв. ред. Л. Л. Кругликов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2013. – 563 с. – ISBN 978-5-392-09354-0.
11. Филимонов, В. Д. Принципы уголовного права / В. Д. Филимонов. – Москва : Центр ЮрИнфоР, 2002. – 138 с. – ISBN 978-5-89158-097-7.

REFERENCES

1. Bluvshhtejn YU. D., Dobrynin A. V. *Osnovaniya kriminologii: opyt logiko-filosofskogo issledovaniya* [The basis of criminology: the experience of logical and philosophical research]. Minsk, 1990. 208 p. (In Russ.).
2. Bockharev S. A. O prirode obshchestvennoj opasnosti prestupleniya [On the nature of the public danger of crime]. *Biznes v zakone – Business in law*, 2009, no. 5, pp. 155–159. (In Russ.).
3. Gontar' I. YA. Kategoriya obshchestvennoj opasnosti v rossijskom ugolovnom prave: istoriya stanovleniya i sovremennoe ponimanie [Category of public danger in the Russian criminal law: history of formation and modern understanding]. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*, 2008, no. 2, pp. 7–10. (In Russ.).

4. ZHalinskij A. E. Obshchestvennaya opasnost' prestupleniya v strukture ugovovno-pravovoj ocenki deyaniya [The public danger of crime in the structure of the criminal law assessment of an act]. *Izbrannye trudy : v 4 t. T. 2. Ugolovnoe pravo* [Selected works in 4 vol. Vol. 2. Criminal law]. Moscow, 2015, pp. 225–231. (In Russ.).
5. Lapshin V. F. Social'nye osnovaniya dlya opredeleniya priznaka obshchestvennoj opasnosti prestupnogo deyaniya [Social grounds for determining a sign of public danger of a criminal act]. *Sbornik trudov XVII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Civilizaciya znaniy: rossijskie realii"* [Proceedings of the XVII International Scientific Conference "The Civilization of Knowledge: Russian Realities"]. Moscow, 2016, pp. 606–608. (In Russ.).
6. Malkov V. P. Charakter i stepen' obshchestvennoj opasnosti prestuplenij v sisteme obshchih nachal naznacheniya nakazaniya [The nature and degree of public danger of crimes in the system of general principles of sentencing]. *Rossiyskaya yusticiya – Russian justice*, 2008, no. 9, pp. 41–45. (In Russ.).
7. Morozova L. A. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of Government and Law]. Moscow, 2018. 464 p. (In Russ.).
8. Naumov A. V. *Rossiyskoe ugovovnoe pravo : v 2 t. T. 1. Obshchaya chast'* [Russian criminal law in 2 vol. Vol. 1. General Part]. Moscow, 2004. 495 p. (In Russ.).
9. Novoselov G. Bez prestupnyh posledstvij net prestupleniya [There is no crime without criminal consequences]. *Rossiyskaya yusticiya – Russian justice*, 2001, no. 3, p. 56. (In Russ.).
10. Kruglikov L. L. (red.) *Ugolovnoe pravo Rossii. CHast' Obshchaya* [The criminal law of Russia. Part General]. Moscow, 2013. 563 p. (In Russ.).
11. Filimonov V. D. *Principy ugovovnogo prava* [Principles of Criminal Law]. Moscow, 2002. 138 p. (In Russ.).

УДК 343

Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты применения отсрочки отбывания наказания

Н. Г. СКОБЕЛОВА – лицо, прикрепленное к ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» для подготовки диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, старший инспектор филиала № 17 ФКУ УИИ УФСИН России по г. Москве

Реферат

В статье всесторонне рассмотрены проблемные вопросы, связанные с отсрочкой отбывания уголовного наказания, а также проанализированы практические сложности реализации отсрочки отбывания наказания, дана краткая историческая справка о развитии института отсрочки отбывания наказания в отечественном уголовном законодательстве. Автор выделяет не только положительные, но и отрицательные условия, которые способны изменить содержание института отсрочки отбывания наказания. На основании изучения статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о назначении отсрочки отбывания наказания и ее отмены, а также данных ФСИН России о состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях осужденных с отсрочкой отбывания наказания предлагается классифицировать отсрочку отбывания наказания по времени ее применения (на стадии вынесения приговора суда с последующим освобождением от реального отбывания наказания и на стадии исполнения приговора суда), рассматривается вопрос о применении отсрочки отбывания наказания осужденным, усыновившим детей или взявшим их под свою опеку и попечительство. Обосновывается целесообразность считать осужденных, к которым применена отсрочка отбывания наказания, уклоняющимися от воспитания ребенка, если они два и более раза в год были подвергнуты административной ответственности за нарушение общественного порядка.

Ключевые слова: отсрочка отбывания наказания; уголовно-исполнительные инспекции; осужденные, больные наркоманией; осужденные беременные женщины.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Criminal law and penal aspects of the application of the suspension of sentence

N. G. SKOBELEVA – Person attached to the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Justice» for the preparation of a dissertation for the degree of PhD. in Law, Senior Inspector of branch No. 17 of the Federal State Institution the Penal Inspection of Russia in Moscow Region

Abstract

The article comprehensively examined the problematic issues related to the suspension of criminal sentence, and also analyzes the practical difficulties of implementing the suspension of criminal sentence, provides a brief historical background on the development of the institution of suspension of criminal sentence in domestic criminal law. The author identifies not only positive, but also negative conditions that can change the content of the institution of suspension of criminal sentence. Based on a study of the statistical data of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation on the appointment of a suspension of criminal sentence and its cancellation as well as the data of the Federal Penal Service of Russia on convicts registered in the penal inspections with a suspension of criminal sentence, it is proposed to classify the suspension of criminal sentence by the time of its application (at the stage of sentencing the court, with subsequent release from the actual serving of the sentence and at the stage of the execution of the court sentence), the issue of the application of suspension of criminal sentence to convicts who have adopted children or who have taken them under their guardianship. There is substantiated expediency of considering convicts, to whom suspension of criminal sentence is applied, evading from raising a child, if they have been subjected to administrative responsibility for violation of public order two or more times a year.

Key words: suspension of criminal sentence; penal inspections; convicted drug addicts; convicted pregnant women.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Одной из форм проявления принципов гуманизма и индивидуализации уголовной ответственности в уголовном законодательстве выступает отсрочка отбывания наказания. Данный институт представляет собой особый вид освобождения от наказания, который устанавливает временный отказ государства от применения принудительных мер в отношении осужденного в связи с определенными обстоятельствами, такими как реализация конституционного права на охрану материнства и детства, предоставление возможности лечения осужденным, больным наркоманией, вместо отбывания наказания. Отсрочка отбывания наказания имеет целью защиту прав и интересов ребенка при ее применении в отношении осужденной женщины, женщины, имеющей ребенка в возрасте до четырнадцати лет, мужчины, имеющего ребенка в возрасте до четырнадцати лет и являющегося единственным родителем, а также побуждает осужденных, признанных больными наркоманией, к прохождению курса лечения от наркозависимости и медико-социальной реабилитации (ст. 82, 82.1 УК РФ). При при-

менении отсрочки отбывания наказания у осужденного сохраняются социально полезные связи, в полной мере обеспечивается право детей на развитие и воспитание в родной семье.

Институт отсрочки отбывания наказания находит свое закрепление не только в нормах уголовного права России, но и в законодательстве большинства зарубежных государств. Однако необходимо принимать во внимание многообразие форм применения видов института отсрочки отбывания наказания в разных странах и существование близкого по содержанию института условного осуждения. Например, в Англии и Голландии под пробацией понимают саму отсрочку отбывания наказания, отождествляя ее с испытательным сроком. При этом можно выделить две основные разновидности отсрочки: простая отсрочка отбывания наказания (или с установлением испытательного срока) и отсрочка назначения наказания.

На развитие уголовного законодательства стран ближнего зарубежья и СНГ большое влияние оказали Уголовный кодекс

РСФСР и Основы уголовного законодательства СССР. Свое отражение институт отсрочки отбывания наказания нашел в законах республик Азербайджан, Армения, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Беларусь и Украина. Единственным исключением стала Республика Узбекистан, в которой полностью отсутствует такое понятие, как отсрочка отбывания наказания в отношении беременных женщин и женщин, имеющих детей. Применение же отсрочки отбывания наказания в отношении мужчин, имеющих детей, предусмотрено только законодательствами Российской Федерации, республик Казахстан и Кыргызстан.

Анализ уголовного законодательства стран бывшего Советского Союза позволил сделать вывод о том, что институты отсрочки отбывания наказания не являются полностью идентичными. Существенную разницу в правовом регулировании образует максимальный возраст ребенка осужденной женщины, к которой применяется отсрочка. Например, минимальный возраст ребенка, до которого предоставляется отсрочка отбывания наказания, указан в уголовных кодексах республик Армения, Беларусь и Украина, и составляет он три года. Восемилетний возраст детей как верхняя граница для предоставления отсрочки установлен в отношении осужденных женщин, проживающих на территории республик Азербайджан и Туркменистан. До четырнадцатилетнего возраста ребенка по аналогии с Россией отсрочку отбывания наказания получают осужденные граждане республик Казахстан и Кыргызстан.

При применении отсрочки отбывания наказания в ряде государств для осужденных женщин определяются условия, такие как возможность самостоятельно обеспечить надлежащие условия для воспитания ребенка или иметь семью, готовую принять ее с ребенком (например, в уголовном кодексе Республики Беларусь). Законодательство Польши, Украины, Германии, Болгарии, Испании, Франции, Дании и других стран предусматривает возложение на осужденного дополнительных территориальных ограничений или иных обязанностей: пройти курс лечения от заболевания, возместить ущерб, воздержаться от вождения транспортных средств или выполнять общественно полезные работы.

Близкая по содержанию к российской отсрочке отбывания наказания норма нашлась в Уголовном кодексе Сан-Марино. Она предусматривает отсрочку отбывания

наказания беременным женщинам, женщине, имеющим малолетних детей, и в связи с болезнью.

Законом Российской Федерации от 12.06.1992 № 2988-1 «О внесении изменений и дополнений в Исполнительно-трудовой кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» впервые была установлена норма уголовного законодательства, предусматривающая отсрочку отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей в возрасте до трех лет. В 1996 г. были внесены изменения в УК РФ. Новая статья предусматривала отсрочку отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей в возрасте до восьми лет. В 2001 г. Федеральным законом № 25-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс, Уголовно-процессуальный кодекс, Уголовно-исполнительный кодекс РФ и другие законодательные акты РФ» было предоставлено право применения отсрочки отбывания наказания в отношении осужденных женщин, имеющих детей, не достигших возраста четырнадцати лет. Федеральный закон от 21.02.2010 № 16-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» определил, что отсрочка отбывания наказания применяется не только в отношении женщин, но и в отношении мужчин, имеющих детей и являющихся единственными родителями. Наконец, Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ данный институт был дополнен отсрочкой отбывания наказания осужденным, больным наркоманией.

Условиями предоставления отсрочки отбывания наказания осужденным, больным наркоманией, являются, во-первых, впервые назначенное наказание в виде лишения свободы за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ, во-вторых, желание самого осужденного, сформулированное в письменном виде в заявлении о добровольном прохождении курса лечения от наркомании, а также медицинской и социальной реабилитации. В то же время практика применения отсрочки больным наркоманией свидетельствует о том, что суды довольно редко применяют данную норму, используя в отношении этой категории осужденных в основном условное осуждение. По данным ФСИН России, на учетах в уголовно-исполнительных инспекциях в 2018 г. состояло 105 чел. Как следует из отчета о работе судов

Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за первое полугодие 2018 г. судами были применены 34 отсрочки отбывания наказания в отношении осужденных, больных наркоманией. Однако в первом полугодии 2018 г. судами Российской Федерации отмена отсрочки отбывания наказания больным наркоманией в связи с отказом от прохождения или нарушениями установленного курса лечения от наркомании и прохождения медико-социальной реабилитации была назначена 27 осужденным, что составляет 79,41 % от общего числа осужденных, к которым была применена норма ст. 82.1 УК РФ.

По мнению А. В. Денисовой, целесообразно применять отсрочку отбывания наказания осужденным больным наркоманией за совершение впервые также и иных преступлений небольшой и средней тяжести при наличии мотива, связанного с наркозависимостью [1]. Очевидно, что в данном случае к совершению преступления побуждает болезненная потребность в приобретении наркотических или психотропных средств для собственного употребления. Такое изменение позволит применить рассматриваемых институт к более широкому кругу осужденных.

Однако нужно признать, что далеко не все осужденные, больные наркоманией, способны самостоятельно эффективно проходить соответствующее лечение. В связи с этим целесообразно было бы предоставить суду возможность применять отсрочку отбывания наказания осужденным, больным наркоманией, с помещением на первоначальном этапе на стационарное лечение в соответствующие государственные медицинские центры.

Согласно ч. 3 ст. 82.1 УК РФ основанием освобождения от отбывания наказания является подтвержденная ремиссия, срок которой составляет не менее двух лет после прохождения медицинской и социальной реабилитации. Однако нормативно не определены медицинские учреждения, которые могут брать на себя полную ответственность за прохождение осужденными наркоманами не только медицинской, но и социальной реабилитации, а также объективно подтверждать ремиссию. Полагаем, что в такой роли должны выступать исключительно медицинские учреждения государственного или муниципального здравоохранения.

Одной из главных целей назначения отсрочки отбывания наказания беременной женщине, женщине и мужчине, имеющим

малолетних детей, является намерение создать осужденным и, главным образом, ребенку максимально комфортные условия для жизни.

Так, в принятой Генеральной Ассамблеей ООН Конвенции о правах ребенка от 20.11.1959 говорится: «Ребенок для полного и гармоничного развития его личности нуждается в любви и понимании. Он должен, когда это возможно, расти на попечении и под ответственностью своих родителей и во всяком случае в атмосфере любви и материальной обеспеченности; малолетний ребенок не должен, кроме тех случаев, когда имеются исключительные обстоятельства, быть разлучаем со своей матерью».

В настоящее время наметилась тенденция к сокращению объема осужденных, в отношении которых применяется отсрочка отбывания наказания. Так, по данным ФСИН России, в 2013 г. на учете в УИИ состояло 8036 женщин и мужчин с отсрочкой отбывания наказания без учета осужденных, больных наркоманией, в 2017 г. этот показатель снизился до 6970 чел. На отчетный период 2018 г. количество осужденных с отсрочкой отбывания наказания составило 7315 чел. В процентном соотношении их доля от общего числа осужденных, состоящих на учете в УИИ, в вышеуказанные годы достигала 1,77 %, 1,38 %, 1,43 % соответственно.

Институт отсрочки отбывания наказания во многом схож с институтом условного осуждения. Так, осужденным назначается наказание, но приговор не приводится в исполнение. Суд отсрочивает его на определенный срок и устанавливает некие условия. Отметим, что условное осуждение является более мягкой мерой уголовно-правового характера по сравнению с отсрочкой отбывания наказания. Это во многом определяет сложившуюся судебную практику в части применения данных институтов.

По мнению М. С. Красильниковой, условия, необходимые для предоставления отсрочки отбывания наказания, в соответствии с действующим УК РФ можно классифицировать на две группы: положительные и отрицательные. При этом к положительным условиям можно отнести наличие беременности либо малолетнего ребенка, для осужденного мужчины дополнительным условием будет то, что он должен быть единственным родителем малолетнего ребенка. Проблем с установлением положительных условий предоставления отсрочки отбывания наказания практически нет, так как женщина подтверждает свою беременность

медицинской справкой, а наличие ребенка можно доказать, представив свидетельство о его рождении. К группе отрицательных можно отнести условия, при которых отсрочка отбывания наказания не применяется, например осуждение лица к лишению свободы сроком более пяти лет за тяжкое или особо тяжкое преступление против личности и т. д. [2].

На наш взгляд, целесообразно было бы классифицировать предоставление осужденным отсрочки отбывания наказания по времени ее применения. Первую группу при этом образует применение отсрочки отбывания наказания на стадии вынесения приговора судом с последующим освобождением от реального отбывания наказания. Ко второй группе можно отнести реализацию судом отсрочки на стадии исполнения приговора суда с последующим освобождением от дальнейшего отбывания частично отбытого наказания.

Вопрос об отсрочке отбывания наказания рассматривается судом по ходатайству осужденного. Применение данного вида освобождения от реального отбывания наказания на определенный срок зависит от усмотрения суда и поэтому не является обязательным. Такое освобождение является условным, и условием при этом выступает соответствующее правопослушное поведение осужденного, свидетельствующее о проявлении заботы о своем ребенке и стремлении дать ему надлежащее воспитание. Отсрочка может быть отменена в случае, когда отпало основание ее применения: прерывание беременности, смерть малолетнего ребенка. Отсрочка также отменяется при совершении осужденным нового преступления. При этом суд назначает ему наказание по правилам, предусмотренным ст. 70 УК РФ.

Следует отметить, что граждане, которые усыновили или удочерили детей, также относятся к лицам, имеющим ребенка, потому что в ст. 137 Семейного кодекса Российской Федерации говорится о том, что такие лица приравниваются в правах к биологическим родителям. Кроме того, к лицам, имеющим детей, можно отнести граждан, взявших ребенка под опеку или попечительство. Семейное законодательство их не приравнивает к биологическим родителям или законным усыновителям, однако они тоже имеют цель обеспечить полной заботой и уходом приемных детей. Таким образом, возникает вопрос, имеют ли указанные лица права на применение к ним нормы ст. 82 УК РФ.

М. С. Красильникова отвечает на него положительно, указывая на то, что отсрочка отбывания наказания будет обеспечивать интересы как ребенка, так и родителя с учетом особенностей личности осужденного и характера совершенного им преступления [2].

Отметим, что на практике вопрос о предоставлении отсрочки отбывания наказания лицам, взявшим детей под опеку или попечительство, не рассматривается, так как это не регламентировано уголовным законодательством.

Мы разделяем мнение М. С. Красильниковой о том, что содержащееся в ст. 82 УК РФ нормативное указание о предоставлении отсрочки осужденному мужчине, имеющему ребенка в возрасте до 14 лет, который должен являться единственным родителем, нарушает равенство граждан перед законом, поскольку в отношении осужденной женщины подобного условия в законе не прописано. На тот факт, что у ребенка не должно быть матери, указывает уголовный кодекс, употребляя лишь в отношении мужчин термин «родитель». При этом все негативные последствия назначения реального наказания мужчине, являющемуся единственным кормильцем в семье, но не являющемуся единственным родителем, лягут на его близких. Таким образом, при исключении отсрочки отбывания наказания данным мужчинам в неравном положении по сравнению с осуждением одинокого мужчины или осуждением матери оказывается не только ребенок, но и вся семья осужденного [2].

Контролирующим органом за осужденным с отсрочкой отбывания наказания является уголовно-исполнительная инспекция по месту его жительства. При исполнении данной меры уголовно-правового характера сотрудники УИИ руководствуются ст. 177, 178, 178.1 УИК РФ, а также другими нормативно-правовыми актами.

Согласно п. 137 приказа Минюста России от 20.05.2009 № 142 «Об утверждении инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» осужденного следует считать уклоняющимся от воспитания ребенка, если он оставил его в родильном доме, или передал в детский дом, или ведет антиобщественный образ жизни и не занимается должным воспитанием ребенка и уходом за ним, без уважительной причины оставил ребенка родственникам или иным лицам, скрылся либо совершает иные действия (бездействие), свидетельствующие об уклонении от воспитания ребенка. Дан-

ный перечень требований, предъявляемых к поведению осужденного, наказание которого отсрочено в связи с наличием малолетних детей, является исчерпывающим. Поэтому если родитель исполняет свои родительские обязанности по воспитанию ребенка, но вместе с тем, например, злоупотребляет алкоголем или нарушает общественный порядок, то такое отрицательное поведение освобожденного не может стать основанием для отмены судом отсрочки отбывания наказания. Хотя правильное воспитание детей лицом, ведущим аморальный и антиобщественный образ жизни, представить сложно.

Интервьюирование некоторых сотрудников уголовно-исполнительных инспекций УФСИН России по г. Москве показало, что часть осужденных, не уклоняющихся от воспитания ребенка, совершают различные нарушения общественного порядка и привлекаются к административной ответственности. Такие действия не предусматривают

вынесения письменного предупреждения со стороны контролирующих органов. Представляется правильным считать уклоняющимися от воспитания ребенка осужденных, которые два и более раза в год были подвергнуты административной ответственности за нарушения общественного порядка, предусмотренные гл. 20 КоАП РФ.

Таким образом, нормы, регламентирующие отсрочку отбывания наказания, занимают важное место в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве и нуждаются в дальнейшем совершенствовании. Расширение и уточнение круга лиц, к которым применима отсрочка отбывания наказания, за счет включения в перечень граждан, усыновивших, удочеривших детей или взявших детей под опеку или попечительство, позволит наиболее эффективно и полно реализовать принцип равенства, а также закрепленную в ст. 7 Конституции Российской Федерации поддержку семьи, материнства, отцовства и детства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Денисова, А. В. Критерии корректности уголовно-правовых норм / А. В. Денисова // Российская юстиция. – 2017. – № 11. – С. 21–24.
2. Красильникова, М. С. Некоторые вопросы уголовно-правового регулирования отсрочки отбывания наказания (ст. 82 УК РФ) / М. С. Красильникова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – № 4 (56). – С. 273–277.

REFERENCES

1. Denisova A. V. Kriterii korrektnosti ugodovno-pravovykh norm [Criteria for the correctness of criminal law]. *Rossiyskaya yusticiya – Russian justice*, 2017, no. 11, pp. 21–24. (In Russ.).
2. Krasil'nikova M. S. Nekotorye voprosy ugodovno-pravovogo regulirovaniya otsrochki otbyvaniya nakazaniya (st. 82 UK RF) [Some issues of the criminal law regulation of deferment of punishment (Article 82 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Kemerovo State University*, 2013, no. 4 (56), pp. 273–277. (In Russ.).

УДК 343.35

Теоретические и практические проблемы применения ст. 291.1 УК РФ, обусловленные несовершенством ее законодательной конструкции

Е. В. ГЕРАСИМОВА – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Северо-Западного института (филиала) Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Реферат

В статье исследуются проблемы применения нормы, закрепляющей уголовную ответственность за посредничество во взяточничестве, обусловленные несовершенством законодательной конструкции ст. 291.1 УК РФ. Автор рассматривает

основные формы посредничества во взяточничестве: физическое и интеллектуальное. Особое внимание уделяется признаку значительного размера предмета взятки, который имеет принципиальное значение для оценки деяния по данной статье. Отмечается, что, согласно действующей редакции ст. 291.1 УК РФ, осуществление посредничества в даче или получении взятки в размере, не превышающем 25 тыс. руб., не может образовать указанный состав преступления. Подчеркивается, что посредничество во взяточничестве при отсутствии признака значительного размера не может образовывать соучастие в получении или даче взятки. В связи с этим автор считает нецелесообразным указание на значительный размер в ч. 1 ст. 291.1 УК РФ.

Также в статье рассматривается проблема расширительного толкования физического посредничества в даче и (или) получении взятки. Анализируются положения ч. 5 ст. 291.1 УК РФ, в которой устанавливается уголовная ответственность за обещание или предложение посредничества во взяточничестве. Автор отмечает, что необоснованность отсутствия указания в ч. 5 ст. 291.1 УК РФ на значительный размер предмета взятки позволяет говорить об установлении уголовной ответственности за приготовление к посредничеству во взяточничестве независимо от размера предмета взятки. В связи с этим предлагается исключить из уголовного закона ч. 5 ст. 291.1.

Ключевые слова: посредничество во взяточничестве; получение взятки; дача взятки; должностное лицо; значительный размер.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Theoretical and practical problems of applying Art. 291. 1 of the Criminal Code due to the imperfection of its legislative structure

E. V. GERASIMOVA – Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the North-West Institute (branch) of the O. E. Kutafin University (Moscow State Law Academy), PhD. in Law, Associate Professor

Abstract

The article examines the problems of applying the norm, fixing the criminal liability for intermediation in bribery, due to the imperfection of the legislative structure 291.1 of the Criminal Code. The author considers the main forms of intermediation in bribery: physical and intellectual. Particular attention is paid to the sign of a significant size of the subject of the bribe, which is of fundamental importance for assessing the act under this article. It is noted that according to the current version of Art. 291.1 of the Criminal Code intermediation in giving or receiving a bribe in an amount not exceeding 25 thousand rubles cannot form the specified corpus delicti. It is emphasized that intermediation in bribery in the absence of a sign of significant size cannot form complicity in receiving or giving a bribe. In this regard the author considers it inappropriate to indicate a significant amount in part 1 of Art. 291.1 of the Criminal Code.

The article also considers the problem of a broad interpretation of physical intermediation in giving and (or) receiving a bribe. The provisions of Part 5 of Art. 291.1 of the Criminal Code, which establish criminal liability for a promise or offer of intermediation in bribery, are analysed. The author notes that the groundlessness of the lack of guidance in Part 5 of Art. 291.1 of the Criminal Code of the Russian Federation on a significant size of the subject of a bribe allows us to talk about the establishment of criminal liability for preparation for intermediation in bribery, regardless of the size of the subject of a bribe. In this regard it is proposed to exclude part 5 of Art. 291.1 from the Criminal Code.

Key words: intermediation in bribery; receiving a bribe; giving a bribe; official; significant size.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Особенностью ст. 291.1 УК РФ является то, что она устанавливает ответственность за два самостоятельных состава преступления, которые закреплены соответственно в ч. 1 и 5.

При этом законодательное конструирование положений данной статьи порождает проблемы толкования, что обуславливает отсутствие единообразия судебной практики.

Предметом составов преступлений, предусмотренных ст. 291.1 УК РФ, выступают деньги, ценные бумаги, иное имущество, а также незаконное оказание услуг имущественного характера, предоставление имущественных прав. Предмет состава преступления, закрепленного в ч. 1 ст. 291.1 УК РФ, должен получить денежное отражение.

Следует отметить, что размер предмета взятки имеет принципиальное значение для оценки деяния по рассматриваемой статье, для которой установлен минимальный размер стоимости предмета – значительный размер, то есть сумма, превышавшая 25 тыс. руб. Таким образом, основываясь на положениях ст. 291.1 УК РФ, можно прийти к выводу, что при осуществлении посредничества во взяточничестве в сумме, не превышающей 25 тыс. руб., состав преступления отсутствует.

Однако не всеми теоретиками уголовного права разделяется данная точка зрения. М. И. Моисеенко [9, с. 47], Д. Гарбатович [2, с. 6], В. Борков [1, с. 12] придерживаются позиции, согласно которой норма, устанавливающая ответственность за посредничество во взяточничестве, является специальной нормой по отношению к нормам, закрепленным в ст. 290, 291 УК РФ. Общее правило квалификации преступлений гласит, что при конкуренции общей и специальной норм применению подлежит специальная норма (ч. 3 ст. 17 УК РФ). Таким образом, при совершении посредничества в даче или получении взятки на сумму менее 25 тыс. руб. содеянное не охватывается специальной нормой и должно квалифицироваться как соучастие в получении либо даче взятки.

Нам представляется, что, установив минимальный порог уголовно наказуемого посредничества в даче или получении взятки, законодатель тем самым упразднил преступность посредничества во взяточничестве на сумму, не превышающую 25 тыс. руб. Этот вывод базируется на содержании санкций ст. 290, 291 и 291.1 УК РФ. Так, ч. 2 ст. 290 УК РФ устанавливает ответственность за получение взятки в значительном размере и предусматривает максимальное наказание на срок до шести лет лишения свободы со штрафом в размере до тридцатикратной суммы взятки или без такового и с лишением права занимать определенные должно-

сти или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового; ч. 2 ст. 291 УК РФ (дача взятки в значительном размере) закрепляет максимальное наказание до пяти лет лишения свободы со штрафом в размере от пятикратной до пятнадцатикратной суммы взятки или без такового. Вместе с тем ч. 1 ст. 291.1 УК РФ предусматривает максимальное наказание на срок до четырех лет лишения свободы со штрафом в размере до двадцатикратной суммы взятки или без такового. Следовательно, можно сделать вывод, что законодатель дифференцированно подошел к установлению наказания за получение взятки, дачу взятки и посредничество в получении или даче взятки. Таким образом, в настоящее время, опираясь на действующую норму ст. 291.1 УК РФ, при оценке посредничества в даче или получении взятки в размере, не превышающем 25 тыс. руб., по общим нормам, то есть соответственно по ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 290 УК РФ либо по ч. 5 ст. 33 ч. 1 ст. 291 УК РФ, будет нарушен принцип справедливости. Однако нельзя не отметить, что посредничество в даче либо получении взятки в размере, не превышающем 25 тыс. руб., безусловно, обладает общественной опасностью и должно быть уголовно наказуемо. В связи с этим считаем необходимым исключить из ч. 1 ст. 291.1 УК РФ признак значительного размера.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 291.1 УК РФ, складывается из двух деяний, а именно: 1) непосредственной передачи взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя (то есть передачи в физическом смысле – физического посредничества); 2) иного способствования взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки (интеллектуального посредничества). Законодатель определяет первый вид посредничества во взяточничестве как один из видов способствования взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения о получении и даче взятки. Под вторым видом посредничества понимается способствование взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки, за исключением непосредственной передачи взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя. Непосредственная передача взятки – физический процесс перехода, то есть перемещения, взятки или ее части от посредника к

взякополучателю. Таким образом, сначала посреднику необходимо получить от взятокодателя предмет взятки, а затем передать его взякополучателю. П. С. Яни отмечает, что исходя из положений ч. 1 ст. 291.1 УК РФ предметом физической формы посредничества во взяточничестве могут быть деньги, ценные бумаги, иное имущество [7, с. 24]. Следовательно, предметом этого вида посредничества не могут быть услуги имущественного характера и имущественные права.

Трудности правоприменения порождает указание в законе на «непосредственный способ» передачи взятки. Возникает вопрос о том, должен ли посредник самолично передать взятку. Вместе с тем не исключена ситуация, когда посредниками в одной взятке выступают сразу несколько человек. На практике могут возникнуть сложности при оценке действий иных посредников во взяточничестве. Следует согласиться с М. И. Моисеенко, который считает необходимым исключить из диспозиции ч. 1 ст. 291.1 УК РФ указание на непосредственный характер передачи взятки при физическом посредничестве [9, с. 52]. Это даст возможность привлечения к уголовной ответственности всех посредников получения и дачи взятки: как непосредственно передавших (получивших) взятку, так и тех, кто выступал промежуточным звеном.

В уголовно-правовой доктрине критикуются положения ч. 1 ст. 291.1 УК РФ в той части, где речь идет о непосредственной передаче взятки «по поручению взятокодателя» [6, с. 202]. Указанная формулировка законодателя сужает действие рассматриваемой статьи, так как взятокодатель может прямо не поручать посреднику передачу взятки, а сделать это путем жестов (кивок головы), что также должно расцениваться как согласие взятокодателя на посредничество во взяточничестве. Вместе с тем с точки зрения законодательной конструкции поручения как такового от взятокодателя не будет, следовательно, может быть проблематично привлечь посредника к уголовной ответственности за передачу взятки.

В связи с вышесказанным считаем целесообразным изменить формулировку «по поручению взятокодателя или взякополучателя» на формулировку «по поручению взятокодателя или взякополучателя либо с их согласия».

В п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 24 определены критерии, позволяющие от-

граничить физическую передачу взятки (непосредственную передачу) по поручению взятокодателя (посредничество во взяточничестве) от дачи взятки должностному лицу за действия (бездействие) по службе в пользу представляемого взятокодателем физического либо юридического лица. Верховный Суд Российской Федерации разъясняет, что судам следует исходить из того, что посредник передает взятку, действуя от имени и за счет имущества взятокодателя. В отличие от посредника взятокодатель, передающий взятку за действия (бездействие) по службе в пользу представляемого им лица, использует в качестве взятки принадлежащее ему или незаконно приобретенное им имущество [11, с. 5].

Иное содействие взятокодателю и (или) взякополучателю в достижении соглашения между ними о получении и даче взятки может состоять в содействии знакомству предполагаемых взятокодателя и взякополучателя или установлении между ними иного контакта; склонении должностного лица к получению взятки, осуществляемом по поручению взятокодателя; склонении к даче взятки по поручению должностного лица; организации и ведении переговоров между потенциальными взятокодателем и взякополучателем по поводу условий взятки (места, времени, способа передачи взятки, содержания действий (бездействий) должностного лица, которые оно должно совершить за взятку).

К. В. Ображиев и К. В. Чашин справедливо выделяют перечень разнообразных деяний, в которых может выражаться интеллектуальное посредничество. Иное содействие взятокодателю и (или) взякополучателю в реализации соглашения между ними о получении и даче взятки находит проявление в содействии непосредственной передаче предмета взятки (предоставление взятокодателю и взякополучателю средств связи, подыскание помещения или иного места для передачи взятки, обеспечение его безопасности); открытии счета на имя должностного лица и передачи его реквизитов взятокодателю; содействии незаконному оказанию должностному лицу услуг имущественного характера, выступающих в качестве предмета взятки; содействии незаконному предоставлению иных имущественных прав (передача взятокодателю документов, подтверждающих соответствующее имущественное право) [12, с. 58].

Однако некоторые авторы, по нашему мнению, необоснованно широко понима-

ют посредничество во взяточничестве. Так, П. С. Яни считает, что к посредничеству во взяточничестве следует относить и заранее данное обещание принять на хранение предмет взятки, совершить действия по укрывательству совершенного преступления [17, с. 26]. В литературе высказывается мнение о том, что к посредничеству во взяточничестве следует относить дачу в долг денег или иного имущества, заведомо предназначенного для передачи в качестве взятки [7, с. 23]. Представляется, что подобное расширение границ посредничества во взяточничестве можно рассматривать как аналогию уголовного закона, а она прямо запрещена в ст. 3 УК РФ.

Деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 291.1 УК РФ, в форме иного способствования взяткодателя и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки важно отграничивать от обещания или предложения посредничества во взяточничестве, которые подпадают под признаки ч. 5 ст. 291.1 УК РФ. Следовательно, иное способствование не включает в себя деяние в виде обещания или предложения посредничества во взяточничестве.

М. О. Лепехин отмечает, что интеллектуальное посредничество полностью охватывается определением пособничества, но при этом физическое посредничество как действие по физическому перемещению предмета взятки не является пособничеством, а образует признаки объективной стороны отдельного состава преступления – посредничества во взяточничестве [8, с. 112].

К. В. Ображиев, К. В. Чашин критично относятся к закреплённой в диспозиции ч. 1 ст. 291.1 УК РФ конструкции «способствование взяткодателя и (или) взяткополучателю», поскольку на практике возможна ситуация, когда посредник оказывает содействие только одному из них (либо взяткополучателю, либо взяткодателя). Но посредник, связанный как с взяткодателям, так и взяткополучателем, одновременно способствует совершению двух преступлений – даче и получению взятки. Авторы считают необходимым внести изменения в диспозицию ч. 1 ст. 291.1 УК РФ и исключить из словосочетания «способствование взяткодателя и (или) взяткополучателю» союз «или», чтобы подчеркнуть двусторонний характер посреднических действий [12, с. 58]. Однако нам представляется, что данное исключение из ч. 1 ст. 291 УК РФ нецелесообразно, так как на практике возможна ситуация, при кото-

рой посредник выступает лишь на стороне взяткополучателя или лишь на стороне взяткодателя (это особенно характерно для тех случаев, когда в даче или получении взятки имеется несколько посредников).

Еще одним проблемным аспектом применения ст. 291.1 УК РФ является предмет преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 291 УК РФ. В теории и практике образовалось два диаметрально противоположных подхода к вопросу о том, является ли значительный размер взятки составообразующим признаком преступления. Позиция, согласно которой значительный размер взятки является обязательным признаком преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 291.1 УК РФ, отражена в работах С. В. Изосимова [6, с. 192], А. Ю. Головина, Н. В. Бугаевской [3, с. 15]. Такой подход подтверждается и судебной практикой. Например, в приговоре Куйбышевского районного суда г. Самары от 23.10.2013 по делу № 1-256/2013 судом установлено, что «в состав преступления, предусмотренный ст. 291.1 ч. 5 УК РФ, в качестве обязательного признака включается признак суммы предмета взятки».

Иной позиции придерживаются ученые, которые полагают, что законодатель установил уголовно-правовой запрет в отношении обещания или предложения посредничества во взяточничестве вне зависимости от размера взятки [7, с. 23]. Также в заключении правового управления Аппарата Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации от 03.03.2011 № 2.2-1/650 было отмечено, что «сумма взятки для квалификации данного вида преступления доказыванию не подлежит» [10].

Таким образом, отсутствие указания в ч. 5 ст. 291.1 УК РФ на размер взятки можно считать законодательным пробелом. Судебная практика идет по пути доказывания значительного размера взятки как составообразующего признака преступления, предусмотренного в ч. 5 ст. 291 УК РФ. Полагаем, что данное положение нуждается в разъяснении Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Объективная сторона ч. 5 ст. 291.1 УК РФ предусматривает два деяния, различия между которыми заключаются в том, от кого именно исходит инициатива совершения посреднических действий. Обещание посредничества рассматривается как соглашение о сотрудничестве лица с взяткодателям или взяткополучателем, которые в данном случае являются инициаторами дачи или получения взятки. Предложение посредничества предполагает, что инициа-

тива исходит от потенциального посредника в даче или получении взятки, и представляет собой активное навязывание своих услуг лицом, поиск непосредственных взяткодателей или взяткополучателей. Согласно п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 24 обещание или предложение передать либо принять незаконное вознаграждение за совершение действий (бездействий) по службе рассматривается «как умышленное создание условий для совершения соответствующих коррупционных преступлений в случае, когда высказанное лицом намерение передать или получить взятку было направлено на доведение его до сведения других лиц в целях дачи им либо получения от них ценностей, а также в случае достижения договоренности между указанными лицами» [11, с. 5].

В настоящее время в науке уголовного права присутствуют два принципиально различных подхода к определению правовой природы ч. 5 ст. 291.1 УК РФ. Так, одни авторы обещание или предложение посредничества во взяточничестве рассматривают как обнаружение умысла (Е. В. Рогова, Р. А. Забавко [14, с. 79], О. И. Ткачев [15, с. 36]). При этом справедливо отмечается, что норма, закрепленная в ч. 5 ст. 291.1 УК РФ, нарушает общепризнанный принцип уголовного права «никто не несет наказания за собственные мысли». Таким образом, в ч. 5 ст. 291.1 УК РФ нашло отражение объективное вменение, которое не допускается в соответствии с ч. 2 ст. 5 УК РФ. Но обнаружение умысла не влечет за собой уголовной ответственности, не образует подготовительную стадию преступной деятельности и имеет значение лишь в профилактической деятельности правоохранительных органов. Соответствующая позиция первоначально нашла отражение в официальном отзыве Верховного Суда Российской Федерации от 16.08.2010 г. № 1/общ-2878 [13], где было закреплено, что «термин “предложение” не отвечает критерию ясности, недвусмысленности правовой нормы и вызовет неоднозначность его трактовки в правоприменительной практике. Незаконное предложение имущества либо услуг можно рассматривать как выраженное вовне намерение передать предмет взятки, при этом для его реализации никаких конкретных действий не предпринималось, то есть как обнаружение умысла».

Представители второго подхода считают, что ч. 5 ст. 291.1 УК РФ закрепляет криминализацию приготовления к простому посред-

ничеству (А. Ю. Головин, Н. В. Бугаевская [3, с. 15], В. В. Звягинцев, Ю. В. Рыкова [5, с. 330]). Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 291.1 УК РФ, относится к категории преступлений средней тяжести. В соответствии с ч. 2 ст. 30 УК РФ наказуемым является приготовление к тяжкому и особо тяжкому преступлению. Таким образом, введение ответственности за обещание или предложение посредничества во взяточничестве преодолевает запрет уголовной ответственности за приготовления к преступлениям средней тяжести. Вместе с тем следует отметить, что указанные в ч. 5 ст. 291.1 УК РФ деяния не охватываются предусмотренными в ч. 1 ст. 30 УК РФ приготовительными действиями. Деяния, предусмотренные в диспозиции ч. 5 ст. 291.1 УК РФ, не могут толковаться как приискание соучастников или формирование сговора на совершение преступления. Деяние, состоящее в обещании или предложении посредничества во взяточничестве, может рассматриваться только как «иное умышленное создание условий для совершения преступления» (п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 24 от 09.07.2013). Но выражение вовне намерения выступить посредником во взяточничестве не создает никаких условий для дальнейшего совершения обещанных или предложенных действий и последующее совершение посреднических действий не облегчает, так как посредник таким обещанием или предложением не связан.

В связи с вышесказанным нельзя не отметить сложившийся диссонанс: с одной стороны, законодатель, указав в ч. 1 ст. 291 УК РФ на значительный размер, фактически декриминализовал посредничество в простой взятке, а с другой – установил ответственность за приготовление к посредничеству к простой взятке (ч. 5 ст. 291.1 УК РФ), предусмотрев при этом, на наш взгляд, чрезмерно суровое наказание за это деяние – лишение свободы на срок до семи лет со штрафом в размере до тридцатикратной суммы взятки или без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового.

Обещание или предложение посредничества во взяточничестве является формальным составом преступления, считается оконченным с момента совершения лицом действий (бездействия), направленных на доведение до сведения взяткодателя и (или) взяткополучателя информации о своем на-

мерении стать посредником во взяточничестве, даже в том случае если это лицо впоследствии добровольно отказалось от выполнения посреднических действий либо не смогло их осуществить по не зависящим от него обстоятельствам.

Верховный Суд Российской Федерации в абз. 2 п. 26 постановления Пленума № 24 от 09.07.2013 разъяснил, что действия лица, обещавшего либо предложившего посредничество во взяточничестве и впоследствии совершившего преступление, предусмотренное ч. 1–4 ст. 291.1 УК РФ, квалифицируются по соответствующей части ст. 291.1 УК РФ без совокупности с ч. 5 ст. 291.1 УК РФ. Таким образом, высшая судебная инстанция подчеркнула, что ч. 5 ст. 291.1 УК РФ представляет собой приготовление к преступлению, предусмотренному ч. 1 ст. 291.1 УК РФ.

В судебной практике ч. 5 ст. 291.1 УК РФ применяется довольно редко. Согласно

статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации всего по составам преступлений коррупционной направленности в 2014 г. было осуждено 10 784 лиц, из них по ч. 5 ст. 291.1 УК РФ – 8 (0,07 %), в 2015 г. – 11 499, из них по ч. 5 ст. 291.1 УК РФ – 11 (0,09 %), в 2016 г. – 10 975 и 16 (0,14 %) соответственно [4].

Представленные данные, а также мнения ученых и правоприменителей свидетельствуют о том, что диспозиция рассматриваемой статьи недостаточно эффективна для применения на практике ввиду сложности доказывания состава данного преступления. Таким образом, ч. 5 ст. 291.1 УК РФ в том виде, в котором она закреплена сейчас, противоречит логике и системности построения уголовного законодательства Российской Федерации, нарушает принципы уголовного закона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. **Борков, В.** Новая редакция норм об ответственности за взяточничество: проблемы применения / В. Борков // Уголовное право. – 2011. – № 4. – С. 9–14.
2. **Гарбатович, Д.** Посредничество во взяточничестве – преобразованный вид пособничества / Д. Гарбатович // Уголовное право. – 2011. – № 5. – С. 4–8.
3. **Головин, А. Ю.** Проблемные вопросы квалификации преступлений по статьям 290, 291, 291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации / А. Ю. Головин, Н. В. Бугаевская // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2013. – № 1–2. – С. 12–16.
4. Данные судебной статистики по делам коррупционной направленности. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=150> (дата обращения: 22.02.2018).
5. **Звягинцев, В. В.** Проблемы повышения эффективности уголовно-правового регулирования противодействия посредничеству во взяточничестве / В. В. Звягинцев, Ю. В. Рыкова // Преступность, уголовная политика, закон : сборник статей / под редакцией профессора А. И. Долговой. – Москва : Российская криминологическая ассоциация, 2016. – С. 327–332. – ISBN 978-5-87817-082-6.
6. **Изосимов, С. В.** Уголовно-правовые средства противодействия коррупции и взяточничеству: современное состояние и проблемы совершенствования / С. В. Изосимов // Юридическая техника. – 2012. – № 6. – С. 191–197.
7. **Капинус, О.** Изменения в законодательстве о должностных преступлениях: вопросы квалификации и освобождения взяткодателя от ответственности / О. Капинус // Уголовное право. – 2011. – № 2. – С. 21–26.
8. **Лепихин, М. О.** Посредничество во взяточничестве в свете дополнений, внесенных в Уголовный кодекс РФ / М. О. Лепихин // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 4. – С. 110–115.
9. **Моисеенко, М. И.** Актуальные вопросы уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве / М. И. Моисеенко // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2012. – № 4 (22). – С. 45–55.
10. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции : заключение правового управления Аппарата Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации от 03.03.2011 № 2.2-1/650 по проекту федерального закона № 502299-5. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=502299-5&02> (дата обращения: 22.02.2018).
11. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 9. – С. 2–7.
12. **Ображиев, К. В.** Объективная сторона во взяточничестве: проблемы интерпретации и уголовно-правовой оценки / К. В. Ображиев, К. В. Чашин // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. – 2018. – № 1. – С. 56–60.
13. Официальный отзыв Верховного Суда Российской Федерации на проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» от 16.08.2010 № 1/общ-2878. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=502299-5&02> (дата обращения: 22.02.2018).
14. **Рогова, Е. В.** Мнимое и реальное ужесточение уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве / Е. В. Рогова, Р. А. Забавко // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015. – № 4 (36). – С. 76–82.
15. **Ткачев, О. И.** Ответственность за обещание или предложение посредничества во взяточничестве / О. И. Ткачев // Российская юстиция. – 2012. – № 3. – С. 35–37.
16. **Шеметова, Л. Ю.** Юридический анализ объективной стороны посредничества во взяточничестве / Л. Ю. Шеметова // Наука и современность. – 2016. – № 44. – С. 201–207.
17. **Яни, П. С.** Проблемы квалификации посредничества во взяточничестве / П. С. Яни // Законность. – 2013. – № 2. – С. 24–29.

REFERENCES

1. Borkov V. Novaya redakciya norm ob otvetstvennosti za vzyatochnichestvo: problemy primeneniya [The new edition of the rules on liability for bribery: problems of application]. *Ugolovnoe pravo – Criminal law*, 2011, no. 4, pp. 9–14. (In Russ.).
2. Garbatovich, D. Posrednichestvo vo vzyatochnichestve preobrazovannyj vid posobnichestva [Mediation in bribery is a transformed form of aiding]. *Ugolovnoe pravo – Criminal law*, 2011, no. 5, pp. 4–8. (In Russ.).
3. Golovin A. YU., Bugaevskaya N. V. Problemnye voprosy kvalifikacii prestuplenij po stat'yam 290, 291, 291.1 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii [Problematic issues of qualification of crimes under articles 290, 291, 291.1 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskije i juridicheskie nauki – Bulletin of Tula State University. Economic and legal sciences*, 2013, no. 1–2, pp. 12–16. (In Russ.).
4. Dannye sudebnoj statistiki po delam korrupcionnoj napravlenosti [Judicial statistics on corruption issues]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=150> (accessed 22.02.2018). (In Russ.).
5. Zvyagincev V. V., Rykova YU. V. Problemy povysheniya effektivnosti ugolovno-pravovogo regulirovaniya protivodejstviya posrednichestvu vo vzyatochnichestve [Problems of increasing the effectiveness of the criminal law regulation of counteraction to mediation in bribery]. *Prestupnost', ugolovnaya politika, zakon* [Crime, Criminal Policy, Law]. Moscow, 2016, pp. 327–332. (In Russ.).
6. Izosimov S. V. Ugolovno-pravovye sredstva protivodejstviya korrupcii i vzyatochnichestvu: sovremennoe sostoyanie i problemy sovershenstvovaniya [Criminal and legal means of combating corruption and bribery: current status and problems of improvement]. *YUridicheskaya tekhnika – Legal Technique*, 2012, no. 6, pp. 191–197. (In Russ.).
7. Kapinus O. Izmeneniya v zakonodatel'stve o dolzhnostnyh prestupleniyah: voprosy kvalifikacii i osvobozhdeniya vzyatkodatelya ot otvetstvennosti [Changes in the legislation on official crimes: issues of qualification and release of a bribe giver from liability]. *Ugolovnoe pravo – Criminal law*, 2011, no. 2, pp. 21–26. (In Russ.).
8. Lepihin M. O. Posrednichestvo vo vzyatochnichestve v svete dopolnenij, vnesennyh v Ugolovnyj kodeks RF [Mediation in bribery in the light of the amendments made to the Criminal Code of the Russian Federation]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava – Actual problems of Russian law*, 2017, no. 4, pp. 110–115. (In Russ.).
9. Moiseenko M. I. Aktual'nye voprosy ugolovnoj otvetstvennosti za posrednichestvo vo vzyatochnichestve [Actual issues of criminal liability for mediation in bribery]. *YUridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika – Jurisprudence and law enforcement practice*, 2012, no. 4 (22), pp. 45–55. (In Russ.).
10. O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah v svyazi s sovershenstvovaniem gosudarstvennogo upravleniya v oblasti protivodejstviya korrupcii [On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Administrative Offenses in connection with the improvement of public administration in the field of anti-corruption]. Available at: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=502299-5&02> (accessed 22.02.2018). (In Russ.).
11. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 09.07.2013 № 24 «O sudebnoj praktike po delam o vzyatochnichestve i ob inyh korrupcionnyh prestupleniyah» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 09.07.2013 No. 24 «On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes»]. *Byulleten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii – Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2013, no. 9, pp. 2–7. (In Russ.).
12. Obrazhiev K. V., CHashin K. V. Ob»ektivnaya storona vo vzyatochnichestve: problemy interpretacii i ugolovno-pravovoj ocenki [The objective side of bribery: problems of interpretation and criminal law assessment]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo: problemy teorii i praktiki – Criminal proceedings: problems of theory and practice*, 2018, no. 1, pp. 56–60. (In Russ.).
13. Oficial'nyj otzyv Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii na proekt federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenij v otdel'nye akty Rossijskoj Federacii v svyazi s sovershenstvovaniem gosudarstvennogo upravleniya v oblasti protivodejstviya korrupcii» ot 16.08.2010 № 1/obshch-2878 [Official review of the Supreme Court of the Russian Federation on the draft federal law “On Amending Certain Acts of the Russian Federation in Connection with the Improvement of Public Administration in the Field of Counteraction Corruption” from 08.16.2010 No. 1/ общ-2878]. Available at: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=502299-5&02> (accessed 22.02.2018). (In Russ.).
14. Rogova E. V., Zabavko R. A. Mnimoe i real'noe uzhestochenie ugolovnoj otvetstvennosti za posrednichestvo vo vzyatochnichestve [Imaginary and real tightening of criminal liability for mediation in bribery]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava – Actual problems of economics and law*, 2015, no. 4 (36), pp. 76–82. (In Russ.).
15. Tkachev, O. I. Otvetstvennost' za obeshchanie ili predlozhenie posrednichestva vo vzyatochnichestve [Responsibility for a promise or offer of mediation in bribery]. *Rossijskaya yusticiya – Russian justice*, 2012, no. 3, pp. 35–37. (In Russ.).
16. SHemetova L. YU. YUridicheskij analiz ob»ektivnoj storony posrednichestva vo vzyatochnichestve [Legal analysis of the objective side of mediation in bribery]. *Nauka i sovremennost' – Science and Modernity*, 2016, no. 44, pp. 201–207. (In Russ.).
17. YAni P. S. Problemy kvalifikacii posrednichestva vo vzyatochnichestve [Qualification issues of mediation in bribery]. *Zakonost' – Legality*, 2013, no. 2, pp. 24–29. (In Russ.).

УДК 343.8

Проблемные вопросы правового регулирования оснований введения режима особых условий в учреждениях уголовно-исполнительной системы России и пути их решения

Д. В. ГОРБАНЬ – старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра Академии ФСИН России, старший преподаватель кафедры криминологии и организации профилактики преступлений Инсти-

тута подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России, кандидат юридических наук

Реферат

В практической деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы возникают ситуации, в которых их нормальная жизнедеятельность временно прерывается и они переходят в так называемый особый порядок функционирования. Таковыми являются: стихийные бедствия, массовые беспорядки осужденных, аварии, введение чрезвычайного или военного положения, групповые неповиновения осужденных, захват и освобождение заложников на территории исправительного учреждения, розыск и задержание бежавших из исправительного учреждения осужденных, пожары. В случае возникновения данных нештатных ситуаций резко осложняется оперативная обстановка и появляются основания для введения режима особых условий в исправительных учреждениях, а также СИЗО. Режим особых условий представляет собой комплекс организационных мер, вводимых, когда в районе расположения исправительного учреждения установлено чрезвычайное, военное и особое положение, а также при возникновении массовых беспорядков или групповых неповиновениях осужденных. Изучение проблемных вопросов введения данного режима является актуальным направлением исследований в современной пенитенциарной науке.

В представленной статье предпринята попытка комплексного рассмотрения практических вопросов введения в учреждениях уголовно-исполнительной системы режима особых условий. Автор считает возможным дополнить перечень закрепленных в законе оснований для введения режима особых условий еще несколькими и вносит предложения по совершенствованию действующего уголовно-исполнительного законодательства.

Ключевые слова: режим; чрезвычайное происшествие; исправительное учреждение; массовые беспорядки; пенитенциарное преступление.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Problematic issues of legal regulation of the grounds for introduction special conditions in the institutions of the penal system of Russia and ways to solve them

D. V. GORBAN – Senior Researcher of the Research Department of Scientific Center of Academy of the Federal Penal Service of Russia, Senior Lecturer of the Department of Criminology and Organization of Crime Prevention of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law

Abstract

In practice of institutions and bodies of the penal system arise situations in which their normal activities are temporarily interrupted and they become the so-called special order of functioning. These are: natural disasters, riots of convicts, accidents, announcement of the state of emergency or imposing martial law, group disobedience of convicts, capture and release of hostages in the territory of a correctional institution, search and detention of convicts who escaped from a correctional institution, fires. In the event of these abnormal situations the operational environment is sharply complicated, and there are grounds for introducing special conditions in correctional institutions as well as pre-trial detention centers. The special conditions regime is a complex of organizational measures introduced when a state of emergency, martial law and special situations are established in the area of the correctional institution, as well as in the event of mass unrest or group disobedience of convicts. The study of the problematic issues of introducing this regime is an urgent area of research in modern penitentiary science. The article presents an attempt to comprehensively review the practical issues of introducing special conditions in penal institutions. The author considers it possible to supplement the list of grounds enshrined in the law for introducing a special conditions regime with a few more and makes suggestions for improving the current penal legislation.

Key words: regime; emergency; correctional institution; mass riots; penal crime.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

На сегодняшний день процесс исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы не лишен ряда правовых и организационных проблем, среди которых важное место занимает возникновение на территории исправительных учреждений различных чрезвычайных обстоятельств, связанных как с внутренними, так и с внешними причинами (факторами).

В числе мер, направленных на регламентацию процесса жизнедеятельности исправительных учреждений и СИЗО в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств, уголовно-исполнительное законодательство предусматривает ряд правовых норм. В частности, мы можем назвать ст. 85 УИК РФ, ст. 48 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (далее – ФЗ № 103). Обе они регламентируют основания и порядок введения режима особых условий в исправительных учреждениях. Однако, как нам представляется, существующих положений недостаточно для полной регламентации рассматриваемого правового института. Также можно указать на несовершенство этих правовых норм и необходимость их дальнейшей корректировки.

Согласно ч. 1 ст. 85 УИК РФ к основаниям введения режима особых условий относятся:

- стихийное бедствие;
- введение в районе расположения исправительного учреждения чрезвычайного или военного положения;

– массовые беспорядки, а также групповые неповиновения осужденных в исправительном учреждении.

В ст. 48 ФЗ № 103 приводятся несколько иные основания для введения режима особых условий:

- стихийные бедствия;
- эпидемии;
- эпизоотии;
- обширные очаги возгорания;
- крупные аварии систем жизнеобеспечения;
- массовые беспорядки;
- захват заложников и другие террористические акты;
- неповиновения подозреваемых и обвиняемых;

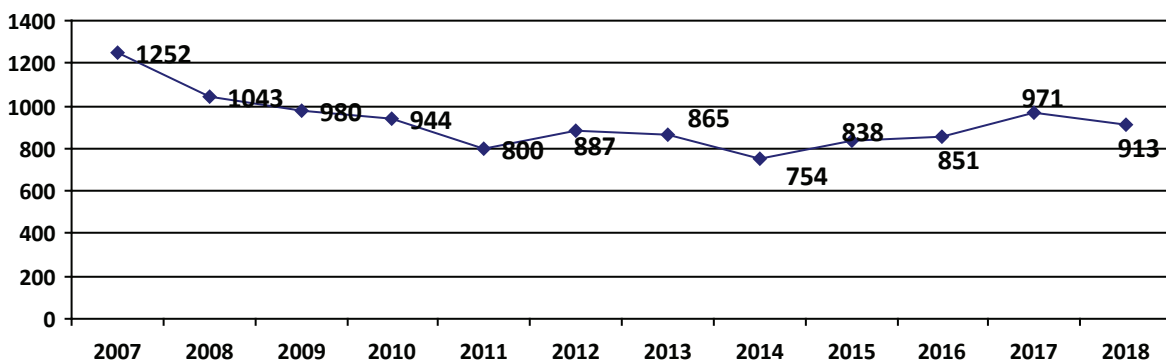
– наличие реальной угрозы вооруженного нападения на места содержания под стражей. Рассмотрим более подробно и проанализируем каждое из указанных в уголовно-исполнительном законодательстве оснований.

Современная правоприменительная практика реализации режима особых условий в исправительных учреждениях ФСИН России показывает, что в большинстве случаев он вводится при массовых беспорядках и групповых неповиновениях осужденных.

Массовые беспорядки осужденных относятся к числу пенитенциарных преступлений. Общие показатели пенитенциарной преступности за период с 2007 по 2018 гг., установленные по материалам статистического раздела официального сайта ФСИН России, приведены в диаграмме 1.

Диаграмма 1

Количественные показатели пенитенциарной преступности за период с 2007 по 2018 гг.

Исходя из представленных статистических данных, мы можем отметить некоторое снижение регистрируемых преступлений в 2018 г. по сравнению с 2017 г., однако показатель в 913 преступлений является более высоким, нежели ежегодное количество ре-

гистрируемых преступлений в период с 2011 по 2016 гг.

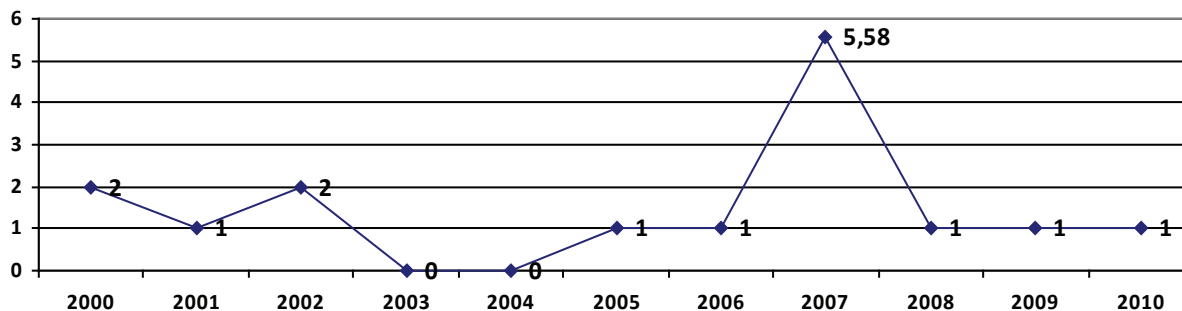
Анализ выполнения учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы служебно-боевых задач по пресечению (ликвидации) чрезвычайных обстоятельств

на объектах уголовно-исполнительной системы свидетельствует о ежегодном росте их числа в среднем на 20 %.

Динамика массовых беспорядков в исправительных учреждениях за период с 2000 по 2010 гг. отражена в диаграмме 2.

Диаграмма 2

Статистические показатели совершения массовых беспорядков и групповых неповиновений в учреждениях УИС за период с 2000 по 2010 гг. (коэффициент в расчете на 1000 осужденных)

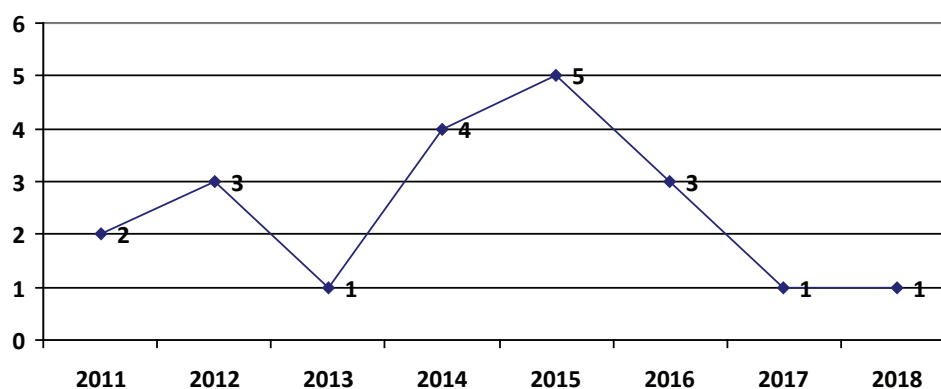

Обращает на себя внимание тот факт, что наиболее высокий уровень (коэффициент) массовых беспорядков, зарегистрированных в исправительных учреждениях в расчете на 1000 осужденных, был зафиксирован в 2007 г. и составил 5,58. В период с 2000 по 2010 гг. за организацию массовых беспорядков и участие в них на территории Российской Федерации было привлечено к ответственности 93 осужденных [5, с. 124].

На современном этапе функционирования уголовно-исполнительной системы массовые беспорядки в исправительных учреждениях продолжают оставаться достаточно распространенным явлением. Динамика количества совершения массовых беспорядков и групповых неповиновений в учреждениях уголовно-исполнительной системы за период с 2011 по 2018 гг. представлена в диаграмме 3.

Диаграмма 3

Количественные показатели совершения массовых беспорядков и групповых неповиновений в учреждениях УИС за период с 2011 по 2018 гг.

Из представленных статистических данных мы видим, что пик массовых беспорядков осужденных пришелся на 2014–2015 гг., а затем этот показатель снижался вплоть до одного случая в год.

Необходимо отметить, что небольшое число случаев массовых беспорядков в исправительных учреждениях обусловлено особенностями регистрации преступлений данного вида. В УК РФ данное деяние предусмотрено ст. 212, однако довольно большая

часть различного рода групповых неповиновений и массовых беспорядков осужденных расценивается и, соответственно, регистрируется по ст. 321 и 213 УК РФ. Так, только за 2018 г. было зарегистрировано 239 преступлений, предусмотренных ст. 321 УК РФ «Дезорганизация нормальной деятельности исправительных учреждений».

Анализируя причины сложившейся ситуации, мы можем указать на отличия в объектах уголовно-правовой охраны, предус-

мотренных ст. 212 и 321 УК РФ. Мы считаем, что массовые беспорядки осужденных подлежат квалификации по ч. 3 ст. 321 УК РФ, но при некотором изменении и расширении ее диспозиции.

Следующим основанием введения режима особых условий в исправительных учреждениях являются стихийные бедствия на территории самого учреждения либо в районе его дислокации.

Стихийные бедствия, согласно действующему законодательству, относятся к чрезвычайным ситуациям. Этим же понятием охватываются и основания для введения режима особых условий, перечисленные в ст. 48 ФЗ № 103: эпидемии, эпизоотии, обширные очаги возгорания, крупные аварии систем жизнеобеспечения.

В соответствии с Федеральным законом от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» чрезвычайная ситуация – это обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей.

Так, согласно статистическим данным с официального сайта МЧС России, по итогам 2018 г. при пожарах, авариях, катастрофах и чрезвычайных ситуациях спасены более 248 тыс. чел. В 2018 г. произошли 264 чрезвычайные ситуации, свыше 131 тыс. техногенных пожаров, более 3,7 тыс. происшествий на водных объектах, ликвидированы последствия почти 113 тыс. дорожно-транспортных происшествий. Пиротехники МЧС России обнаружили и уничтожили 106 тыс. взрывоопасных предметов, в том числе 662 авиабомбы.

Часть вышеперечисленных чрезвычайных ситуаций затронула объекты и учреждения УИС, где за прошедший 2018 г. было зарегистрировано 58 пожаров (в 2017 г. – 37). Материальные потери от них превысили 9,9 млн руб. (в 2017 г. – 4,9 млн руб.). Пожары имели место в 37 территориальных органах и образовательных организациях ФСИН России.

Современное состояние человеческой цивилизации вызывает необходимость разработки и совершенствования форм и методов защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, среди которых

особое место принадлежит правовому и организационному регулированию, включающему:

- создание и развитие нормативной базы, регулирующей общественные отношения в сфере защиты от чрезвычайных ситуаций;
- формирование, развитие и модернизацию единой государственной структуры, обеспечивающей эффективное реагирование личности, общества и государства на любые угрозы их безопасности.

В целях профилактики чрезвычайных ситуаций, в том числе и на объектах УИС, было принято Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 300 «О государственной программе Российской Федерации “Защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечение пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах”».

Для более точной и эффективной законодательной регламентации рассматриваемого основания введения режима особых условий в исправительном учреждении и СИЗО считаем необходимым заменить в ст. 85 УИК РФ слова «стихийных бедствиях» на слова «чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера».

Еще одним основанием для введения режима особых условий является установление в районе расположения исправительного учреждения чрезвычайного или военного положения.

Действующее законодательство Российской Федерации различает три чрезвычайных административно-правовых института:

- чрезвычайное положение (ст. 56 Конституции Российской Федерации, Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении»);
- военное положение (ст. 87 Конституции Российской Федерации, Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении», Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне»);
- состояние войны (Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне»).

Отдельные положения чрезвычайного законодательства содержатся также в федеральных законах от 26.02.1997 № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации», от 01.04.1993 № 4730-1 «О государственной границе» и других нормативных правовых актах.

В случае возникновения в районе дислокации исправительного учреждения или СИЗО ситуации, способствующей введению чрезвычайного либо военного поло-

жения, возникает необходимость реализации режима особых условий. Заметим, что статистические данные свидетельствуют о крайне редком использовании данного основания для введения режима особых условий в исправительных учреждениях и СИЗО.

Помимо указанных в ст. 85 УИК РФ оснований для введения режима особых условий в исправительных учреждениях и следственных изоляторах в практической деятельности последних имеют место и иные чрезвычайные происшествия, которые, по нашему мнению, могут выступать в качестве самостоятельных оснований такого рода и должны быть закреплены в уголовно-исполнительном законодательстве. К их числу следует отнести групповые побеги, побеги особо опасных либо вооруженных преступников, а также захват и удержание в качестве заложников различных лиц в ис-

правительных учреждениях, а также на других объектах ФСИН России [3, с. 107].

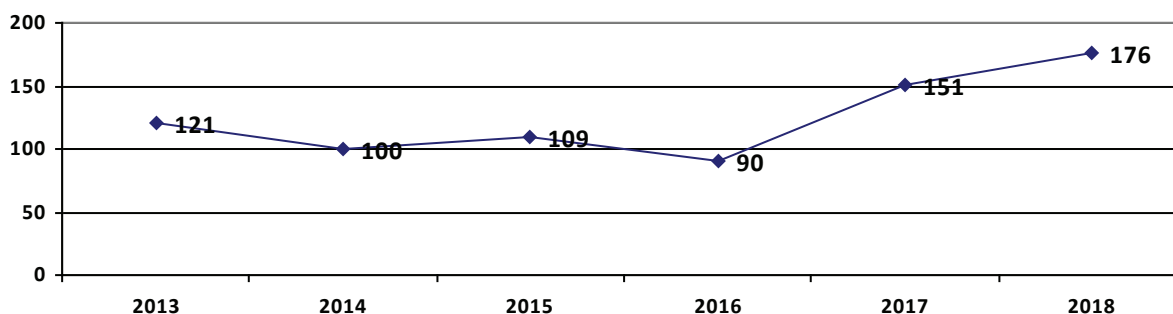
В случае дополнения указанными видами перечня чрезвычайных обстоятельств, приведенного в ст. 85 УИК РФ, они могут стать законодательными основаниями для введения режима особых условий в исправительных учреждениях.

Рассмотрим первое из указанных чрезвычайных обстоятельств – групповые побеги из мест лишения свободы.

В последние годы наблюдается общая тенденция к снижению числа данных преступлений в местах лишения свободы. Общее количество побегов, совершенных спецконтингентом исправительных учреждений, уменьшалось с 2013 г. до последнего времени, когда общее число сообщений о побегах из-под надзора возросло до 151 и 176 в 2017 и 2018 гг. соответственно (диаграмма 4).

Диаграмма 4

Количество сообщений о побегах осужденных из-под надзора за период с 2013 по 2018 гг.

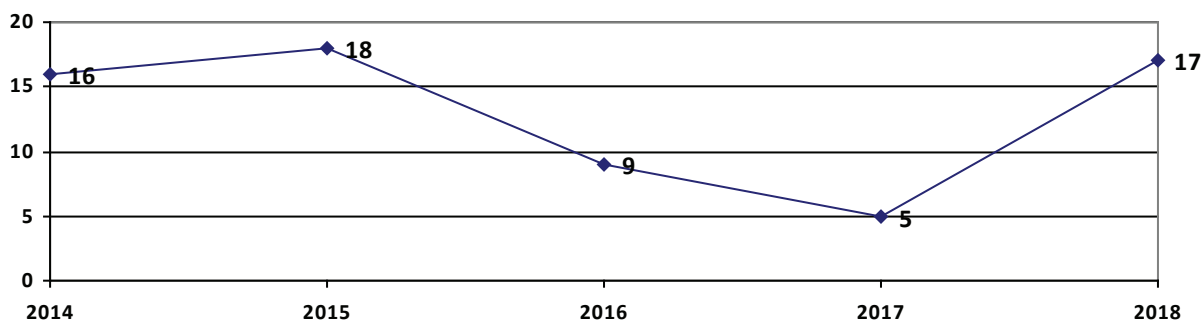

По нашему мнению, очевидная негативная динамика требует принятия своевременных и действенных профилактических мер. Вместе с тем нельзя не отметить, что в 2018 г. был допущен всего один побег из-под охраны, что является историческим минимумом. В массе побегов из-под надзора в

2018 г. существенную долю составили групповые побеги. Было допущено 17 случаев групповых оставлений осужденными учреждений УИС (в 2017 г. – 7), из которых по 12 возбуждены уголовные дела по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ (в 2017 г. – 5).

Диаграмма 5

Динамика групповых побегов из мест лишения свободы за период с 2014 по 2018 гг.

Из представленных в диаграмме 5 данных мы можем сделать вывод о наличии негативной динамики групповых побегов осужденных из мест лишения свободы: рассматриваемый показатель в 2018 г. практически достиг уровня 2015 г. и превысил уровень 2014 г. Соответственно, групповые побеги представляют на сегодняшний день достаточно серьезную проблему в деятельности ФСИН России.

То, что групповые побеги из мест лишения свободы обладают повышенной общественной опасностью, не вызывает сомнений по следующим причинам:

- они осуществляются несколькими осужденными, как показывает практика, за совершение тяжких либо особо тяжких преступлений или злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания;

- при совершении побега у осужденных присутствует совместный либо самостоятельный умысел на совершение новых преступлений;

- групповой побег с использованием транспортных и иных средств, а также завладением каким-либо видом оружия также может повлечь за собой совершение новых преступлений;

- в районе группового побега осужденных дестабилизируется обстановка, снижается уровень безопасности граждан, проживающих на данной территории, до момента поминки бежавших;

- в исправительном учреждении нарушается установленный правопорядок и осложняется оперативная обстановка [4, с. 5].

Таким образом, рост числа случаев групповых побегов в 2018 г. по сравнению с 2017 г. практически в три раза является поводом для внесения в ст. 85 УИК РФ соответствующих изменений и признания групповых побегов основанием для введения режима особых условий в исправительных учреждениях или СИЗО.

Далее рассмотрим еще одно преступление, совершаемое в исправительных учреждениях, которое, по нашему мнению, может стать самостоятельным основанием для введения режима особых условий. Речь пойдет о захвате заложников. Такое основание закреплено в ст. 48 ФЗ № 103 в формулировке «захват заложников и другие террористические акты» и не предусмотрено в ст. 85 УИК РФ, что дает определенную почву для размышлений.

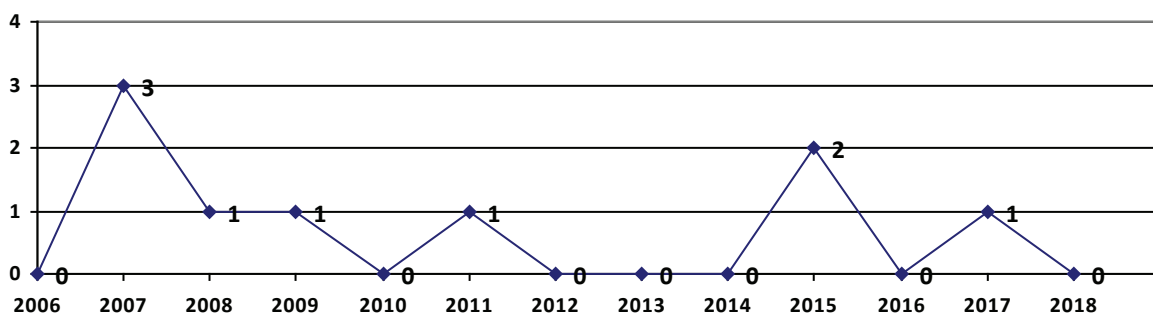
Захваты заложников в местах лишения свободы создают реальную угрозу жизни и безопасности граждан, законности и правопорядку, нарушают нормальное функционирование пенитенциарных учреждений.

Необходимо отметить, что в 2018 г. преступлений, предусмотренных ст. 206 УК РФ, допущено не было.

Динамика захватов заложников в исправительных учреждениях за период с 2006 по 2018 гг. представлена в диаграмме 6.

Диаграмма 6

Динамика захватов заложников в исправительных учреждениях за период с 2006 по 2018 гг.

Исходя из представленных статистических данных, мы можем заключить, что максимальный количественный показатель захватов заложников в исправительных учреждениях был зафиксирован в 2015 г. Среднегодовой количественный показатель захватов заложников за последние 10 лет составляет 0,5 случаев в год. Однако здесь целесообразно будет обратить внимание на высокую латентность данного вида престу-

плений: количественный показатель попыток захватов заложников в исправительных учреждениях намного выше, нежели уровень регистрации этих преступлений. Кроме того, зачастую, совершая нападения на сотрудников исправительных учреждений, осужденные пытаются удержать их в качестве заложников, но в последующем отказываются от продолжения совершения преступления по тем или иным причинам.

Анализ захватов заложников как противоправных деяний, дестабилизирующих оперативную обстановку в исправительных учреждениях, позволяет обосновать необходимость совершенствования правового регулирования деятельности правоохранительных органов по предупреждению и пресечению данных противоправных деяний, в том числе и в местах лишения свободы. Представляется необходимым внести в ч. 1 ст. 85 УИК РФ «Режим особых условий в исправительных учреждениях» изменения, добавив после слов «при массовых беспорядках» слова «захвате заложников».

Можно констатировать, что в настоящее время сложилась система организационно-правовых основ деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы при чрезвычайных ситуациях. Она представляет собой совокупность законодательных и подзаконных актов, определяющих компетенцию, задачи и функции, обязанности и права субъектов, осуществляющих деятельность в сфере защиты персонала исправительных учреждений и осужденных от чрезвычайных ситуаций. Кроме того, УК РФ предусматривает систему уголовных наказаний за действия (или бездействие) администрации, осужденных и иных лиц, способствующие возникновению чрезвычайных ситуаций в исправительных учреждениях.

Надо признать, что существующая нормативная база, регламентирующая действия исправительных учреждений при чрезвычайных ситуациях, в отличие от действий в условиях чрезвычайных обстоятельств криминального характера требует обновления и конкретизации посредством создания единого нормативного акта федерального уровня, определяющего действия в особых условиях.

Ученые предлагают разные варианты усовершенствованной диспозиции ст. 85 УИК РФ.

1. В случае возникновения в исправительном учреждении массовых беспорядков, групповых неповиновений осужденных,

которые могут привести к человеческим жертвам, нанести ущерб здоровью людей, имуществу или окружающей среде, повлечь значительные материальные потери и нарушение жизнедеятельности исправительного учреждения, начальник исправительного учреждения вправе ввести режим особых условий [1, с. 150].

2. В случаях чрезвычайных ситуаций природного характера, введения в районе расположения исправительного учреждения чрезвычайного или военного положения, при массовых беспорядках, групповых неповиновениях осужденных, захвате заложников, при наличии реальной угрозы вооруженного нападения на места лишения свободы, побеге осужденного из мест лишения свободы, эпидемии, крупной аварии системы жизнеобеспечения, а также при обширном очаге возгорания в исправительном учреждении может быть введен режим особых условий [2, с. 164].

По нашему мнению, вторая формулировка, предложенная В. А. Антоновым, более точна, но также нуждается в дополнении такого рода: «В случаях чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, введения в районе расположения исправительного учреждения чрезвычайного или военного положения, режима контртеррористической операции, при массовых беспорядках, а также при групповых неповиновениях осужденных, групповых побегах, захвате заложников в исправительном учреждении может быть введен режим особых условий».

Таким образом, современные регулирование и практика реализации режима особых условий в исправительных учреждениях России показывают, что он вводится более чем в половине случаев при массовых беспорядках и групповых неповиновениях осужденных. Помимо данных оснований введения очевидна необходимость законодательного закрепления в соответствующем перечне групповых побегов, а также захватов заложников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Абышев, В. А.** Правоохранительная деятельность учреждений уголовно-исполнительной системы в условиях чрезвычайных ситуаций криминального характера : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / В. А. Абышев. – Москва, 2010. – 176 с.
2. **Антонов, В. А.** Правовое регулирование деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы по обеспечению безопасности и правопорядка на режимных объектах в условиях чрезвычайных ситуаций : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / В. А. Антонов. – Санкт-Петербург, 2009. – 202 с.
3. **Антонов, И. А.** Деятельность ФСИН России в условиях чрезвычайных обстоятельств: понятие, задачи, подготовка кадров / И. А. Антонов, В. А. Антонов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2007. – № 4. – С. 107–112.
4. **Фефелов, В. В.** Режим особых условий как элемент обеспечения безопасности в исправительном учреждении / В. В. Фефелов. – Уфа, 2005. – 139 с. – ISBN 5-87865-358-3.

5. Хохрин, С. А. Массовые беспорядки, совершаемые осужденными в исправительных учреждениях: уголовно-правовой и криминологический аспекты : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / С. А. Хохрин. – Рязань, 2011. – 204 с.

REFERENCES

1. Abyshev V. A. *Pravoohranitel'naya deyatel'nost' uchrezhdenij ugovovno-ispolnitel'noj sistemy v usloviyah chrezvychajnyh situacij kriminal'nogo haraktera*. Diss. kand. jurid. nauk [Law enforcement activities of institutions of the penal system in emergency situations of a criminal nature. Diss. PhD. in Law]. Moscow, 2010. 176 p. (In Russ.).
2. Antonov V. A. *Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti uchrezhdenij ugovovno-ispolnitel'noj sistemy po obespecheniyu bezopasnosti i pravoporyadka na rezhimnyh ob'ektah v usloviyah chrezvychajnyh situacij*. Diss. kand. jurid. nauk [Legal regulation of the activities of institutions of the penal system to ensure security and the rule of law at correctional facilities in emergency situations. Diss. PhD. in Law]. St. Petersburg, 2009. 202 p. (In Russ.).
3. Antonov I. A., Antonov V. A. *Deyatel'nost' FSIN Rossii v usloviyah chrezvychajnyh obstoyatel'stv: ponyatie, zadachi, podgotovka kadrov* [Activities of the Federal Penal Service of Russia in emergency situations: concept, objectives, training]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2007, no. 4, pp. 107–112. (In Russ.).
4. Fefelov V. V. *Rezhim osobyykh uslovij kak element obespecheniya bezopasnosti v ispravitel'nom uchrezhdenii* [Special conditions regime as a security element in a correctional facility]. Ufa, 2005. 139 p. (In Russ.).
5. Hohrin S. A. *Massovye besporyadki, sovershaemye osuzhdennymi v ispravitel'nykh uchrezhdeniyah: ugovovno-pravovoy i kriminologicheskij aspekty*. Diss. kand. jurid. nauk [Mass riots committed by convicts in correctional institutions: criminal law and criminological aspects. Diss. PhD. in Law]. Ryazan, 2010. 176 p. (In Russ.).

УДК 32.019.57

О некоторых проблемах борьбы с религиозным экстремизмом в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации

В. В. ХРУЛЕВА – доцент кафедры теории и истории государства и права Воронежского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент;

И. С. МАСЛОВ – преподаватель кафедры теории и истории государства и права Воронежского института МВД России

Реферат

В статье рассматриваются вопросы распространения религиозного экстремизма и противодействия ему в системе исполнения наказаний Российской Федерации. Приводится соотношение различных точек зрения ученых по данной теме. Анализируются особенности нормативно-правового регулирования конституционного права на свободу вероисповедания и деятельности государства по профилактике распространения религиозного экстремизма в пенитенциарной системе России. Освещаются проблемы вербовочного процесса новых членов экстремистских и террористических организаций и распространения деструктивных религиозных учений. Проводится анализ причин и последствий проникновения данных организаций в пенитенциарные учреждения. Обращается внимание на специфику развития религиозного экстремизма с учетом влияния норм криминального поведения на заключенных, приводятся примеры негативного влияния деструктивных религиозных организаций на лиц, отбывающих наказание, и последующего совершения ими противоправных действий. Раскрываются особенности взаимодействия сотрудников пенитенциарной системы с лицами, осужденными за совершение преступлений экстремистского и террористического характера.

К л ю ч е в ы е с л о в а : пенитенциарная система Российской Федерации; тоталитарная секта; деструктивная религиозная организация; религиозный экстремизм; национальная безопасность Российской Федерации.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

On some problems of fight against religious extremism in the penal system of the Russian Federation

V. V. KHRULEVA – Associate Professor of Theory and History of State and Law of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD. in Law, Associate Professor;

I. S. MASLOV – Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract

The article is devoted to the spread of religious extremism and its counteraction in the penal system of the Russian Federation. The ratio of different points of view of theorists on the topic of religious extremism is given. The article deals with the peculiarities of the legal regulation of the constitutional right to freedom of religion and the activities of the state to prevent and combat the spread of religious extremism in the penal system of Russia. The article highlights the problem of recruitment of new members of extremist and terrorist organizations and the spread of destructive religious teachings. The analysis of the causes and consequences of the penetration of destructive religious organizations into the penal institutions of the Russian Federation is carried out. Attention is drawn to the specifics of the development of religious extremism characteristic of the penal system of Russia, taking into account the impact of norms of criminal behavior on prisoners. The duality of influence of religion as positive character is reflected, so examples of negative influence of the destructive religious organizations on persons serving punishment and the subsequent commission of illegal actions by them are given. The article deals with the issues that reveal the features of the activities of prison staff with persons convicted of crimes of extremist and terrorist nature. The possible ways of their solution, which the staff of the penal system have to face in their daily activities are given.

Key words: penal system of the Russian Federation; totalitarian sect; destructive religious organization; religious extremism; national security of the Russian Federation.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Распространение религиозного экстремизма является одним из проблемных вопросов в современном мире.

В начале XX в. экстремистами французский политолог М. Лерой назвал представителей политических партий или групп, объединившихся на основе веры и фанатично преданных своим идеям, ради воплощения которых готовы пожертвовать всем и всеми, в том числе и жизнью [2, с. 1].

Согласно толковому словарю С. И. Ожегова экстремизм – это приверженность в политике к крайним взглядам и мерам [8]. Экстремизм порождают различные факторы: слом сложившихся социальных структур, обнищание массовых групп населения, экономический и социальный кризис, ослабление государственной власти и дискредитация ее институтов, рост антисоциальных проявлений и др.

Для России религиозный экстремизм – это угроза обществу и государству в целом, поскольку он стремится к радикальному изменению общепринятых канонов.

В настоящее время в российском законодательстве отсутствует четкое толкование понятия «религиозный экстремизм».

М. П. Новиков считает, что это идеология и деятельность крайне фанатичных элементов в религиозной организации. А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов дают более развернутое толкование: «религиозный экстремизм – это стремление к крайним взглядам, стремление наиболее фанатичных групп верующих, руководителей и активистов религиозных организаций, а также околоцерковных кругов любыми методами, в том числе противозаконными, затормозить кризисные процессы, протекающие в том или ином культе, добиться определенных целей» [1, с. 493]. Одни ученые рассматривают религиозный экстремизм как результат действий разнообразных антироссийских сил – от зарубежных спецслужб до радикальных религиозных и квазирелигиозных новообразований, другие изучают его сквозь призму внутренних причин самого государства, например таких, как социально-экономический кризис государства, низкий уровень духовного развития населения, культура воспитания граждан и др.

Можно согласиться с точкой зрения С. С. Оганесяна, который обращает внимание на то, что на разных исторических эта-

пах проявление экстремизма в той или иной степени характерно для всех религиозных учений, поэтому проблема религиозного экстремизма будет всегда актуальна [6, с. 6].

На возникновение религиозного экстремизма влияют в первую очередь те социально-профессиональные и демографические группы, которые в современных условиях по различным причинам не способны к полноценной реализации. Не только социальная и личностная неудовлетворенность, но и низкий культурный уровень, отсутствие прочных мировоззренческих основ, духовно-нравственные изъяны, эгоистические устремления и амбиции становятся источниками формирования религиозного экстремизма. Кроме маргиналов в качестве групп риска можно рассматривать молодежь, творческую интеллигенцию, работников коммерческо-банковской сферы и сферы обслуживания [3].

В соответствии со ст. 14 Конституции Российской Федерации наше государство является светским и ни одна из религий не может быть установлена в качестве обязательной или государственной, запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни (ч. 5 ст. 13), запрещаются также любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ч. 2 ст. 19), пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, а также пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства (ч. 2 ст. 29). Следовательно, гражданам должен быть предоставлен равный доступ к различным религиозным организациям, которые осуществляют законную деятельность на территории Российской Федерации. Однако в целях обеспечения своей национальной безопасности государство не может совсем оставить без внимания их деятельность, что получило официальное регулирование на конституционном уровне. Соблюдение данного баланса – трудная задача для любого многонационального государства. Этим обстоятельством и пользуются деструктивные религиозные организации.

Свобода действий, предоставленная таким организациям, открывает перед их руководителями возможность действовать с целью получения исключительно политических, экономических и криминальных выгод, а не достижения каких-либо религиозных целей и нравственного развития верующих.

В целях упорядочения общественных отношений в этой области действует Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», в соответствии с которым созданы условия, препятствующие проникновению деструктивных религиозных организаций в учреждения исполнения наказаний.

Вместе с тем проблема распространения религиозного экстремизма продолжает нарастать.

Е. Э. Ганаева отмечает, что немаловажное значение имеет механизм вовлечения в религиозную экстремистскую деятельность. Именно здесь имеет место целенаправленное пропагандистское воздействие как на отдельных людей, так и целые социальные группы при попустительстве общественных и государственных институтов. При этом различные факторы материального, социально-политического, культурно-идеологического и личностно-психологического характера делают такое воздействие максимально эффективным. Всегда нужно учитывать такую особенность, как изначальная предрасположенность некоторых лиц к восприятию экстремистской пропаганды вследствие характера воспитания, личностных особенностей, психоэмоционального состояния субъекта [3].

В пенитенциарной системе данная проблема является одной из самых актуальных.

Часть 1 ст. 14 УИК РФ закрепляет, что осужденному гарантируется свобода совести и вероисповедания, а также право исповедовать любую религию. Ему разрешается распространять свои религиозные убеждения и действовать в соответствии с ними. В ст. 118 УИК РФ предусмотрена дозволенная норма о том, что по просьбе осужденного, находящегося в помещении штрафного изолятора, возможно приглашение священнослужителя, который должен относиться к религиозным объединениям, зарегистрированным в установленном порядке.

В соответствии с положениями Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной указом Президента Российской Федерации от 31.12.2005 № 683, к основным источникам угроз национальной безопасности государства от-

носятся националистические, религиозные, этнические организации, осуществляющие экстремистскую деятельность, которая направлена на изменение конституционного строя, дестабилизацию внутривнутриполитической ситуации в России, а также нарушение территориальной целостности и единства страны.

Чем же опасна вербовочная деятельность деструктивных религиозных организаций для пенитенциарной системы России? Особенно остро стоит вопрос по тоталитарным сектам иностранного происхождения и деструктивным религиозным организациям, искажающим духовные ценности традиционного ислама. Опасность деятельности данных организаций заключается в том, что происходит вербовка людей с криминальным прошлым, которые в дальнейшем в большинстве своем должны возвратиться в социум. После вовлечения осужденного в ряды деструктивной религиозной организации он не имеет, по сути, реальной возможности добровольно покинуть религиозную организацию и прекратить членство в ней, что уже несет возможные негативные последствия для его близких и родных.

Говоря об участии традиционных религиозных организаций в жизнедеятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, следует отметить положительное влияние религии на формирование правомерного поведения и правосознания у осужденных. Однако известны факты, когда члены деструктивных религиозных организаций, камуфлируясь под традиционные для российского общества конфессии, использовали свое положение для передачи запрещенных предметов. Нередки случаи активного участия псевдослужителей культа в вербовочном процессе.

На проблему вербовки заключенных в экстремистские и террористические организации деструктивного характера пристальное внимание российские ученые обратили только в 2012 г. Возможно, это связано с планомерной работой правоохранительных органов и органов государственной безопасности по привлечению виновных лиц к юридической ответственности за осуществление экстремистской и террористической деятельности. Однако, по мнению В. В. Иванова и Р. Р. Сулейманова, массовое вовлечение осужденных в экстремистские организации приходится на 2010 г. В литературе отмечается, что «по результатам изучения личных данных новообращенных сторонников радикального ис-

лама, объявленных правоохранительными органами в розыск за совершение экстремистских преступлений, около 8 процентов из 100 обработанных биографий показали, что люди приняли на веру деструктивные религиозные убеждения, находясь в местах лишения свободы» [7, с. 114]. Чаще всего в организации деятельности экстремистских организаций в учреждениях пенитенциарной системы активное участие принимают лица, прошедшие обучение канонам ислама за рубежом.

По мнению сотрудников пенитенциарной системы России, в настоящее время наряду с так называемыми черными, красными зонами распространены и «зеленые» зоны, в которых лидеры радикально настроенных общин (джамаатов) занимаются активным вербовочным процессом [6, с. 4].

Ярким свидетельством такой деятельности может служить пример задержания мужчины, планировавшего совершить террористический акт на территории г. Вологды, приведя в действие взрывное устройство. По данным следствия, мужчина стал последователем радикального течения ислама после знакомства в местах лишения свободы с вербовщиками, которые были осуждены за совершение преступлений террористического характера и отбывали уголовное наказание в исправительном учреждении Архангельской области. Кроме того, 9 июля 2013 г. Главное управление МВД России по Приволжскому федеральному округу возбудило уголовное дело по ч. 2 ст. 282.2 УК РФ в отношении М. Б. Муфтия, возглавлявшего центральное духовное управление мусульман Ульяновской области в составе Совета муфтиев России. Муфтия обвинили в том, что он принимал активное участие в деятельности тюремной ячейки террористической организации «Имарат Кавказ», созданной на территории исправительной колонии № 2 г. Новоульяновска. Развития это дело не получило за истечением срока давности, однако его расследование выявило интересные детали: тюремный джамаат был создан при активном участии духовного лидера банды «Ульяновский джамаат» В. И. Чуваша. Эта организованная преступная группировка промышляла разбоями и убийствами, параллельно ведя пропаганду ваххабизма. С 2001 г. более 20 имамов Совета муфтиев России были привлечены к уголовной ответственности за экстремизм и терроризм, причем только в 2015 г. один из них был осужден за пособничество ИГИЛ (Мордовия), другой арестован как вербов-

щик ИГИЛ и владелец внушительного арсенала (Белгород), а третий уехал в Сирию воевать на стороне террористов (Воронеж). Как показывает практика, даже официальный статус духовного лидера не дает никаких гарантий, но облегчает доступ к местам лишения свободы вербовщикам [4, с. 112].

Уголовно-исполнительная система должна иметь в своем арсенале эффективный инструментарий противодействия представителям деструктивных религиозных течений. Даже при провозглашении принципа свободы вероисповедания следует избирательно подходить к допусшению различного рода религиозных организаций к работе по исправлению осужденных, так как деятельность многих из них может привести к диаметрально противоположным последствиям и представлять значительную опасность для общества.

Некоторые адепты сект, оказавшись в учреждениях уголовно-исполнительной системы, продолжают совершать ритуальные действия, предусмотренные соответствующими псевдорелигиозными нормами. В этой связи при решении вопроса о допусшении к работе с осужденными религиозных организаций одинаковый подход ко всем религиозным конфессиям представляется недопустимым [5].

В целях осуществления профилактики и противодействия политико-религиозному экстремизму в пенитенциарной системе России целесообразно:

– осуществлять дополнительный контроль за осужденными, поступившими в места лишения свободы, которые целенаправленно совершают незначительные общеуголовные преступления для организации в пенитенциарной системе агитационной и вербовочной деятельности, и проводить с этой категорией заключенных индивидуально-воспитательную работу;

– осуществлять меры по обучению сотрудников пенитенциарной системы в области религиозных знаний (особенно начальников отрядов, воспитателей, психологов и других должностных лиц, которые непосредственно работают с лицами, осужденными за религиозный терроризм и экстремизм);

– проводить совместную работу с органами государственной безопасности и правоохранительными органами по контролю за деятельностью иностранных миссионеров на территории Российской Федерации и непосредственно в учреждениях ФСИН России;

– организовывать планомерную индивидуальную работу с каждым осужденным за совершение преступлений экстремистской направленности по его возвращению к традиционной форме исповедования религии, тем самым формировать у него мировоззрение веротерпимости и послушания, в том числе законам Российской Федерации;

– анализировать социально-экономические предпосылки возникновения политико-религиозного экстремизма на территории как Российской Федерации в целом, так и каждого субъекта в частности;

– более активно работать во взаимодействии с традиционными религиозными организациями России.

Таким образом, перед пенитенциарной системой стоят задачи по выработке научно-методологической основы, подкрепленной законодательной базой, в совокупности способной изменить сложившуюся ситуацию коренным образом. Именно благодаря слаженной и конструктивной работе государства, общества и традиционных религиозных организаций в Российской Федерации получится сформировать нравственно-духовное мировоззрение, способное сдерживать любые попытки дестабилизировать мир и порядок в стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Анцупов, А. Я.** Словарь конфликтолога / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. – 2 изд. – Санкт-Петербург : Питер, 2006. – 528 с. – ISBN 978-5-699-38468-6.
2. Борьба с религиозным экстремизмом и терроризмом в современном обществе и России. URL: <https://proreligiou.club/obshchestvo/istoriya/borba-s-religioznym-ekstremizmom.html> (дата обращения: 02.04.2019).
3. **Ганаева, Е. Э.** Религиозный экстремизм в России: проблемы теоретической интерпретации / Е. Э. Ганаева // Молодой ученый. – 2016. – № 1. – С. 795–797. URL: <https://moluch.ru/archive/105/24905/> (дата обращения: 11.04.2019).
4. **Матвеев, Д. О.** Роль традиционных конфессий в профилактике религиозного экстремизма в учреждениях уголовно-исполнительной системы / Д. О. Матвеев // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 3. – С. 111–114.
5. **Морозов, А. С.** Псевдорелигиозная организация как субъект уголовно-исполнительных правоотношений / А. С. Морозов // Вестник Кузбасского института ФСИН России. – 2015. – № 3 (24). – С. 75–81.
6. **Оганесян, С. С.** Проблемы противодействия религиозному экстремизму и пути формирования веротерпимости в местах лишения свободы : монография / С. С. Оганесян, А. Ш. Габараев, О. Г. Годованец, П. Н. Казберов ; под научной редакцией С. С. Оганесяна. – Москва : НИИИТ ФСИН России, 2017. – 168 с. – ISBN 978-5-9632-0115-2.
7. **Силантьев, Р. А.** К проблеме вербовочной деятельности террористических и экстремистских организаций в местах лишения свободы / Р. А. Силантьев, В. В. Носков, А. В. Савин // Человек: преступление и наказание. – 2017. – Т. 25. – № 1. – С. 113–117.
8. Экстремизм. URL : <http://www.endic.ru/ozhegov/JEkstremizm-40160.html> (дата обращения: 02.04.2019).

REFERENCES

1. Ancupov A. YA., SHipilov A. I. *Slovar' konfliktologa* [Conflictologists Dictionary]. St. Petersburg, 2006. 528 p. (In Russ.).
2. Bor'ba s religioznym ekstremizmom i terrorizmom v sovremennoy obshchestve i Rossii [The fight against religious extremism and terrorism in modern society and Russia]. Available at: <https://proreligiu.club/obshestvo/istoriya/borba-s-religioznym-ekstremizmom.html> (accessed 02.04.2019). (In Russ.).
3. Ganaeva E. E. Religioznyy ekstremizm v Rossii: problemy teoreticheskoy interpretatsii [Religious extremism in Russia: problems of theoretical interpretation]. *Molodoy uchenyj – Young scientist*, 2016, no. 1, pp. 795–797. Available at: <https://moluch.ru/archive/105/24905/> (accessed 11.04.2019). (In Russ.).
4. Matveev D. O. Rol' traditsionnykh konfessiy v profilaktike religioznogo ekstremizma v uchrezhdeniyah ugolovno-ispolnitel'noy sistemy [The role of traditional faiths in the prevention of religious extremism in penal institutions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, no. 3, pp. 111–114. (In Russ.).
5. Morozov A. S. Psevdo-religioznaya organizatsiya kak sub'ekt ugolovno-ispolnitel'nykh pravootnoshenij [Pseudo-religious organization as a subject of penal relations]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta FSIN Rossii – Bulletin of the Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia*, 2015, no. 3 (24), pp. 75–81. (In Russ.).
6. Oganessian S. S., Gabaraev A. SH., Godovanec O. G., Kazberov P. N. *Problemy protivodejstviya religioznomu ekstremizmu i puti formirovaniya veroterpimosti v mestah lisheniya svobody* [Problems of counteracting religious extremism and ways of forming tolerance in places of deprivation of liberty]. Moscow, 2017. 168 p. (In Russ.).
7. Silant'ev R. A., Noskov V. V., Savin A. V. K probleme verbovochnoy deyatelnosti terroristicheskikh i ekstremistskikh organizatsiy v mestah lisheniya svobody [On the problem of recruitment of terrorist and extremist organizations in prisons]. *CHelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment*, 2017, vol. 25, no. 1, pp. 113–117. (In Russ.).
8. Ekstremizm [Extremism]. Available at: <http://www.endic.ru/ozhegov/JEkstremizm-40160.html> (accessed 02.04.2019). (In Russ.).

УДК 343.3

К вопросу об освобождении от уголовной ответственности по примечанию к статье 205 Уголовного кодекса Российской Федерации

А. И. БЫКОВ – научный сотрудник НИЦ-1 Научно-исследовательского института ФСИН России

Реферат

В статье рассматривается проблема освобождения от уголовной ответственности по специальной норме ст. 205 УК РФ. Во введении обращается внимание на особую опасность данного вида преступления, так как оно может нанести вред различным объектам уголовно-правовой охраны, а также имеет не локальный, а международный характер. Автор приводит статистические данные о количестве преступлений террористической направленности. В целях предупреждения рассматриваемого вида преступления законодателем была разработана специальная норма, в которой заключается определенное условие, в случае выполнения которого лицо может быть освобождено от уголовной ответственности. Однако при реализации данной нормы возникают некоторые проблемы. Во-первых, встает вопрос о понимании условия, содержащегося в рассматриваемой норме, и его относимости к специальной норме освобождения от уголовной ответственности или добровольному отказу от преступления. В результате анализа автор предлагает свой вариант решения данной проблемы.

Во-вторых, в статье рассматривается вопрос о возможном условии, которое может возникнуть и быть заявлено при предупреждении террористического акта одним из участников, кем было подготовлено общественно опасное деяние в целях предотвращения преступления. Исследователь приводит примеры, иллюстрируя разные ситуации применительно к рассматриваемой проблеме, и дает классификацию требований, способствующих предупреждению террористического акта.

К л ю ч е в ы е с л о в а: примечание; специальная норма; террористический акт; освобождение от уголовной ответственности; добровольный отказ; классификация.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

On the issue of exemption from criminal liability under the note to Art. 205 of the Criminal Code of the Russian Federation

A. I. BYKOV – Researcher of the Research Center-1 of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia

Abstract

The article discusses the issue of exemption from criminal liability under the special note of Art. 205 of the Criminal Code. The introduction draws attention to the particular danger of this type of crime as it can harm various objects of criminal law protection and also has not a local, but an international character. The author provides statistics on the number of terrorist crimes. In order to prevent the type of crime under consideration the legislator has developed a special rule that stipulates a certain condition, in case of fulfillment of which a person can be exempted from criminal liability. However when implementing this rule, some problems arise. Firstly, the question arises of understanding the conditions contained in the norm under consideration and its relevance to the special norm of exemption from criminal liability or to the voluntary refusal of a crime. As a result of the analysis the author proposes his own solution to this issue.

Secondly, the article considers the question of a possible condition that may arise and be declared when a terrorist act was prevented by one of the participants who prepared a socially dangerous act in order to prevent a crime. The researcher gives examples, illustrating different situations in relation to the problem under consideration and gives a classification of requirements that contribute to the prevention of a terrorist act.

Key words: note; special rule; terrorist act; exemption from criminal liability; voluntary refusal; classification.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Терроризм проявляется в различных формах общественно опасных деяний, характеризующихся особой жестокостью и безнравственностью. Проблема террора охватывает не только страну, но и мир в целом, что усложняет поиск методов противодействия данному явлению.

Начиная с конца XX в. угроза терроризма неуклонно возрастает, террористические акты становятся более масштабными и жестокими. Со временем тактика и способы исполнения актов террористической направленности становятся системными, автоматизированными и более продуманными, что дает возможность виновным избежать уголовной ответственности.

По данным ГИАЦ МВД России, в 2015 г. было совершено 1538 преступлений, связанных с террористическими актами, в 2016 г. – 2227, в 2017 г. – 1871, в 2018 г. – 1679, в январе–марте 2019 г. – 482. Следует отметить, что общее число преступлений террористического характера имеет тенденцию к уменьшению. Вместе с тем необходимо помнить, что статистические данные не отражают реальную ситуацию полностью. Кроме того, данные по предупреждению и недопущению терроризма, а также преступления, выявленные и сопряженные с террористической деятельностью, могут не регистрироваться либо иметь другую квалификацию.

Таким образом, терроризм остается серьезной проблемой как для правоохранительных органов, так и для государства в целом.

Акты проявления террористической деятельности имеют повышенную опасность и направлены к различным объектам уголовно-правовой охраны: общественной безопасности, общественному порядку, жизни и здоровью людей и пр. Угроза совершения общественно опасного деяния закреплена в объективной стороне преступления, содержащегося в ст. 205 УК РФ «Террористический акт».

Цель совершения общественно опасного деяния указывает на объект преступления. Цель совершения террористического акта означает, что основным непосредственным объектом его посягательства является безопасность государства [11, с. 110]. Данный факт по своему смыслу имеет место быть, так как именно через действия, содержащиеся в рассматриваемом составе, происходит акт терроризма, целью которого является нарушение безопасности государства и общественного порядка. Дополнительным объектом в данном случае являются жизнь и здоровье людей, отношения собственности, отлаженное функционирование предприятий, учреждений и органов власти.

Исходя из специфики отдельных составов преступлений, предусмотренных Осо-

бенной частью УК РФ, помимо карательных действий в отношении некоторых лиц, совершивших общественно опасное деяние, законодателем были установлены примечания к ряду статей. Данные нормы входят в механизм уголовно-правовой защиты и направлены на его оптимизацию, одновременно способствуя более полной реализации принципа экономии репрессии [1, с. 11]. Таким образом, рассматриваемая статья содержит примечание, которое заключает в себе специальное условие освобождения от уголовной ответственности, если лицо своевременно предупредило органы власти или иным способом способствовало предотвращению осуществления террористического акта и если в действиях этого лица не содержится иного состава преступления.

Исходя из содержания ч. 1 ст. 205 УК РФ, террористический акт представляет собой совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угрозу совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями. Данное понятие содержит два основных деяния, которые относятся к террористическому акту: 1) взрыв, поджог и иные действия, устрашающие население и создающие опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий и 2) угроза указанных действий. Каждое из этих проявлений террористического акта имеет свой смысл и обуславливает специфику применения специальной нормы, содержащейся в ст. 205 УК РФ.

По мнению В. С. Егорова, рассматриваемое примечание не относится к специальному случаю освобождения от уголовной ответственности, а является добровольным отказом от преступления [4, с. 105]. Аналогичной позиции придерживаются Л. Д. Гаухман, отмечающий, что в качестве условия освобождения в названном примечании предусмотрен добровольный отказ от данного преступления [3, с. 6], а также С. Н. Шатилов [12, с. 113] и В. В. Сверчков [9, с. 63].

Альтернативную позицию занимают А. В. Савкин [8, с. 105], Р. В. Соловьев [10, с. 29], Е. Д. Ермакова [5, с. 12]. По их мнению,

примечание, содержащееся в рассматриваемой статье, относится к институту деятельного раскаяния.

Л. В. Иногамова-Хегай считает, что норма – примечание к ст. 205 УК РФ имеет двойственную природу: с одной стороны, является специальным видом освобождения от уголовной ответственности, с другой – добровольным отказом от преступления [6, с. 44]. Подобную позицию поддерживает А. Г. Антонов [2, с. 69].

Из приведенных выше мнений следует сделать вывод, что понимание применения примечания к анализируемой статье УК РФ неоднозначно, дискуссионно. В целях выработки единой позиции по данному вопросу рассмотрим проблему подробнее.

Как было указано выше, ч. 1 ст. 205 УК РФ характеризуется, во-первых, конкретными действиями (взрыв, поджог и т. д.) человека, направленными на совершение акта терроризма. Примечание в данном случае выступает как норма, предотвращающая определенные действия. При этом необходимо различать момент окончания преступления, то есть если преступник выполнил действия по недопущению террористического акта на стадии приготовления и сообщил об этом органам власти, то данная ситуация будет квалифицирована по ст. 31 УК РФ (добровольный отказ от преступления), так как виновный отказался от исполнения своих действий, направленных на совершение общественно опасного деяния, тем самым освободив себя от уголовной ответственности и предотвратив опасность готовящегося преступления. В. В. Мальцев считает, что после совершения действий, создающих опасность наступления закрепленных в данной статье последствий, добровольно отказаться от уже выполненного террористического акта нельзя. Исходя из этого следует вывод, что добровольно отказаться от уже выполненного преступления невозможно, тогда как предотвратить наступление последствий еще возможно [7, с. 475]. Нельзя не согласиться с данной позицией, так как если лицо, осуществляющее подготовку, до наступления последствий террористического акта имеет возможность предотвратить его и предупредить органы власти и выполняет данные требования, то данное действие не будет относиться к добровольному отказу от преступления, а будет квалифицироваться как выполнение специального условия, которое содержится в примечании к ст. 205 УК РФ. Смоделируем ситуацию, при которой рассмотренное яв-

ление будет трактоваться весьма неоднозначно. Так, закладка бомбы с детонатором или часовым механизмом, находящейся в задуманном для теракта месте, будет относиться к оконченной стадии приготовления, и добровольный отказ в таком случае невозможен. Вместе с тем если лицо, выполняющее действия по подготовке общественно опасного деяния, сообщило в органы власти о том, что в определенном месте и в конкретное время будет совершен инцидент, и способствовало предотвращению данного деяния, то оно будет освобождено от уголовной ответственности, если в действиях этого лица не содержится иного состава преступления.

Таким образом, в случае осуществления конкретных действий, описанных в ст. 205 УК РФ, может применяться как норма добровольного отказа от преступления, так и примечание к ст. 205 УК РФ. По своему смыслу обе нормы направлены на освобождение лица от уголовной ответственности вследствие выполнения определенных действий, которые имеют схожую природу.

Во-вторых, в ч. 1 ст. 205 УК РФ речь идет об угрозе совершения конкретных действий, закрепленных в данной статье. Как и в первом случае, реализация примечания к ст. 205 УК РФ направлена на предотвращение объявления угрозы лицу, группе лиц, обществу в целом. Однако здесь также необходимо различать стадию оконченного преступления. Если преступником была высказана угроза, то ни добровольный отказ от преступления, ни примечание действовать не будут. Но если данная угроза была прервана, не закончена, тогда будет применено примечание, содержащееся в рассматриваемой статье.

В обоих деяниях одним из главных критериев является своевременность. Деяния характеризуются выполнением определенных действий как на стадии приготовления в случае отказа от преступления, так и на стадии предотвращения и сообщения органам власти. Своевременность в данном случае является определенным промежуточным временем, в течение которого органы власти имеют возможность предотвратить террористический акт. Однако в случае если данное предупреждение было осуществлено заведомо поздно, то ни о каком освобождении от уголовной ответственности речи быть не может: оно возможно только при своевременном сообщении.

Помимо своевременности не менее важным критерием является и способствование

предотвращению террористического акта, то есть осуществление определенных действий, направленных на содействие органам власти в предотвращении общественно опасного деяния. В случае если акт терроризма был осуществлен, но виновный способствовал процессу предотвращения, то он освобождается от уголовной ответственности.

Исходя из смысла примечания к рассматриваемой статье, законодатель руководствовался позицией не только по предотвращению террористического акта, подготовка к которому по своей сути осуществляется на данный момент, но и предупреждению данного состава преступления еще на начальных стадиях подготовки. Данное мнение является обоснованным, так как сам по себе акт терроризма является деянием, нарушающим общественную безопасность, которая защищена уголовно-правовыми нормами, то есть законодатель готов идти на уступку в отношении виновного ради защиты общественных отношений и интересов.

Хотелось бы обратить внимание на позицию А. Г. Антонова, который предложил усилить примечание к рассматриваемой статье и изложить ее в новой редакции: «если оно своевременным предупреждением органов власти создало реальную возможность предотвращения акта терроризма или иным способом предотвратило его осуществление», тем самым отразив реальную возможность защиты конкретных общественных отношений [2, с. 69]. Данное предложение, по нашему мнению, целесообразно, потому что в настоящее время в тексте примечания к рассматриваемой статье речь идет лишь о возможности защиты общественных отношений, которым может быть нанесен ущерб, но никак не о реальной, фактической защите. С учетом того, что террористический акт является общественно опасным деянием, которое наносит вред как общественной безопасности, общественному порядку, так и жизни и здоровью людей, различным объектам, строениям, зданиям и, как следствие, государству в целом, законодателю необходимо акцентировать внимание на защите, а не на возможности такой защиты.

Помимо этого, необходимо выделить в примечании оценочный критерий участия виновного в предотвращении инцидента, что позволит более детально и ясно оценивать постпреступное поведение виновного, нацеленное на предотвращение последствий террористического акта. Данный критерий будет направлен на активизацию

виновного в плане взаимодействия с органами власти в целях предотвращения акта терроризма. В случае если лицо сообщило информацию о готовящемся или готовом к исполнению террористическом акте неразборчиво, нечетко или с целью замедлить процесс предотвращения рассматриваемого общественно опасного деяния, то это будет являться основанием неприменения специальной нормы освобождения от уголовной ответственности в связи с отсутствием активности в способствовании предотвращению акта терроризма. В связи с вышеизложенным предлагаем новую редакцию примечания к ст. 205 УК РФ: «если оно своевременным предупреждением органов власти создало реальную возможность предотвращения акта терроризма или иным способом активно способствовало предотвращению террористического акта».

Также необходимо уточнить, что законодатель подразумевает под фразой «или иным способом способствовало предотвращению террористического акта». На сегодняшний день в научной литературе отсутствуют мнения по данному вопросу. Однако стоит отметить, что иные действия, которые будут способствовать предотвращению акта терроризма, должны быть перечислены или классифицированы и обоснованы, так как на данный момент в законе отсутствует такой перечень, что дает широкие полномочия правоприменителям при выполнении служебных задач и виновным при выполнении условия, содержащегося в норме-примечании.

Исходя из содержания примечания, законодатель либо готов освободить лицо от уголовной ответственности в случае, когда виновным были совершены абсолютно любые действия для предотвращения террористического акта, либо не продумал до конца данную норму, потому что многие действия могут способствовать предотвращению террористического акта, однако при этом будут наносить вред другим общественным отношениям. К таковым можно отнести ситуацию, в которой лицо предупредит органы власти и предотвратит террористический акт, в случае если в отношении виновного будут совершены какие-либо действия личного или публичного характера органами власти или людьми, к примеру лицо заложило бомбу и сообщает в какие-либо органы власти об этом, в момент разговора заявляет, что обезвредит бомбу, если они выполнят его условие. Данное действие предотвратит террористический акт,

но тогда виновный должен получить то, из-за чего он способствовал предотвращению террористического акта: деньги, имущество и пр. Смоделируем ситуацию, в которой группа лиц заранее договорилась совершить поджог жилого здания в определенное время, все необходимые орудия и средства были заготовлены рядом с местом запланированного преступления. За несколько часов до реализации задуманного один из участников передумал осуществлять общественно опасное деяние и решил сообщить об этом в органы власти, тем самым он готов оказать содействие в предотвращении поджога, показать место, где хранятся средства совершения преступления, и передать информацию о других участниках преступления. Однако он боится за свою безопасность и передаст информацию только в том случае, если ему будет обеспечена защита. В данной ситуации виновный готов способствовать предотвращению террористического акта, но только в случае выполнения его условия о предоставлении защиты. Еще одна ситуация: один из участников группы, кем был подготовлен террористический акт, по личным соображениям сообщил в органы власти информацию об этом и показал, где находятся взрывчатые вещества, тем самым предотвратив его. В данном случае виновный оказал содействие органам власти в предупреждении последствий акта терроризма без каких-либо условий. Исходя из содержания ст. 205 УК РФ, целью террористов является дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций либо воздействие на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями. То есть если лицо, намереваясь поспособствовать предупреждению террористического акта, выдвигает требование личного характера в целях защиты себя и своих родственников, а также в силу особой опасности террористического акта, необходимо применять примечание к рассматриваемой статье. Поэтому считаем целесообразным классифицировать требования при способствовании предупреждению террористического акта, которые могут возникнуть в момент сообщения о готовящемся акте терроризма, следующим образом:

- условия имущественного характера;
- условия неимущественного характера;
- отсутствие условий.

Помимо рассмотренных проблем, стоит отметить одно из условий применения примечания к ст. 205 УК РФ, которое состоит в отсутствии в действиях виновного иного состава преступления. Большая часть террористических актов происходит с применением оружия, взрывчатых веществ, взрывных устройств, сопровождается совершением каких-либо других общественно опасных деяний, имеющих признаки состава преступления. Например, лицо сообщило в уполномоченный орган власти о готовящемся акте терроризма и способствовало его предотвращению, однако у него обнаружили наркотические вещества, что подпадает под действие ст. 228 УК РФ. Исходя из условия, содержащегося в специальной норме ст. 205 УК РФ, лицо не будет освобождено от уголовной ответственности, так как

в его действиях имеется иной состав преступления.

Таким образом, целесообразно устранить данное условие, так как в случае предотвращения террористического акта к лицу не смогут применить специальную норму ст. 205 УК РФ в связи с наличием иного состава преступления.

В заключение отметим, что террористический акт является преступлением, обладающим повышенной степенью общественной опасности, которое необходимо предупреждать на начальной стадии, чему активно способствует специальная норма рассматриваемой статье Особенной части УК РФ. Исходя из этого, считаем, что предлагаемые изменения положительно отразятся на предотвращении виновными рассматриваемого преступления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов, А. Г. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / А. Г. Антонов. – Рязань, 2013. – 44 с.
2. Антонов, А. Г. Террористический акт: вопросы освобождения от уголовной ответственности / А. Г. Антонов // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2010. – № 3 (13). – С. 65–70.
3. Гаухман, Л. Уголовно-правовая борьба с терроризмом / Л. Гаухман // Законность. – 2001. – № 5. – С. 6–7.
4. Егоров, В. С. Освобождение от уголовной ответственности : монография / В. С. Егоров. – Москва : МПСИ, 2002. – 191 с. – ISBN 5-8397-0484-9.
5. Ермакова, Е. Д. Специальные случаи освобождения от уголовной ответственности в уголовном праве России : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Е. Д. Ермакова. – Рязань, 2006. – 26 с.
6. Иногамова-Хегай, Л. В. Конкуренция норм уголовного права : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Л. В. Иногамова-Хегай. – Москва, 1999. – 44 с.
7. Мальцев, В. В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности / В. В. Мальцев. – Санкт-Петербург, 2004. – 694 с. – ISBN 5-94201-323-3.
8. Савкин, А. В. Теоретические и правовые проблемы деятельного раскаяния в преступлении : монография / А. В. Савкин. – Москва, 2002. – 187 с. – ISBN 5-92305-213-2.
9. Сверчков, В. В. Деятельное раскаяние в нормах Общей и Особенной частей УК РФ / В. В. Сверчков // Российская юстиция. – 2001. – № 2. – С. 62–63.
10. Соловьев, Р. Специальные виды освобождения от уголовной ответственности / Р. Соловьев // Законность. – 2001. – № 11. – С. 29–31.
11. Чаплин, Н. Ю. О соотношении понятий «устойчивость», «стабильность», «безопасность» в контексте исследования устойчивости государства / Н. Ю. Чаплин // Вестник Московского юридического института. – 2017. – № 1 (60). – С. 108–116.
12. Шатилович, С. Н. Освобождение от уголовной ответственности при особых формах преступной деятельности (соучастие в преступлении, неоконченное преступление, множественность преступлений) : учебно-практическое пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – Тюмень : Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2014. – 143 с. – ISBN 978-5-93160-219-6.

REFERENCES

1. Antonov A. G. *Special'nye osnovaniya osvobozhdeniya ot ugovolnoy otvetstvennosti. Avtoref. diss. dokt. yurid. nauk* [Special grounds for exemption from criminal liability. Author's abstract of the diss. Dsc. in Law]. Ryazan, 2013. 44 p. (In Russ.).
2. Antonov A. G. *Terroristicheskij akt: voprosy osvobozhdeniya ot ugovolnoy otvetstvennosti* [Act of terrorism: exemption from criminal liability]. *Yuridicheskaya nauka i pravooxranitel'naya praktika – Jurisprudence and law enforcement practice*, 2010, no. 3 (13), pp. 65–70. (In Russ.).
3. Gauhman L. *Ugolovno-pravovaya bor'ba s terrorizmom* [The Criminal law fight against terrorism]. *Zakonnost' – Legality*, 2001, no. 5, pp. 6–7. (In Russ.).
4. Egorov V. S. *Osvobozhdenie ot ugovolnoy otvetstvennosti* [Exemption from criminal liability]. Moscow, 2002. 191 p. (In Russ.).
5. Ermakova, E. D. *Special'nye sluchai osvobozhdeniya ot ugovolnoy otvetstvennosti v ugovolnom prave Rossii. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk* [Special cases of exemption from criminal liability in the criminal law of Russia. Author's abstract of the diss. PhD. in Law]. Ryazan, 2006. 26 p. (In Russ.).
6. Inogamova-Hegaj L. V. *Konkurenciya norm ugovolnogo prava. Avtoref. diss. dokt. yurid. nauk* [Competition in criminal law. Author's abstract of the diss. Dsc. in Law]. Moscow, 1999. 44 p. (In Russ.).
7. Mal'cev V. V. *Principy ugovolnogo prava i ih realizaciya v pravoprimenitel'noj deyatel'nosti* [The principles of criminal law and their implementation in law enforcement]. St. Petersburg, 2004. 694 p. (In Russ.).
8. Savkin A. V. *Teoreticheskie i pravovye problemy deyatel'nogo raskayaniya v prestuplenii* [Theoretical and legal problems of active remorse in crime]. Moscow, 2002. 187 p. (In Russ.).

9. Sverchkov V. V. Deyatel'noe raskayanie v normah Obshchej i Osobennoj chastej UK [Active repentance in the norms of the General and Special parts of the Criminal Code]. *Rossijskaya yusticiya – Russian justice*, 2001, no. 2, pp. 62–63. (In Russ.).
10. Solov'ev R. Special'nye vidy osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti [Special types of exemption from criminal liability]. *Zakonnost' – Legality*, 2001, no. 11, pp. 29–31. (In Russ.).
11. CHaplin N. YU. O sootnoshenii ponyatij «ustojchivost'», «stabil'nost'», «bezopasnost'» v kontekste issledovaniya ustojchivosti gosudarstva [On the correlation of the concepts of “stability”, “stability”, “security” in the context of the study of state stability]. *Vestnik Moskovskogo yuridicheskogo instituta – Bulletin of the Moscow Law Institute*, 2017, no. 1 (60), pp. 108–116. (In Russ.).
12. SHatilovich S. N. Osvobozhdenie ot ugolovnoj otvetstvennosti pri osobyh formah prestupnoj deyatelnosti (souchastie v prestuplenii, neokonchennoe prestuplenie, mnozhestvennost' prestuplenij) [Exemption from criminal liability for special forms of criminal activity (complicity in a crime, unfinished crime, multiplicity of crimes)]. Tyumen, 2014. 143 p. (In Russ.).

УДК 343.2

Административная преюдиция в уголовном законе: от критики к пониманию

В. С. СОЛОВЬЕВ – доцент кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук;

С. С. КИСЕЛЕВ – доцент кафедры уголовного права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук

Реферат

Статья посвящена анализу процесса эволюции административной преюдиции в отечественном уголовном праве и криминологии. Анализируются положения нормативных актов, точки зрения дореволюционных, советских и современных ученых. Авторы связывают наличие преюдиционных норм с теорией опасного состояния личности. Концепция опасного состояния личности и преюдиционные нормы как одно из технико-юридических воплощений этой концепции являются традиционными для российского уголовного права и криминологической науки. Административная преюдиция может рассматриваться как средство предкриминальной индивидуализации мер уголовно-правового воздействия. Преюдиционные нормы являются средством гуманизации уголовного законодательства, поскольку оставляют второй шанс лицу, привлеченному к административной ответственности, и не криминализируют (или декриминализируют) деяние, совершенное впервые. Авторы считают преюдиционные нормы средством достижения цели предупреждения общественно опасных деяний.

Ключевые слова: административная преюдиция; опасное состояние личности; повторность; неоднократность; индивидуализация.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Administrative prejudice in criminal law: from criticism to understanding

V. S. SOLOVYEV – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Department of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD. in Law;

S. S. KISELEV – Associate Professor of the Department of Criminal Law of the North-Caucasian Branch of the Russian State University of Justice, PhD. in Law

Abstract

The article is devoted to the analysis of the evolution of administrative prejudice in domestic criminal law and criminology. The provisions of regulatory acts, the points of view of pre-revolutionary, soviet and modern scientists are analyzed. The authors attribute the presence of pre-normative norms to the theory of a dangerous state of a person. The concept of a dangerous state of a person and pre-regulatory standards as one of the technical and legal embodiments of this concept are traditional for Russian criminal law and criminological science. Administrative prejudice can be considered as a means of pre-criminal individualization of criminal law measures. Pre-regulatory standards are a means of humanizing criminal law, as they leave a second chance to a person held administratively liable and do not criminalize (or decriminalize) an act committed for the first time. The authors consider pre-regulatory standards as a means of achieving the goal of preventing socially dangerous acts.

Key words: administrative prejudice; dangerous state of personality; repetition; repeatability, individualization

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

С момента появления в действующем уголовном кодексе норм, содержащих административную преюдицию, в науке не утихают споры относительно их нужности и полезности. В защиту понимания и принятия административной преюдиции в уголовном законе выступает ряд исторических и криминологических аргументов.

На всем протяжении истории уголовно-правового воздействия в российском государстве существовал приоритет учета личностных особенностей преступника. Еще в XV в. при отсутствии юридических границ между правонарушениями и преступлениями появились признаки дифференциации ответственности в зависимости от количества совершенных лицом деяний. Судебник 1497 г. предусматривал за первую татьбу (кроме церковной и головной татьбы) достаточно легкое наказание – торговую казнь и битье кнутом. Совершение тем же лицом новой татьбы влекло смертную казнь [15, с. 55]. Н. С. Таганцев указывал, что это было оригинальное создание нашего юридического быта – обливование. Именно с этого момента появляется нравственно-юридический термин «лихой человек» [16, с. 227].

В дальнейшем практически все законодательные акты, содержащие уголовно-правовые нормы, предусматривали повышенную ответственность для лица, повторно совершившего преступление.

Основы теории опасности личности приводятся в работах большинства дореволюционных ученых.

По мнению А. Ф. Бернера, с объективной стороны посягательство и в случае его повторного совершения представляет собой лишь простое посягательство. И наоборот, с субъективной стороны повторное поправление законодательства, невзирая на уже пройденное наказание, говорит о значительной вине и опасности [2, с. 871].

По словам С. Будзинского, разные взгляды теории уголовного права и законодательства заставляют присуждать разный объем повотряющемуся преступлению. В некоторых кодексах говорится, что для того, чтобы вменить повторное совершение посягательства, необходим факт отбытия наказания за первое. Остальные указывают на необходимость лишь окончательного приговора. Первая система базируется на гипотезе о неисправимости и опасности виновного, в основе же второй лежит потребность в более мощном предупреждении, в связи с тем что наказание за первое посягательство не помогло предупредить новые [3, с. 278].

Исследователь А. Ф. Кистяковский пришел к заключению о том, что повторно совершенное посягательство свидетельствует о наличии привычки к совершению противоправных деяний, закоренелости и невозможности исправить преступника [9, с. 228].

Правовед В. В. Есипов полагал, что в качестве предмета санкций может выступать лишь только определенная личность, которая проявила особенности своего внутреннего состояния. В связи с тем, что внутреннее состояние преступности бывает разным у разных людей, необходимо присуждать исключительно индивидуальную меру карательных санкций. В частности, следует, чтобы наказание как мера государственного принуждения отвечала всей совокупности личных условий виновного [8, с. 43].

При описании теории частной превенции посягательств Л. С. Белогриц-Котляревский подчеркивает, что каждая отдельно взятая воля, которая решилась на посягательство, указывает на то, что у личности имеется недостаточное аргументов для того, чтобы не посягать на порядок. Подобная воля незаконна, так как противоречит общественному устройству и, значит, представляет угрозу государству, имеющему право

на принудительные санкции в отношении такой воли. Что же касается правовых основ этих санкций, то они состоят в принятии социумом того факта, что преступник несет в себе опасность, что доказывается посягательством, которое он совершил [1, с. 49].

По словам И. Я. Фойницкого, индивидуальные обстоятельства посягательства, изучаемые в комплексе, формируют определенное состояние индивида. Это состояние преступности, представляющее собой предмет санкций со стороны государства [18, с. 42].

Таким образом, к началу XX в. в отечественном уголовном праве сформировалась идея о том, что повторное совершение лицом преступлений повышает его опасность. Для описания этого явления использовались термины «лихой человек», «опасность личности преступника», «неисправимость и превратность преступника», «привычка к преступлению», «закоренелость», «состояние опасности, преступности».

Советская криминологическая наука активно развивала идею общественной опасности личности.

Следует рассмотреть доклад, сделанный Б. С. Никифоровым в ходе научной сессии Всесоюзного института юридических наук. В нем, в частности, говорилось о том, что понимание состава посягательства как достаточного основания для наступления уголовной ответственности, позволяющего применить наказание в конкретной ситуации, придает отечественному уголовному праву несвойственный ему формализм и не дает разглядеть за тем или иным составом судьбу живого человека. В связи с этим законодатель основанием для наступления уголовной ответственности признает виновность в осуществлении посягательства [12, с. 204].

Кроме того, ученый утверждал необходимость наличия объективности в показателях общественной опасности индивида. В качестве такового может выступать повторное осуществление определенных поступков. Соглашаясь с тем, что верно и закономерно в ряде случаев повторность считать условием для наступления уголовной ответственности, мы все же настаиваем на том, что такую повторность нельзя рассматривать как универсальный признак в составе деяния. Он является дополнительным, потому что только в некоторых случаях осуществления несущественных посягательств повторность представляет собой детерминирующий признак для позитивного решения

вопроса по поводу уголовной ответственности [13, с. 19].

В 1963 г. исследователем Б. В. Волженкиным подчеркивалось, что в некоторых статьях обновленного УК РСФСР закрепляются деяния, рассматриваемые как преступления только при условии, что они совершаются повторно после того, как в отношении виновных были приняты административные либо общественные меры. Разумеется, что осуществление такого же, пусть и несущественного, общественно вредного посягательства после того, как в отношении лица были применены соответствующие меры, указывает на то, что последних оказалось недостаточно для полного исправления виновного: он представляет повышенную общественную опасность, в связи с чем в отношении него необходимо применить уголовные меры воздействия [5, с. 93]. На этот факт указывает также П. С. Дагель. В частности, он рассматривает повторность осуществления деяния как показатель общественной опасности субъекта, в связи с чем осуществленное им правонарушение необходимо квалифицировать как преступное посягательство [7, с. 21].

Поддерживая и развивая теорию Б. С. Никифорова, Б. В. Волженкин утверждает, что осуществление преступного посягательства – единственное основание для наступления уголовной ответственности и при этом неоспоримое доказательство общественной опасности виновного. Лишь оно способно подтвердить, что характерные для личности антисоциальные убеждения либо моральная нестабильность указывают на то, что это лицо может осуществить новое посягательство [4, с. 41].

Стоит отметить, что даже Н. С. Лейкина, которая выступала против того, чтобы рассматривать специфику личности виновного в качестве одного из оснований наступления уголовной ответственности, подчеркивала, что в определенных составах присутствуют и иные признаки, описывающие субъект посягательства. Это признаки повторности, многократности, периодичности, а также признаки, указывающие на особую опасность рецидивиста, специальный субъект. Они описывают субъект посягательства как компонент состава посягательства и на этом основании включаются в состав [10, с. 43]. Далее исследователь отмечала, что повторное осуществление посягательства, пусть и несущественного (неважно, однородное оно или разнородное), указывает на то, что преступник оступился намерен-

но, что мотивы к совершению асоциальных деяний, являющихся незначительными преступлениями, стали стойкими, в связи с чем невозможно полагаться на то, что он будет исправлен при помощи одних только мер общественного влияния [10, с. 73].

Говоря об общественной опасности личности, В. Д. Филимонов подчеркивает, что основанием усиления уголовной ответственности повторных преступников является главным образом проявленная ими склонность к совершению преступлений. При неоднократном их повторении у виновного вырабатывается устойчивое положительное отношение к преступной деятельности. Каждое вновь совершаемое преступление обычно требует от него все меньше и меньше нервного напряжения, колебаний между намерениями совершить преступление или отказаться от него. Все это способствует совершению новых преступлений и требует дополнительных мер наказания для исправления и перевоспитания осужденных. Уже вторичное совершение преступления, особенно после осуждения за первое, является показателем наличия у лица определенной склонности к преступной деятельности, степень которой может быть различной.

Отмечая эти основания повышенной ответственности повторных преступников, очень важно подчеркнуть, что они всегда проявляются в совершении действий. Только действия могут служить надежным показателем существования у лица склонности или привычки к совершению преступлений. Таким образом, как склонность к совершению преступлений, так и преступная привычка образуются в результате совершения общественно опасных действий и проявляются только в них [17, с. 265–266].

В книге «Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация», авторами которой выступили лучшие советские криминологи П. С. Дагель, Г. А. Злобин, С. Г. Келина, Г. Л. Кригер, В. Н. Кудрявцев, Т. И. Минаева, А. М. Яковлев, говорится о том, что «круг деяний, подпадающих под действие норм уголовного права, может быть даже сужен за счет перевода некоторых малозначительных преступлений в категорию административных проступков, установления более четких и более узких рамок уголовной ответственности, введения административной преюдиции и т. д.» [14, с. 293]. Наличие административной или дисциплинарной преюдиции в уголовном законе авторы объясняли в том числе влиянием на установление уголовной наказуемости общественно опасных деяний

правовых принципов и системно-правовых факторов [14, с. 53].

Приведенные точки зрения свидетельствуют о том, что советской наукой был накоплен богатый опыт криминологических исследований, касающихся общественной опасности личности, составной частью которых являлись и исследования преюдиционных норм. Именно повышенная опасность личности ставится во главу угла при их конструировании.

Однако с образованием Российской Федерации развитие теории общественной опасности личности внезапно прервалось. Действующий уголовный кодекс в момент его принятия отказался от преюдиционных норм, а к 2003 г. исчезла и повышенная ответственность за преступления, совершенные неоднократно. Возникают закономерные вопросы: почему почти что пятисотлетняя история общественной опасности личности в уголовном праве прерывается именно здесь? не было ли здесь политической составляющей, а если и была, то на что она была направлена? чьи интересы при этом лоббировались?

Тем более странным выглядят практически одновременные отказ от теории общественной опасности личности и появление Указа Президента Российской Федерации от 14.06.1994 № 1226 «О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности», который позволял осуществлять отдельные меры государственного принуждения «при наличии достаточных данных о причастности лица к банде или иной организованной преступной группе, подозреваемой в совершении тяжких преступлений». Важно, что речь идет не о деяниях лица, а о причастности к банде или организованной преступной группе, то есть фактически о личностных характеристиках.

Не менее любопытен и не меньшее количество вопросов вызывает тот факт, что опасность личности в уголовном законе исчезает лишь из правовых институтов, касающихся установления и усиления уголовной ответственности (преюдиционные нормы, неоднократность). В вопросах условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания отсылки к опасности личности сохраняются. Это касается условий применения указанных правовых институтов: отношения человека к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания, отношения осужденного к совершению деянию – не потому ли, что проще

всего доказать факт неоднократного совершения лицом преступления и проще всего (при должной коррупционной составляющей) зафиксировать положительное поведение лица в период отбывания наказания?

Отсюда напрашивается первый вывод: концепция опасного состояния личности и преюдиционные нормы как одно из технико-юридических воплощений этой концепции являются традиционными для российского уголовного права и криминологической науки. При реформировании уголовного законодательства в 90-е гг. XX в. политическая конъюнктура и лоббирование интересов организованной преступности привели к тому, что нормы, устанавливающие и усиливающие ответственность для лиц, обладающих высокой степенью опасности, были искусственно исключены из уголовного кодекса, а сама теория фактически предана забвению.

Вывод второй: административная преюдиция может рассматриваться как средство предкриминальной индивидуализации мер уголовно-правового воздействия. В. Н. Воронин справедливо отмечает, что «ядром» системы индивидуализации наказания являются общие основные критерии – степень общественной опасности преступления и характеристика личности виновного» [6, с. 20]. Повторность совершения деяния, несмотря на понесенное наказание и предупреждение об уголовной ответственности за совершение аналогичного правонарушения вновь, является достаточно яркой характеристикой личности виновного. В действующем уголовном кодексе содержится ряд норм, предусматривающих индивидуализацию мер уголовно-правового характера для лиц, обнаруживших свои личностные характеристики именно посредством количества совершенных деяний. Статьи 154 и 108 УК РФ устанавливают ответственность за деяния, совершенные неоднократно, ст. 110, 117, 232, 241 УК РФ – за деяния, совершаемые систематически, 23 статьи предусматривают различные бонусы для лиц, совершивших преступление впервые, причем 14 из них – это примечания к статьям Особенной части УК РФ, устанавливающие основания освобождения от уголовной ответственности для лиц, совершивших преступление впервые. Их можно отнести к средствам индивидуализации если не наказания, то мер уголовно-правового характера, применяемых к лицам, совершившим преступление впервые. Факт первичного совершения преступления при этом является характеристикой личности виновного. Тогда в чем принципиальная разница меж-

ду преюдиционной нормой, нормой, устанавливающей ответственность за деяние, совершенное неоднократно или систематически без предварительного привлечения к административной ответственности, и нормой, предусматривающей поощрение для лиц, совершивших преступление впервые?

Более того, у упомянутых примечаний к статьям Особенной части УК РФ есть два минуса по сравнению с нормами преюдиционными. Во-первых, они индивидуализируют меры уголовно-правового характера на этапе посткриминальной деятельности, когда вред общественным отношениям уже причинен или создана реальная угроза его причинения. Во-вторых, у примечаний может быть и криминогенная роль: лицо перед совершением преступления знает, что при определенных обстоятельствах может быть освобождено от уголовной ответственности. Преюдиционные нормы этих минусов лишены. Можно утверждать, что они одновременно являются и средством индивидуализации мер уголовно-правового воздействия, применяемым на предкриминальной стадии, и средством предупреждения общественно опасных деяний.

Вывод третий: как бы странно это ни звучало, но преюдиционные нормы являются средством гуманизации уголовного законодательства. В современных условиях, когда на редкой научной конференции не ведется речь о кризисе уголовной политики и, по словам М. А. Кауфмана, «складывается впечатление, что законодатель пытается решить вопросы криминализации и декриминализации на ощупь, методом проб и ошибок», надо поблагодарить законодателя за то, что он оставляет второй шанс лицу, привлеченному к административной ответственности, и не криминализует (или декриминализует) деяние, совершенное впервые.

Вывод четвертый: именитые ученые, являющиеся противниками административной преюдиции, часто используют аллегории «сколько кошку ни корми, она от этого тигром не станет», «100 котят не становятся тигром» и т. п. Продолжая использовать терминологию уголовно-правовой анималистики, хочется задать им вопрос: почему, собственно, речь идет о характеристиках животных, а не об их деяниях? Ведь «в основу преступления ложится деяние (действие или бездействие, совокупность связанных между собой действий или бездействия), именно оно обладает признаком общественной опасности» [11, с. 69]. Получается, что нахождение в замкнутом помещении

вместе с тигром, до поры до времени не совершающим никаких деяний, так же безопасно, как и с сотней котят. Примерно так же безопасно наблюдать за нетрезвым водителем, в двадцатый раз управляющим транспортным средством. Безусловно, нельзя идеализировать превентивные возможности преюдиционных норм, однако если та-

кое средство в арсенале правоприменителя имеется, то глупо им не пользоваться. Если необходимо бороться за чистоту уголовного законодательства, то административной преюдиции там не место, но если цель состоит в предупреждении общественно опасных деяний, то преюдиционные нормы могут и должны применяться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Белогриц-Котляревский, Л. С.** Учебник русского уголовного права / Л. С. Белогриц-Котляревский. – Киев : Южно-русское книгоиздательство Ф. А. Иогансона, 1903. – 628 с.
2. **Бернер, А. Ф.** Учебник уголовного права / А. Ф. Бернер. – Санкт-Петербург : Типография Н. Тиблена и Ко, 1865. – 940 с.
3. **Будзинский, С.** Начала уголовного права / С. Будзинский. – Варшава : Типография И. Яворского, 1870. – 362 с.
4. **Волженкин, Б. В.** Избранные труды / Б. В. Волженкин. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2008. – 1310 с. – ISBN 978-5-94201-506-1.
5. **Волженкин, Б. В.** Общественная опасность преступника и основание уголовной ответственности / Б. В. Волженкин // Правоведение. – 1963. – № 3. – С. 90–98.
6. **Воронин, В. Н.** Индивидуализация наказания: понятие, критерии, значение : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / В. Н. Воронин. – Москва, 2015. – 30 с.
7. **Дагель, П. С.** Роль уголовной репрессии в борьбе с преступностью в период развернутого строительства коммунизма (в свете учения В. И. Ленина об убеждении и принуждении) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / П. С. Дагель. – Ленинград, 1962. – 23 с.
8. **Есипов, В. В.** Личное состояние преступности как предмет наказания / В. В. Есипов // Журнал гражданского и уголовного права. Книга десятая. – Санкт-Петербург, 1893. – С. 22–50.
9. **Кистяковский, А. Ф.** Элементарный учебник общего уголовного права / А. Ф. Кистяковский. – Киев : Типография Университета Св. Владимира, 1875. – 413 с.
10. **Лейкина, Н. С.** Личность преступника и уголовная ответственность : монография / Н. С. Лейкина. – Ленинград : ЛГУ, 1968. – 130 с.
11. **Лопашенко, Н. А.** Административной преюдиции в уголовном праве – нет! / Н. А. Лопашенко // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 3 (23). – С. 64–71.
12. **Никифоров, Б. С.** Доклад «Об основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» / Б. С. Никифоров // Важный этап в развитии советского права. Новое общесоюзное законодательство в области уголовного права, судостроительства и судопроизводства : труды научной сессии ВЮОН. – Москва : Госюриздат, 1960. – С. 28–47.
13. **Никифоров, Б. С.** Объект преступления / Б. С. Никифоров. – Москва : Госюриздат, 1960. – 230 с.
14. Основания уголовного-правового запрета. Криминализация и декриминализация / ответственные редакторы В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. – Москва : Наука, 1982. – 303 с.
15. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 2 / под общей редакцией О. И. Чистякова. – Москва : Юридическая литература, 1984. – 432 с.
16. **Таганцев, Н. С.** О повторении преступлений / Н. С. Таганцев. – Санкт-Петербург : Журнал Министерства юстиции, 1867. – 296 с.
17. **Филимонов, В. Д.** Общественная опасность личности преступника (предпосылки, содержание, критерии) / В. Д. Филимонов. – Томск : Изд-во ТГУ, 1970. – 278 с.
18. **Фойницкий, И. Я.** Учение о наказании в связи с тюремным содержанием / И. Я. Фойницкий. – Санкт-Петербург : Типография Министерства пут. сообщ., 1889. – 514 с.

REFERENCES

1. Belogric-Kotlyarevskij L. S. *Uchebnik russkogo ugovornogo prava* [Textbook of Russian criminal law]. Kiev, 1903. 628 p. (In Russ.).
2. Berner A. F. *Uchebnik ugovornogo prava* [Criminal Law Textbook]. St. Petersburg, 1865. 940 p. (In Russ.).
3. Budzinskij S. *Nachala ugovornogo prava* [Beginnings of criminal law]. Warsaw, 1870. 362 p. (In Russ.).
4. Volzhenkin B. V. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. St. Petersburg, 2008. 1310 p. (In Russ.).
5. Volzhenkin B. V. *Obshchestvennaya opasnost' prestupnika i osnovanie ugovornoj otvetstvennosti* [The public danger of the offender and the basis of criminal liability]. *Pravovedenie – Jurisprudence*, 1963, no. 3, pp. 90–98. (In Russ.).
6. Voronin V. N. *Individualizatsiya nakazaniya: ponyatie, kriterii, znachenie. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk* [Individualization of punishment: concept, criteria, meaning. Author's abstract of the diss. PhD. in Law]. Moscow, 2015. 30 p. (In Russ.).
7. Dageľ P. S. *Rol' ugovornoj repressii v bor'be s prestupnost'yu v period razvernutoho stroitel'stva kommunizma (v svete ucheniya V. I. Lenina ob ubezhdenii i prinuzhdenii). Avtoref. diss. kand. yurid. nauk* [The role of criminal repression in the fight against crime during the expanded construction of communism (in the light of the teachings of V.I. Lenin on persuasion and coercion). Author's abstract of the diss. PhD. in Law]. Leningrad, 1962. 23 p. (In Russ.).
8. Esipov V. V. *Lichnoe sostoyanie prestupnosti kak predmet nakazaniya* [Personal state of crime as a subject of punishment]. *Zhurnal grazhdanskogo i ugovornogo prava. Kniga desyataya* [Journal of civil and criminal law. Book Ten]. St. Petersburg, 1893, pp. 22–50. (In Russ.).
9. Kistyakovskij A. F. *Elementarnyj uchebnik obshchego ugovornogo prava* [Elementary textbook of general criminal law]. Kiev, 1875. 413p. (In Russ.).
10. Lejkina N. S. *Lichnost' prestupnika i ugovornaya otvetstvennost'* [The identity of the offender and criminal liability]. Leningrad, 1968. 130 p. (In Russ.).
11. Lopashenko N. A. *Administrativnoj preyudicii v ugovornom prave – net!* [Administrative prejudice in criminal law - no!]. *Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii – Bulletin of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation*, 2011, no. 3 (23), pp. 64–71. (In Russ.).

12. Nikiforov B. S. Doklad «Ob osnovah ugovolnogo zakonodatel'stva Soyuza SSR i soyuznyh respublik» [Report «On the Foundations of the Criminal Law of the Union of Soviet Socialist Republics and Union Republics»]. *Trudy nauchnoj sessii VIYUN «Vazhnyj etap v razvitii sovetskogo prava. Novoe obshchesoyuznoe zakonodatel'stvo v oblasti ugovolnogo prava, sudoustrojstva i sudoproizvodstva»* [Proceedings of the scientific session of the All-Union Institute of Legal Sciences «An important stage in the development of Soviet law. New all-Union legislation in the field of criminal law, judicial system and legal proceedings»]. Moscow, 1960, pp. (In Russ.).
13. Nikiforov B. S. *Ob»ekt prestupleniya* [Object of crime]. Moscow, 1960. 230 p. (In Russ.).
14. Kudryavcev V. N., Yakovlev A. M. (red.) *Osnovaniya ugovolno-pravovogo zapreta. Kriminalizaciya i dekriminalizaciya* [The grounds of the criminal law prohibition. Criminalization and decriminalization]. Moscow, 1982. 303 p. (In Russ.).
15. Chistyakov O. I. (red.) *Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov : v 9 t. T. 2* [Russian legislation of the 10th–20th centuries in 9 vol. Vol. 2]. Moscow, 1984. 432 p. (In Russ.).
16. Tagancev N. S. *O povtoreanii prestuplenij* [About the recurrence of crimes]. St. Petersburg, 1867. 296 p. (In Russ.).
17. Filimonov V. D. *Obshchestvennaya opasnost' lichnosti prestupnika (predposylki, sodержание, kriterii)* [Public danger of the identity of the offender (prerequisites, content, criteria)]. Tomsk, 1970. 278 p. (In Russ.).
18. Fojnickij I. YA. *Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem* [The doctrine of punishment in relation to prison science]. St. Petersburg, 1889. 514 p. (In Russ.).

УДК 343.231

Технологии в уголовном законодательстве России: проблемы и перспективы

В. Н. НЕКРАСОВ – доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

Реферат

В статье предпринимается попытка рассмотреть вопросы влияния такого вида результатов инновационной деятельности, как технологии, на отечественный уголовный закон и сделать вывод о готовности ныне действующего закона к появляющимися новшествами. В работе изучены технологические инновации как орудия и средства преступления. Кроме того, исследованы проблемные вопросы конструирования Уголовного кодекса Российской Федерации с использованием новых понятий, связанных с развитием инновационной деятельности. Автор делает вывод о том, что в настоящее время назрела необходимость объединения норм в области преступлений, посягающих на инновационную деятельность, в отдельную группу.

Ключевые слова: уголовный закон; инновационная деятельность; преступление.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Technologies in the criminal legislation of Russia: problems and prospects

V. N. NEKRASOV – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law

Abstract

The article attempts to consider the impact of this type of innovation results, such as technology, on the domestic criminal law and conclude that the current law is ready for emerging innovations. In the work technological innovations as tools and means of crime are studied. In addition the author investigated the problematic issues of constructing the Criminal Code of the Russian Federation using new concepts related to the development of innovative activity. The author concludes that at present the need has arisen for combining the norms in the field of crimes encroaching on innovative activity into a separate group of norms.

Key words: criminal law; innovative activity; crime.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

В результате развития инновационных технологий при их несомненных благах в сфере экономики, образования и культуры все острее встает проблема противодействия преступности в данной сфере. Сегодня никого не удивит преступлениями, совершенными с использованием электронных средств платежа, компьютерных программ и т. п. Более того, стремительное развитие робототехники и искусственного интеллекта приводит к тому, что в мире уже появляются идеи признания роботов в качестве самостоятельных субъектов права, в том числе уголовного [6]. Вместе с тем для законодателя проблема включения технологий в уголовное законодательство, с одной стороны, не нова, с другой – обладает рядом специфических особенностей в связи с их бурным развитием в последнее время. В данной статье делается попытка рассмотреть вопросы влияния такого вида результатов инновационной деятельности, как технологии, на отечественный уголовный закон и разобраться, готов ли законодатель к их появлению.

Начать следует с того, что в действующем УК РФ законодатель ни разу не использует применительно к техническим нововведениям единого обобщающего понятия, позволяющего в совокупности охарактеризовать различные элементы.

Технические нововведения в УК РФ рассматриваются как орудия или средства совершения преступления. Так, например, средством, используемым для совершения преступления, предусмотренного ст. 159.3, являются электронные средства платежа. Под электронными средствами платежа, исходя из ст. 3 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», следует понимать средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверить и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств. Иными словами, особенность анализируемого состава преступления заключается в том, что преступление совершается благодаря такой технологии, как электронные средства платежа.

В разные исторические периоды содержание термина «техника» рассматривалось по-разному:

– на этапе использования ручных орудий труда, когда важным было умение человека работать ими, под техникой понимались искусство и мастерство;

– в условиях ремесленного производства, когда наряду с мастерством возросла и роль орудий труда в производственном процессе, под техникой стали понимать не только искусство работника, но и средства его труда (английское слово «*technology*» означает и технику, и технологию);

– с переходом в начале XIX в. к крупному машинному производству, когда индивидуальное мастерство рабочего оказалось не столь важным, под техникой стали понимать материальные средства труда;

– сегодня, когда техника внедрилась в человеческую деятельность, под техникой понимаются искусственно созданные средства человеческой деятельности, овеянное знание [9, с. 10].

Новые виды техники нередко называют высокими технологиями, которые стали обладать рядом специфических характеристик в отличие от технологий предыдущих периодов. Как верно отмечает Е. А. Жукова, принципиальными отличиями высоких технологий от других технологий являются:

– усиление в принципиальной степени темпов и сил воздействия хай-тек, вызывающих обратные связи, что приводит к быстрым и необратимым системным изменениям социокультурной действительности;

– стремление исключить непосредственное участие человека из сферы постановки задач;

– механизмы воздействия хай-тек на социокультурную действительность и человека определяются их информационной природой: функции высоких технологий перестраивают формы культуры и формируют различные модели поведения человека [4, с. 9].

Иными словами, под воздействием инновационной деятельности и такой ее составляющей, как развитие технологий, происходит трансформация общественных отношений. А раз общественные отношения претерпевают определенные изменения, следовательно, происходят модификации и в объекте преступления, под которым традиционно понимаются общественные отношения в определенных сферах.

Сегодня все большее число философов отмечают тенденцию, согласно которой развитие инновационной деятельности изменяет последовательность отношений «человек – техника». Так, например, члены Римского клуба видят угрозу действительности

не в развитии техники как таковой, а в изменениях личности, изменениях системы ценностей, которые происходят под влиянием техники [2, с. 171]. По мнению А. А. Дурова, В. А. Починской и А. Р. Шариповой, «расстояние между человеком и техникой стремительно сокращается. По мере его сокращения отчетливо обозначаются две тенденции – технизация человека и гуманизация машины. Если эти тенденции «разойдутся» друг с другом, то картины из фантастических романов перестанут быть фантастическими: роботу, более человечному, чем человек, и человеку-программе будет тесно на страницах sci-fi» [3, с. 9]. Далее указанные авторы пытаются ответить на вопрос, можно ли отказать технике в субъектности, если она теснит и окружает человека, переходит границы и вызывает зависимость. Он настолько отвлеченный, что ответ может быть и положительным, и отрицательным. Положительный ответ основывается на многовековой истории человека разумного – единственного существа, способного к познанию и преобразованию мира, творца религии, философии, науки и техники. Отрицательный ответ связан с возможностью бунта творения против творца. По выражению М. Н. Эпштейна, если человек создан по образу и подобию Бога и наделен свободой воли, то он может передавать эту «эстафету» своим творениям» [3, с. 9].

Конечно, до признания техники, в частности роботов, оснащенных системами искусственного интеллекта высокого уровня, еще далеко, однако этот вопрос все острее встает перед законодателем, и решать его придется. В этой связи автор придерживается позиции, согласно которой в преступлениях, связанных с результатами инновационной деятельности, подлежит установлению вина человека. Здесь нельзя не согласиться с В. Цветовым, который отмечал, что «чем выше и ярче высоты научно-технического прогресса, тем важнее становится человек, без которого роботы, ЭВМ, станки с числовым программным управлением – не более чем замысловатая груда металла» [10, с. 37].

Вместе с тем в отечественном уголовном законе уже сегодня имеют место ранее не встречавшиеся дефиниции, позволяющие судить о новых возможностях техники, которые только стимулируют дискуссию о правом положении технологий как в уголовном праве, так и в законодательстве в целом. В частности, при конструировании ст. 274.1 УК РФ законодатель использовал при характеристике нарушения правил эксплуатации средств хранения, обработки или

передачи охраняемой компьютерной информации словосочетание «автоматизированные системы управления». Традиционно под последними понимаются комплексы аппаратных и программных средств, а также персонала, предназначенные для управления различными процессами в рамках технологического процесса, производства, предприятия. Автоматизированные системы управления применяются в различных отраслях промышленности, энергетике, транспорте и т. п. [1]. Примечательно, что в толковом словаре русского языка слово «автоматизм» определено следующим образом: «механичность, непроизвольность действий, движений». В свою очередь, в том же словаре слово «система» понимается как «определенный порядок в расположении и связи действий», а слово «управление» как «совокупность приборов, приспособлений, устройств, посредством которых управляется ход машины, механизма» [7, с. 17, 719, 836]. Исходя из формального толкования, получается, что автоматизированная система управления представляет собой механический, в ряде случаев непроизвольный порядок расположения действий по управлению техническими приборами. В этой связи обращают на себя внимание два момента. В частности, толкование слова «автоматизированный» предполагает в том числе и непроизвольность, иными словами неконтролируемость действий. Для сферы права, особенно уголовного, это крайне опасная конструкция. В этой связи включение анализируемого понятия в текст уголовного закона представляется преждевременным.

Обращает на себя внимание и то, что автоматизированная система управления, как отмечалось ранее, предполагает управление техническими средствами, а не человеком. Сегодня же происходит совсем по-другому. В первую очередь автоматизированные системы управления предназначены для управления процессами, но не только. В последние годы все чаще рассматриваемые системы используются для управления человеком. Как отмечается в одной из статей, посвященной использованию информационных технологий в системе управления персоналом, «на сегодняшний день использование информационных технологий в управлении персоналом – это необходимое условие для того, чтобы обеспечить эффективную работу любой компании» [8].

Получается, что человек добровольно передает часть своих функций управления другими людьми автоматизированным системам. Следовательно, логичным является

вопрос, кто в такой ситуации должен нести ответственность за допущенные нарушения в результате сбоя автоматизированной системы управления. На основе имеющегося опыта взаимодействия человека и техники ответственность несет человек. Вместе с тем в результате развития инновационной деятельности, как отмечалось ранее, системы взаимоотношений человека и техники меняются, в результате чего так однозначно ответить на обозначенный вопрос в будущем будет все сложнее. В этой связи законодателю следует более внимательно относиться к использованию такого средства законодательной техники, как терминология уголовного закона, и обдуманно включать в его текст новые дефиниции.

Другой аспект рассматриваемой проблемы заключается в том, что общественные отношения под воздействием инновационной деятельности претерпевают определенные изменения. В этой связи трансформируется и объект преступления. Так, например, такой традиционный объект преступления, как собственность, известный законодателю с первых законодательных источников уголовного права, наделяется новыми свойствами. С формированием общества, в котором основными производственными ресурсами выступают информация и знания, а средства их создания и передачи становятся доступными множеству отдельных людей, возникает ситуация, когда, с одной стороны, каждый желающий может приобрести современные информационные средства в личное владение, а с другой – люди, которые не могут эффективно присваивать сложные информационные продукты, не могут ими обладать в полной мере [9]. В результате появляется новый вид собственности, а именно интеллектуальная собственность, которая также подлежит уголовно-правовой охране. Вместе с тем,

по нашему мнению, оперирование со стороны ученых и практиков таким понятием, как интеллектуальная собственность, вызывает противоречия. Так, по своей сути интеллектуальную собственность к собственности отнести нельзя, это частично подтверждает и законодатель, располагая значительное число норм, посягающих на рассматриваемую группу отношений, за пределами главы «Преступления против собственности». Кроме того, как верно отмечает Н. А. Лопашенко, «к имуществу не относятся и, значит, предметом посягательств на собственность не являются интеллектуальная собственность и нематериальные блага. Последние не несут в себе экономического содержания собственности, а следовательно, лишены и ее юридического содержания» [5, с. 34–35]. Отмеченное также является проблемой, которую придется впоследствии решать.

Таким образом, сегодня назрела необходимость объединения норм в области преступлений, посягающих на инновационную деятельность, в отдельную группу. Указанные общественные отношения обладают рядом особенностей, позволяющих рассмотреть вопрос о формировании их в отдельный видовой объект преступления. Выделение групп преступлений в области инновационной деятельности будет иметь серьезное значение. В частности, это позволит устанавливать общественную опасность применительно к группе преступлений, а также анализировать изменения степени общественной опасности преступления в зависимости от видов квалифицирующих и привилегирующих обстоятельств. Кроме того, проведенное деление будет способствовать повышению эффективности дифференциации ответственности, системности уголовного закона, а также позволит облегчить процесс квалификации уголовно наказуемого деяния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автоматизированная система управления. URL: <http://o-ili-v.ru/wiki/> (дата обращения: 22.12.2018).
2. **Власова, Е. М.** Изменение отношения человек – техника в современном обществе: проблема нового гуманизма / Е. М. Власова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 1. – С. 170–173.
3. **Дуров, А. А.** Механизация человека и гуманизация машины: тенденции существования человека и техники / А. А. Дуров, В. А. Починская, А. Р. Шарипова // Социум и власть. – 2018. – № 3 (71). – С. 7–14.
4. **Жукова, Е. А.** Hi-Tech: динамика взаимодействий науки, общества и технологий : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. – Томск, 2007. – 37 с.
5. **Лопашенко, Н. А.** Посягательства на собственность : монография / Н. А. Лопашенко. – Москва : Норма, Инфра-М, 2012. – 528 с. – ISBN 978-5-4396-1743-2.
6. **Мухамедзянова, Д.** Роботы должны нести уголовную ответственность / Д. Мухамедзянова. URL: <https://hightech.fm/2017/04/04/intelligence-systems> (дата обращения: 05.11.2018).
7. **Ожегов, С. И.** Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Азбуковник, 1999. – 944 с. – ISBN 5-89285-003-X.
8. **Полещук, Ж. А.** Использование информационных технологий в системе управления персоналом / Ж. А. Полещук, И. В. Галетта // Проблемы современной науки и образования. – 2017. – № 23. – С. 28–31.
9. **Поломошнов, А. Ф.** Философия и современный мир : курс лекций / А. Ф. Поломошнов, И. М. Лаврухина, П. А. Поломошнов. – Персиановский : Донской ГАУ, 2015. – С. 55–58.

10. ФРГ глазами западногерманских социологов : Техника – интеллектуалы – культура / [К. Г. Барбакова, Л. И. Войтенко, Л. Д. Гудков и др.] ; ответственный редактор Ю. Н. Давыдов. – Москва : Наука, 1989. – 342 с. – ISBN 5-02-013344-2.

REFERENCES

1. Avtomatizirovannaya sistema upravleniya [Automated control system]. Available at: URL: <http://o-ili-v.ru/wiki/> (accessed 22.12.2018). (In Russ.).
2. Vlasova E. M. Izmenenie otnosheniya cheloveka – tekhnika v sovremennom obshchestve: problema novogo gumanizma [Changing the relationship of man – technology in modern society: the problem of a new humanism]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy – International journal of applied and fundamental research*, 2015, no. 1, pp. 170–173. (In Russ.).
3. Durov A. A., Pochinskaya V. A., SHaripova A. R. Mekhanizatsiya cheloveka i gumanizatsiya mashiny: tendentsii sushchestvovaniya cheloveka i tekhniki [Human mechanization and humanization of a machine: trends in human existence and technology]. *Socium i vlast' – Society and power*, 2018, no. 3 (71), pp. 7–14. (In Russ.).
4. ZHukova E. A. *Hi-Tech: dinamika vzaimodejstvij nauki, obshchestva i tekhnologii. Avtoref. diss. dokt. filos. nauk* [Hi-Tech: the dynamics of the interactions of science, society and technology. Author's abstract of the diss. Dsc. in Philosophy]. Tomsk, 2007. 37 p. (In Russ.).
5. Lopashenko N. A. *Posyagatel'stva na sobstvennost'* [Property infringement]. Moscow, 2012. 528 p. (In Russ.).
6. Muhamedzyanova D. Roboty dolzhny nesti ugolovnyuyu otvetstvennost' [Robots must be held criminally liable]. Available at: URL: <https://hightech.fm/2017/04/04/intelligence-systems> (accessed 05.11.2018). (In Russ.).
7. Ozhegov S. I., SHvedova N. YU. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, 1999. 944 p. (In Russ.).
8. Poleshchuk ZH. A., Galetta I. V. Ispol'zovanie informacionnykh tekhnologij v sisteme upravleniya personalom [The use of information technology in the personnel management system]. *Problemy sovremennoj nauki i obrazovaniya – Problems of modern science and education*, 2017, no. 23, pp. 28–31. (In Russ.).
9. Polomoshnov A. F., Lavruhina I. M., Polomoshnov P. A. *Filosofiya i sovremennyy mir* [Philosophy and the modern world]. Persianovsky, 2015. 224 p. (In Russ.).
10. Davydov YU. N. (red.) *FRG glazami zapadnogermanskikh sociologov* [Germany through the eyes of West German sociologists]. Moscow, 1989. 342 p. (In Russ.).

УДК 343.1

Формы реализации судебной власти в уголовном судопроизводстве в контексте процессуального статуса суда как участника уголовного процесса

П. А. ЛУЦЕНКО – доцент кафедры гуманитарных дисциплин, гражданского и уголовного права гуманитарно-правового факультета Воронежского государственного аграрного университета им. императора Петра I, кандидат юридических наук

Реферат

В статье анализируется процессуальный статус суда как участника уголовного судопроизводства с учетом специфики его правового положения и реализуемых им функций. Правовой статус суда в уголовном судопроизводстве детерминируется отсутствием публичного либо личного интереса в исходе уголовного дела, что не только предопределяет состязательную форму судопроизводства, но и является гарантией независимости судебной власти при осуществлении правосудия. Автор приходит к выводу о том, что понятие «суд» является собирательным, поскольку, с одной стороны, это государственное учреждение, входящее в судебную систему, с другой стороны, судья является носителем власти, рассматривающим уголовное дело по существу и выносящим решения, предусмотренные законом. Судебная система обладает признаком инстанционности, обусловленным ее внутренней иерархической структурой. Наличие судебных инстанций предопределяет движение уголовного дела, является структурным механизмом реализации функции внутреннего судебного контроля и надзора, а также обеспечивает защиту прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и иных заинтересованных лиц. Полномочия суда рассматриваются исходя из функционального критерия, а именно: разрешение уголовного дела по существу; контроль за деятельностью органов предварительного расследования; рассмотрение жалоб на действия (бездействие) и решения должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу; реагирование на допущенные в ходе производства по уголовному делу нарушения прав и свобод граждан, принципа законности, установленные обстоятельства, способ-

ствовавшие совершению преступления, путем вынесения частного определения или постановления.

К л ю ч е в ы е с л о в а : суд; разрешение уголовного дела по существу; судебный контроль; санкционирование; жалоба; меры принуждения; следственные действия.

12.00.09 – Уголовный процесс

Forms of the exercise of judicial power in criminal proceedings in the context of the procedural status of the court as a participant in criminal proceedings

P. A. LUTSENKO – Associate Professor of the Department of Humanitarian Disciplines, Civil and Criminal Law of the Faculty of Humanities and Law of the Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I, PhD. in Law

Abstract

The article analyzes the procedural status of the court as a participant in criminal proceedings, taking into account the specifics of its legal status and its functions. The legal status of the court in criminal proceedings is determined by the lack of public or personal interest in the outcome of the criminal case, which not only determines the adversarial form of proceedings, but also guarantees the independence of the judiciary in the administration of justice. The author comes to the conclusion that the concept of "court" is collective, because, on the one hand, it is a state institution that is part of the judicial system, on the other hand, a judge is a carrier of power, considering a criminal case on the merits and making decisions stipulated by law. The judicial system has a sign of instancedness, due to its internal hierarchical structure. The presence of judicial instances predetermines the movement of a criminal case, is a structural mechanism for the implementation of the function of internal judicial control and supervision and also protects the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings and other interested parties. The powers of the court are considered on the basis of a functional criterion, namely: resolution of the criminal case on the merits; control over the activities of preliminary investigation bodies; consideration of complaints about actions (inaction) and decisions of officials conducting criminal proceedings; response to the violations of the rights and freedoms of citizens, the principle of legality, established circumstances that contributed to the commission of a crime committed during the criminal proceedings by issuing a private ruling or decision.

Key words: court; substantive resolution of the criminal case; judicial control; authorization; complaint; coercive measures; investigative actions.

12.00.09 – Criminal procedure

Вопрос о формах и способах реализации судебной власти в уголовном судопроизводстве, на наш взгляд, необходимо анализировать с точки зрения правового статуса суда как участника уголовно-процессуальных отношений. Такие участники перечислены законодателем в разд. II УПК РФ и классифицированы на следующие группы: суд, участники уголовного процесса со стороны обвинения, участники уголовного процесса со стороны защиты, иные участники уголовного процесса.

Мы полагаем, что представленный выше легальный подход позволяет говорить об обособленности судебной власти в уголовном судопроизводстве с точки зрения

правового статуса (гл. 5 УПК РФ). В состязательном судопроизводстве суд реализует исключительные полномочия, связанные с осуществлением правосудия, что обуславливает специфику его положения, которая, на наш взгляд, заключается в следующем:

1. Понятие «суд» по своему содержанию может быть отнесено к числу комбинированных, поскольку, с одной стороны, суд входит в число государственных органов, совокупность которых формирует судебную систему, реализующую самостоятельную ветвь государственной власти (ст. 1 ФКЗ «О судах общей юрисдикции»), а с другой – судья в соответствии с п. 48 ст. 5 УПК РФ является ее носителем, управомоченным на рас-

смотрение уголовного дела по существу и выносящим решения от имени Российской Федерации. Законодатель использует оба значения термина «суд» при конструировании норм УПК РФ. Если в одних случаях, например при определении подсудности (ст. 30, 31 УПК РФ), суд – это орган, то в других – должностное лицо, вступающее в правоотношения с иными участниками уголовного процесса. При этом в определенных случаях термин «суд» конкретизируется применительно к конкретным должностным лицам – мировому судье, председательствующему, председателю суда, его заместителям (например, ч. 5, 6 ст. 6.1, п. 26 ст. 5, ст. 35, ч. 3 ст. 401.8, ч. 3 ст. 412.5 УПК РФ).

2. Самостоятельным признаком, характеризующим суд как участника уголовно-процессуальных отношений, можно назвать инстанционность. В этой связи необходимо отметить, что судебная инстанция определяется как «группа судебных органов и их структурных подразделений, наделенная равнозначными полномочиями по рассмотрению и разрешению уголовных дел в соответствующих стадиях уголовного судопроизводства» [4, с. 43]. В настоящее время можно говорить о наличии четырех судебных инстанций: 1) суд первой инстанции, уполномоченный разрешать уголовное дело по существу с вынесением приговора, а также реализовывать контрольные полномочия в досудебных стадиях производства по уголовному делу и полномочия, связанные с исполнением судебного решения (п. 52 ст. 5, ст. 396–398 УПК РФ); 2) суд второй инстанции, то есть апелляционный суд, рассматривающий жалобы и представления на судебные решения, не вступившие в законную силу; 3) суд кассационной инстанции, осуществляющий проверку вступивших в законную силу судебных решений по жалобам и представлениям заинтересованных лиц; 4) суд надзорной инстанции, контрольно-ревизионные полномочия которого имеют исключительный характер и реализуются Президиумом Верховного Суда Российской Федерации. Инстанционное построение судебной системы носит иерархический характер и позволяет осуществлять судебный контроль за деятельностью нижестоящих судов, а также служит правовым средством исправления возможных судебных ошибок, что имеет немаловажное значение с точки зрения механизма правозащитной деятельности в уголовном судопроизводстве. Кроме того, наличие судебных инстанций укладывается в систему уголовного судопроизводства, поскольку имеет место

определенная последовательность их прохождения, соответствующая стадиям производства по уголовному делу. Говоря об инстанционности судебной системы, нельзя не отметить два важнейших структурных преобразования, ставшие следствием принятия Федерального конституционного закона от 29.07.2018 № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О судебной системе Российской Федерации” и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции»: 1) были созданы девять кассационных судов общей юрисдикции в пределах территорий соответствующих судебных кассационных округов и кассационный военный суд, уполномоченные рассматривать дела по кассационным жалобам и представлениям на вступившие в законную силу судебные акты районных судов, гарнизонных военных судов и мировых судей, судебные акты апелляционных судов общей юрисдикции, апелляционного военного суда, принятые по жалобам и представлениям на судебные акты верховных судов республик, краевых, областных и равных им судов, отнесенных к соответствующему судебному округу, судебные акты верховного суда республики, краевого, областного и приравненного к нему суда, окружного (флотского) военного суда, принятые ими в первой и апелляционной инстанциях; 2) образованы пять апелляционных судов общей юрисдикции в пределах территорий соответствующих судебных апелляционных округов и апелляционный военный суд, уполномоченные рассматривать дела по апелляционным жалобам, представлениям на не вступившие в законную силу решения верховного суда республики, краевого, областного и приравненного к нему суда, окружного (флотского) военного суда, принятые ими в первой инстанции. Таким образом, одновременно решены несколько задач: во-первых, завершена реформа процессуального законодательства, предусматривающая возможность апелляционного обжалования не вступивших в силу судебных актов применительно ко всем категориям гражданских и уголовных дел; во-вторых, сделан еще один шаг на пути оптимизации нагрузки судей по рассмотрению различных категорий дел; в-третьих, реализованы рекомендации ЕСПЧ, содержащиеся в нескольких его решениях, принятых по жалобам граждан Российской Федерации, относительно нежелательности совмещения различных судебных

инстанций по одному делу в пределах юрисдикции одного суда.

3. Применительно к полномочиям судебной власти в уголовном процессе особое значение имеет состав суда, которым определяется «количественная совокупность и качественная характеристика лиц, уполномоченных осуществлять правосудие» [5, с. 25]. Анализ положений ст. 30 УПК РФ позволяет утверждать, что составы суда дифференцируются в зависимости от категории уголовного дела, звена судебной системы и судебной инстанции: 1) судья единолично рассматривает по существу подавляющее большинство уголовных дел по первой инстанции, реализует контрольные полномочия в досудебном производстве, а также в стадии исполнения приговора; единолично рассматривает дела в апелляционном порядке в отношении судебных решений, выносимых мировыми судьями, а также в отношении решений по уголовным делам небольшой тяжести, рассмотренным районным судом и гарнизонным военным судом, и при пересмотре промежуточных решений указанных судов (ч. 3 и 4 ст. 30 УПК РФ); 2) коллегиальный состав суда включает в себя трех профессиональных судей либо одного профессионального судью и восемь присяжных заседателей в судах субъектов Российской Федерации и шесть присяжных заседателей в районных и городских судах и допускается по незначительному перечню уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях (п. 2 и 3 ч. 2 ст. 30 УПК РФ). Коллегиальный состав суда предусмотрен для вышестоящих судебных инстанций, реализующих контрольно-ревизионные полномочия.

4. Полномочия суда имеют исключительный характер, поскольку не могут быть делегированы иным участникам уголовного судопроизводства. Их содержание характеризуется отсутствием личного либо публичного интереса в исходе уголовного дела, что является гарантией независимости и самостоятельности судебной власти. Кроме того, при регламентации полномочий суда законодатель использует исчерпывающий перечень, что не допускает диспозитивности при толковании соответствующих норм, поскольку суд является органом, ответственным за ход и результат судебного процесса, гарантом защиты прав и интересов сторон. С точки зрения форм реализации права судебная деятельность имеет правоприменительный характер, так как заключается в разрешении конкретного правового спора, вытекающего из фактических обстоятельств

уголовного дела на основе норм материального и процессуального права. Это предполагает наличие у суда ответственности за законность, обоснованность, мотивированность принимаемых решений. Как справедливо отмечается в специальной литературе, такая ответственность не может быть персонализирована, поскольку проявляется в виде негативных процессуальных последствий – отмены или изменения судебного решения вышестоящей инстанцией, увеличения сроков производства по уголовному делу и т. д. [9, с. 8].

С учетом названной специфики правовой статус суда сформулирован законодателем путем закрепления его полномочий в ст. 29 УПК РФ. Переходя к вопросу о формах реализации судебной власти в уголовном судопроизводстве, позволим себе охарактеризовать данные полномочия, применив именно функциональный критерий, дающий возможность разделить их на несколько групп: 1) полномочия по разрешению уголовного дела по существу; 2) полномочия по контролю за деятельностью органов предварительного расследования; 3) полномочия суда по рассмотрению жалоб на действия (бездействие) и решения должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу (ч. 3 ст. 29 и ст. 125 УПК РФ); 4) полномочия по реагированию на допущенные в ходе производства по уголовному делу нарушения прав и свобод граждан, принципа законности, установленные обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, путем вынесения частного определения или постановления.

Разрешение уголовного дела по существу предполагает реализацию судом полномочий, закрепленных в ч. 1 ст. 29 УПК РФ, таких как признание лица виновным в совершении преступления и назначение ему наказания; применение к лицу принудительных мер медицинского характера; применение к лицу принудительных мер воспитательного воздействия; прекращение уголовного дела в соответствии со ст. 25.1 УПК РФ с назначением судебного штрафа; отмена или изменение решения, принятого нижестоящим судом.

Следует отметить, что совокупность названных выше полномочий, по мнению определенной части ученых-процессуалистов, формирует содержание понятия «правосудие». В качестве аргументов традиционно приводятся следующие доводы. Во-первых, разрешение уголовного дела по существу является основной судебной функцией, которая корреспондирует назначению судеб-

ной власти, в то время как иные полномочия суда можно отнести к числу субсидиарных, не охватываемых понятием «правосудие». Во-вторых, акты, выносимые судом в ходе реализации субсидиарных полномочий, не обладают свойствами приговора как основного акта правосудия [2, с. 53]. Думается, что приведенная точка зрения, унифицирующая подход к понятию «правосудие», в современных правовых реалиях является достаточно спорной. Так, позволим себе поддержать позицию Л. А. Воскобитовой о том, что правосудие по содержанию – это правоприменительная деятельность суда, реализуемая в различных формах, в числе которых и судебный контроль, и судебное санкционирование, и контрольно-ревизионная деятельность вышестоящих судебных инстанций [8, с. 181]. В данном контексте к правосудию может быть отнесена любая судебная деятельность, осуществляемая в предусмотренной законом форме, основы которой определены на конституционном уровне (непосредственность, непрерывность, гласность, устность, неизменность состава суда и т. д.). Дополнительным аргументом может, на наш взгляд, являться и позиция законодателя, который толкует форму реализации судебной власти именно как правосудие, осуществляемое в ходе судебного заседания в досудебных и судебных стадиях производства по уголовному делу (п. 50 ст. 5 УПК РФ).

Контроль за деятельностью органов предварительного расследования является самостоятельным направлением судебной деятельности, которое осуществляется в нескольких формах:

1. Применение мер принуждения, существенным образом ограничивающих конституционные права и свободы участников уголовного судопроизводства. В соответствии с ч. 2 ст. 29 УПК РФ к числу таких мер относятся заключение под стражу, домашний арест, залог, запрет определенных действий, а также продление срока содержания под стражей или срока домашнего ареста, применение иных мер принуждения (временное отстранение подозреваемого или обвиняемого от должности, денежное взыскание). Заметим, что, несмотря на исключительный характер названных полномочий суда, их реализация судебной властью является пассивной, поскольку соответствующее ходатайство вносится должностным лицом, ведущим производство по уголовному делу (ст. 107–109 УПК РФ). В соответствии с ч. 3 ст. 389.2 УПК РФ ограничение конституционных прав на свободу и личную

неприкосновенность, права частной собственности, составляющих предмет судебной деятельности, может быть обжаловано заинтересованными лицами еще до вынесения итогового решения по уголовному делу.

С учетом приведенного выше тезиса о том, что рассматриваемый вид деятельности является элементом понятия «правосудие», его форма носит состязательный характер, поскольку судебное заседание по решению вопросов о применении мер принуждения проводится с участием сторон, которые отстаивают свою процессуальную позицию путем представления доказательств, подлежащих непосредственному исследованию судом [13]. В этой связи позиция законодателя относительно ряда организационных вопросов, касающихся порядка уведомления сторон, рассмотрения ходатайств участников судебного заседания, остается неясной. В связи с отсутствием законодательной регламентации в специальной литературе высказывается мнение о том, что коль скоро инициатива применения меры принуждения принадлежит дознавателю (следователю), именно он должен нести обязанность по уведомлению заинтересованных лиц о дате, месте и времени судебного заседания [11, с. 42]. Мы категорически не согласны с таким подходом, поскольку он не отражает сущности состязательного судебного процесса, а также порядка его организации, предусмотренного, например, для рассмотрения уголовного дела по существу, когда суд, используя весь арсенал имеющихся у него процессуальных средств, извещает стороны о судебном заседании (ст. 232, 389.12, 401.12 УПК РФ). Традиционно в подготовительной части судебного заседания рассматривается вопрос о возможности слушания дела в отсутствие кого-либо из вызванных участников судопроизводства. Как следует из смысла ч. 4 ст. 108 УПК РФ, в судебном заседании при решении вопроса о применении меры пресечения обязательно участие обвиняемого (подозреваемого), прокурора, защитника. Кроме того, соответствующим правом обладают законный представитель несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого), руководитель следственного органа, следователь, дознаватель. Принципиальное значение имеет явка обвиняемого (подозреваемого), в отношении которого мера пресечения избирается только в его присутствии, за исключением случая объявления его в международный розыск (ч. 5 ст. 108 УПК РФ). Такой подход в специальной литературе неоднократно подвергался критике на том

основании, что практическая реализация положений ч. 5 ст. 108 УПК РФ затруднена в случаях, когда обвиняемый скрылся и объявлен в местный либо федеральный розыск [3]. Верховный Суд Российской Федерации, учитывая позицию правоприменителя, допускает расширительное толкование ч. 5 ст. 108 УПК РФ при условии достоверного установления того факта, что обвиняемый (подозреваемый) скрылся от органов предварительного расследования и суда и признает соответствующую практику судов законной.

2. Санкционирование производства следственных действий, сопряженных с ограничением конституционных прав и свобод граждан: осмотр жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц; обыск и выемка в жилище; выемка заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи; обыск, осмотр и выемка в отношении адвоката; личный обыск, за исключением случаев, предусмотренных ст. 93 УПК РФ; выемка предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях; наложение ареста на корреспонденцию, разрешение на ее осмотр и выемку в учреждениях связи; наложение ареста на имущество; контроль и запись телефонных и иных переговоров; получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Названная группа полномочий суда имеет исключительный характер, что следует из формулировки законодателя, предваряющей перечень следственных действий, составляющих предмет судебной деятельности: «только суд, в том числе в ходе досудебного производства, правомочен принимать решения». Вместе с тем исключительность полномочий суда в данном случае имеет бинарную природу, поскольку в соответствии с ч. 5 ст. 165 УПК РФ в случаях, не терпящих отлагательства, следователь действий может быть обратной: производство следственного действия предшествует судебному решению о его законности и обоснованности, которое с точки зрения получения доказательств все равно имеет определяющее значение. Следует отметить, что бинарный характер общей процедуры судебного контроля распространяется на ограниченный круг действий (осмотр жилища, обыск и выемка в жилище, личный обыск, выемка заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи, а также наложение ареста на имущество, ука-

занное в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ), когда промедление с их производством может повлечь за собой утрату следов преступления и других доказательств, позволит скрыться лицам, его совершившим, негативно повлияет на возмещение причиненного преступлением ущерба.

С этих позиций при изучении механизма судебного контроля за законностью и обоснованностью производства следственных действий определенным интересом представляется процедура рассмотрения судом данного вопроса, регламентированная ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Редакция названной статьи представляется нам не вполне совершенной. Так, в частности, проведя следственное действие, следователь обязан в течение трех суток уведомить судью и прокурора, приложив к уведомлению копии постановлений о производстве следственного действия и его протокола. При этом законодатель определяет, что целью контроля является проверка законности решения о его производстве. Представляется, что это не вполне соответствует сущности института судебного контроля. Судья обязан оценить не только законность принятого следователем решения, но и его обоснованность, исключительность обстоятельств, потребовавших немедленного производства следственного действия вне общей процедуры судебного санкционирования, а также ход и результаты проведенного следственного действия. Именно такой подход используется законодателем при возложении на следователя обязанности уведомить о производстве следственного действия прокурора. Так, в соответствии с п. 1.6 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 28.12.2016 № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» прокурор уполномочен требовать своевременного уведомления в каждом случае производства без судебного решения осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц, обыска и выемки в жилище, личного обыска, наложения ареста на имущество, указанное в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, а также материалов по результатам их производства для правовой оценки. На наш взгляд, следователь, дознаватель и прокурор обязаны предварительно оценить достаточность оснований, которыми можно будет аргументировать перед судом необходимость проведения следственного действия в исключительных случаях без разрешения суда. Именно приведенный подход предопределяет, на наш взгляд, не-

обходимость оценки судом не только законности принятого органами предварительного расследования решения о необходимости производства следственного действия, но и неотложности его производства, для чего помимо указанных в ч. 5 ст. 165 УПК РФ документов в суд должны быть представлены иные материалы, подтверждающие наличие исключительного случая, не терпящего отлагательства. К числу таких материалов могут быть отнесены объяснения следователя или дознавателя, показания свидетелей (например, понятых), материалы, полученные в результате оперативно-розыскной деятельности. Определяя пределы полномочий суда в рамках процедуры судебного контроля, необходимо также учитывать и процессуальные последствия принятого судьей решения. В соответствии с ч. 5 ст. 165 УПК РФ по результатам рассмотрения вопроса о законности произведенного следственного действия судья может вынести постановление о его законности или незаконности. В последнем случае все доказательства, полученные в ходе такого следственного действия, признаются недопустимыми в соответствии со ст. 75 УПК РФ. Следует иметь в виду то обстоятельство, что решение о незаконности производства следственного действия, принятое судьей в ходе процедуры отсроченного судебного санкционирования, по своим последствиям является более радикальным, чем признание доказательств недопустимыми в ходе предварительного слушания. Исключение доказательств на предварительном слушании не препятствует повторному рассмотрению данного вопроса в ходе судебного разбирательства (ч. 7 ст. 235 УПК РФ), в то время как решение, принятое по данному вопросу в ходе досудебного производства, является окончательным и, как следствие, влечет за собой невозможную утрату доказательств. Вместе с тем признание доказательства недопустимым в рамках досудебного производства не только создает дополнительные гарантии прав и законных интересов граждан, но и обеспечивает законность и обоснованность уголовно-процессуальной деятельности стороны обвинения, поскольку предоставляет должностному лицу, ведущему производство по уголовному делу, возможность устранить в ходе других следственных действий образовавшийся пробел в доказательственном материале.

Форма судебной деятельности по санкционированию производства следственных действий совпадает с процессуальным

порядком применения мер принуждения, рассмотренным выше, что позволяет говорить об унификации соответствующей процедуры, формирующей, как уже было отмечено, единое направление деятельности суда в уголовном процессе. Вместе с тем данные виды деятельности не являются тождественными, поскольку имеют определенные отличия, которые, на наш взгляд, заключаются в следующем. Так, суд не несет ответственности за законность и обоснованность производства следственного действия, ограничивающего конституционные права и свободы граждан, поскольку решение о его производстве хоть и санкционируется судом, но принимается должностным лицом, ведущим предварительное расследование (ч. 2 ст. 38, ч. 3 ст. 41 УПК РФ), поскольку является частью его тактики. Соответственно, судебное решение о производстве следственного действия можно рассматривать как необходимое условие законности такового. Мы позволим себе поддержать высказанную В. Ф. Васюковым позицию о том, что непосредственное ограничение прав участников судопроизводства осуществляется дознавателем, следователем в процессе совершения действий, обозначенных в ч. 2 ст. 29 УПК РФ [6, с. 16]. Кроме того, судебное санкционирование в отличие от применения мер принуждения имеет проверочный характер, поскольку его процедура предполагает проверку судом наличия или отсутствия оснований для производства запрашиваемого органами расследования следственного действия. И, наконец, в самой процедуре санкционирования, предусмотренной ст. 165 УПК РФ, отсутствуют элементы состязательности, так как законодатель не предполагает участия сторон в судебном заседании, ограничиваясь лишь предоставлением соответствующего права должностному лицу, заявившему ходатайство. В специальной литературе высказываются предложения о предоставлении права на участие в судебном заседании заинтересованным лицам, например защитнику, подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему [7]. Полагаем, что такая позиция не свободна от критики, поскольку позитивный результат следственного действия в подавляющем большинстве случаев обусловлен внезапностью и конфиденциальностью его производства, что невозможно при привлечении к участию в судебном заседании указанных лиц. Кроме того, при недостижении искомого результата следственного действия нивелируется значение

его исключительного характера, сопряженного с ограничением конституционных прав граждан, оно становится бессмысленным с доказательственной точки зрения. В качестве гарантии прав и законных интересов лиц, в отношении которых проводятся следственные действия, могут выступать возможность обжалования соответствующего постановления судьи в вышестоящую судебную инстанцию, а также инициирование процедуры судебного контроля, предусмотренной ст. 125 УПК РФ.

В связи с процедурой судебного санкционирования наиболее острые дискуссии в специальной литературе вызывает его предмет, который недостаточно детализирован законодателем, ограничившимся лишь установлением требований процессуальной формы, а именно: 1) согласование ходатайства о производстве следственного действия с руководителем следственного органа либо прокурором; 2) срок рассмотрения ходатайства составляет 24 часа с момента поступления материалов в суд по месту производства предварительного расследования (следственного действия); 3) участие в судебном заседании представителя стороны обвинения (прокурора, следователя и дознавателя); 4) перечень решений, принимаемых судом по результатам рассмотрения ходатайства.

Сама процедура познавательной деятельности суда остается за пределами правового регулирования, что объясняется «наличием специфики каждого конкретного случая, обусловленного совокупностью обстоятельств уголовного дела» [16, с. 108]. Позволим себе усомниться в справедливости данного тезиса, поскольку анализ положений ст. 182–186 УПК РФ заставляет сформулировать ряд вопросов, подлежащих исследованию в судебном заседании:

1) наличие постановления о возбуждении уголовного дела, которое является процессуальным условием производства следственных действий, предусмотренных ч. 2 ст. 29 УПК РФ, за исключением тех, которые в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ могут проводиться в рамках проверки сообщения о преступлении (например, осмотр места происшествия без согласия проживающих в нем лиц);

2) наличие фактического основания производства следственного действия, которое легально установлено для каждого из них. Например, при производстве выемки должностное лицо, ведущее производство по уголовному делу, должно точно знать, где

и у кого находятся искомые предметы и документы (ч. 1 ст. 183 УПК РФ);

3) исключительный характер ограничения конституционных прав участников уголовного судопроизводства, возможного при производстве запрашиваемого следственного действия. В специальной литературе называются различные способы удостоверительной деятельности суда в рассматриваемом случае. Например, С. И. Ковалева полагает, что следователь (дознаватель) должен предоставить суду информацию о средствах доказывания, использовавшихся ранее, но оказавшихся безрезультатными [10]. С. А. Шейфер указывает, что положительное решение суда по ходатайству, поданному в порядке ст. 165 УПК РФ, может быть получено при отсутствии иных легитимных путей получения искомой информации [17, с. 71].

В отличие от иных полномочий суда рассмотрение жалоб на действия (бездействие) и решения должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, не обладает свойством исключительности, поскольку аналогичные полномочия в соответствии со ст. 124 УПК РФ предоставлены прокурору и руководителю следственного органа. По своему характеру полномочия по рассмотрению жалоб заинтересованных лиц имеют правосоставительную природу, так как их реализация судом устраняет допущенные органами расследования нарушения конституционных прав граждан.

В специальной литературе полномочия суда, предусмотренные в ч. 3 ст. 29 УПК РФ, расцениваются как судебный контроль [12, с. 12–13]. Анализ обширной библиографии вопроса позволяет выделить несколько специфических признаков контрольной деятельности судебных органов. Во-первых, это отсутствие иерархической подчиненности, характерной для ведомственного контроля, что обусловлено тем фактом, что суд не относится к числу правоохранительных органов, имеющих соответствующую структуру. Кроме того, рассмотрение жалоб на действия (бездействие) и решения должностных лиц органов предварительного расследования не связано с инстанционностью судебной системы и осуществляется судом по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления либо по месту производства предварительного расследования. Во-вторых, суд не является инициатором контрольной деятельности, поскольку реализует полномочия, предусмотренные ст. 125 УПК РФ, лишь при наличии жалобы

заинтересованного лица, которое может выбрать и иной порядок защиты своих нарушенных прав, предусмотренный гл. 16 УПК РФ. В-третьих, реализуя полномочия в рамках судебного контроля, суд принимает промежуточные решения, в которых констатируется наличие (отсутствие) нарушения, подлежащего устранению органом, его допустившим. В-четвертых, с содержательной точки зрения судебный контроль представляет собой совокупность трех действий: выявления нарушения, обеспечения его устранения и анализа факторов его возникновения.

Процедура рассмотрения жалобы имеет состязательный характер. Так, инициатором судебного контроля, как уже было отмечено, является лицо, подавшее жалобу. При этом диспозитивная природа названного права характеризуется отсутствием легальных требований к форме и содержанию обращения в суд, что в специальной литературе оценивается позитивно с точки зрения реализации принципа свободы обжалования и механизма защиты прав и законных интересов лиц, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства [1]. Мы разделяем иную позицию. Несомненной поддержки законодателя, на наш взгляд, заслуживает предложение о введении правила необходимого минимума реквизитов [15, с. 34], которое предусматривает перечень сведений, составляющих содержание любого официального документа, а именно данные о заявителе, его месте жительства, процессуальном статусе, органе, действия и решения которого обжалуются и которому адресуется жалоба. Указание в тексте документа названных сведений не составит труда для заинтересованного лица, однако существенно упростит прием и рассмотрение жалобы, а следовательно, послужит дополнительной гарантией доступа граждан к правосудию. На необходимость уточнения содержания жалобы в части формальных реквизитов

неоднократно указывалось в обобщениях судебной практики применения ст. 125 УПК РФ, сделанных судами различного уровня [14, с. 89]. Кроме того, соответствующее дополнение текста рассматриваемой нормы уголовно-процессуального закона позволило бы, на наш взгляд, унифицировать общие требования к жалобам, подаваемым в различные судебные инстанции в процессе производства по уголовному делу, поскольку ст. 389.6, 401.4 УПК РФ уже содержат критерии содержательной допустимости апелляционной и кассационной жалоб. Аналогичным образом должен решаться вопрос о форме подачи жалобы, поскольку отсутствие четких критериев, прямо закрепленных в ст. 125 УПК РФ, позволяет выдвинуть утверждение о допустимости устного обращения за судебной защитой, что влечет за собой процедуру личного приема заявителя в суде, что не вполне приемлемо в состязательной процедуре.

Такая группа полномочий суда, как реагирование на допущенные в ходе производства по уголовному делу нарушения прав и свобод граждан, принципа законности, установленные обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, носит профилактический характер, так как основной целью их реализации является предотвращение «возникновения угрозы субъективному праву или государственным интересам в дальнейшей деятельности должностных лиц и организаций» [13, с. 172]. Актом реагирования в данном случае выступает частное определение (постановление) суда об устранении допущенных нарушений, подлежащее немедленному исполнению.

Практически все указанные выше функции включают в себя правозащитные элементы, что позволяет говорить об их направленности на решение совокупности задач уголовного судопроизводства, закрепленных в ст. 6 УПК РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Амельков, Н. С.** Заявитель в уголовном судопроизводстве России / Н. С. Амельков // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 5. – С. 590–594.
2. **Банников, И. А.** Принцип осуществления правосудия только судом: историко-правовой аспект / И. А. Банников // Арбитражный и гражданский процесс. – 2017. – № 2. – С. 52–57.
3. **Барабаш, А. С.** Основания для избрания заключения под стражу, домашнего ареста, залога и их доказывание / А. С. Барабаш // Российский юридический журнал. – 2016. – № 5. – С. 143–149.
4. **Бурмагин, С. В.** Статус и деятельность суда в уголовном процессе / С. В. Бурмагин. – Москва : Проспект, 2016. – 304 с. – ISBN 978-5-392-19667-8.
5. **Быков, В. М.** Проблемы суда первой инстанции / В. М. Быков // Российская юстиция. – 2015. – № 3. – С. 25–27.
6. **Васюков, В. Ф.** Некоторые вопросы проведения следственных действий, направленных на обнаружение, фиксацию и изъятие электронных сообщений, переданных посредством мобильных абонентских устройств сотовой связи / В. Ф. Васюков // Российский следователь. – 2016. – № 23. – С. 15–18.
7. **Вилкова, Т. Ю.** Принцип неприкосновенности жилища в уголовном судопроизводстве: правовые основы, содержание, гарантии / Т. Ю. Вилкова // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 2. – С. 103–107.
8. **Воскобитова, Л. А.** Существенные нарушения уголовно-процессуального закона как основание к отмене приговора : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Л. А. Воскобитова. – Москва, 1979. – 186 с.

9. Качалова, О. В. Функции суда в современном российском уголовном судопроизводстве / О. В. Качалова // Российский судья. – 2014. – № 1. – С. 8–10.
10. Ковалева, С. И. К вопросу об участии судьи в доказывании при осуществлении судебного контроля на предварительном расследовании / С. И. Ковалева // Российская юстиция. – 2014. – № 4. – С. 23–26.
11. Конярова, Ж. К. Реализация дискреционных полномочий прокурора при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу по ходатайству следователя / Ж. К. Конярова // Вестник Оренбургского университета. – 2008. – № 83. – С. 41–43.
12. Лопаткина, Н. А. Институт судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса России : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Краснодар, 2002. – 187с.
13. Печегин, Д. А. Состязательное начало уголовного судопроизводства / Д. А. Печегин // Российский журнал правовых исследований. – 2017. – № 1. – С. 171–176.
14. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного Суда Российской Федерации по применению уголовно-процессуального законодательства на основе новейшей судебной практики / под ред. В. М. Лебедева. – Москва : Юрайт, 2016. – 231с. – ISBN 978-5-534-02827-0.
15. Рябцева, Е. В. Правосудие в уголовном процессе России : монография / Е. В. Рябцева. – 2-е изд., доп. – Москва : Юрлитинформ, 2010. – 400 с. – ISBN 978-5-93295-665-6.
16. Стельмах, В. Ю. Несоблюдение процессуальной формы следственных действий: виды и последствия / В. Ю. Стельмах // Уголовное право. – 2015. – № 6. – С. 108–117.
17. Шейфер, С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам / С. А. Шейфер. – Москва : Норма, 2008. – 125 с. – ISBN 978-5-91768-571-7.

REFERENCES

1. Amel'kov N. S. Zayavitel' v ugovnom sudoproizvodstve Rossii [The applicant in the criminal proceedings of Russia]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava – Actual problems of Russian law*, 2013, no. 5, pp. 590–594. (In Russ.).
2. Bannikov I. A. Princip osushchestvleniya pravosudiya tol'ko sudom: istoriko-pravovoj aspekt [The principle of the administration of justice only by the court: historical and legal aspect]. *Arbitrazhnyj i grazhdanskij process – Arbitration and civil proceedings*, 2017, no. 2, pp. 52–57. (In Russ.).
3. Barabash A. S. Osnovaniya dlya izbraniya zaklyucheniya pod strazhu, domashnego aresta, zaloga i ih dokazyvanie [Grounds for the election of detention, house arrest, bail and their proof]. *Rossijskij juridicheskiy zhurnal – Russian Law Journal*, 2016, no. 5, pp. 143–149. (In Russ.).
4. Burmagin S. V. *Status i deyatel'nost' suda v ugovnom processe* [Status and activity of the court in criminal proceedings]. Moscow, 2016. 304 p. (In Russ.).
5. Bykov V. M. *Problemy suda pervoj instancii* [Trial court issues]. *Rossijskaya yusticiya – Russian justice*, 2015, no. 3, pp. 25–27. (In Russ.).
6. Vasyukov V. F. Nekotorye voprosy provedeniya sledstvennyh dejstvij, napravlennyh na obnaruzhenie, fiksaciyu i iz'yatie elektronnyh soobshchenij, peredannyh posredstvom mobil'nyh abonentskih ustrojstv sotovoj svyazi [Some issues of investigative actions aimed at detecting, recording and seizing electronic messages transmitted by mobile subscriber cellular devices]. *Rossijskij sledovatel' – Russian investigator*, 2016, no. 23, pp. 15–18. (In Russ.).
7. Vilkova T. YU. Princip neprikosnovennosti zhilishcha v ugovnom sudoproizvodstve: pravovye osnovy, sodержание, garantii [The principle of the inviolability of the home in criminal proceedings: legal basis, content, guarantees]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava – Actual problems of Russian law*, 2015, no. 2, pp. 103–107. (In Russ.).
8. Voskobitova L. A. *Sushchestvennye narusheniya ugovno-processual'nogo zakona kak osnovanie k otmene prigovora. Diss. kand. jurid. nauk* [Significant violations of the criminal procedure law as a basis for the annulment of the sentence. Diss. PhD. in Law]. Moscow, 1979. 186 p. (In Russ.).
9. Kachalova O. V. Funkcii suda v sovremennom rossijskom ugovnom sudoproizvodstve [The functions of the court in modern Russian criminal proceedings]. *Rossijskij sud'ya – Russian judge*, 2014, no. 1, pp. 8–10. (In Russ.).
10. Kovaleva S. I. K voprosu ob uchastii sud'i v dokazyvanii pri osushchestvlenii sudebnogo kontrolya na predvaritel'nom rassledovanii [On the issue of a judge's participation in evidence during judicial control at the preliminary investigation]. *Rossijskaya yusticiya – Russian justice*, 2014, no. 4, pp. 23–26. (In Russ.).
11. Konyarova ZH. K. Realizaciya diskreционnyh polnomochij prokurora pri izbranii mery presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu po hodatajstvu sledovatelya [Realization of the discretionary powers of the prosecutor when choosing a preventive measure in the form of custody at the request of the investigator]. *Vestnik Orenburgskogo universiteta – Bulletin of the Orenburg University*, 2008, no. 83, pp. 41–43. (In Russ.).
12. Lopatkina N. A. *Institut sudebnogo kontrolya na dosudebnyh stadiyah ugovnogo processa Rossii. Diss. kand. jurid. nauk* [Institute of judicial control at the pre-trial stages of the criminal process of Russia. Diss. PhD. in Law]. Moscow, 2002. 187 p. (In Russ.).
13. Pechegin D. A. Sostyazatel'noe nachalo ugovnogo sudoproizvodstva [Adversarial start of criminal proceedings]. *Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij – Russian Journal of Legal Studies*, 2017, no. 1, pp. 171–176. (In Russ.).
14. Lebedev V. M. (red.) *Praktika primeneniya Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii. Aktual'nye voprosy sudebnoj praktiki, rekomendacii sudej Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii po primeneniyu ugovno-processual'nogo zakonodatel'stva na osnove novejshej sudebnoj praktiki* [The practice of applying the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Actual issues of judicial practice, recommendations of judges of the Supreme Court of the Russian Federation on the application of criminal procedure legislation based on the latest judicial practice]. Moscow, 2016. 231 p. (In Russ.).
15. Ryabceva E. V. *Pravosudie v ugovnom processe Rossii* [Justice in the criminal process of Russia]. Moscow, 2010. 400 p. (In Russ.).
16. Stel'mah V.YU. Nesoblyudenie processual'noj formy sledstvennyh dejstvij: vidy i posledstviya [Non-compliance with the procedural form of investigative actions: types and consequences]. *Ugolovnoe pravo – Criminal law*, 2015, no. 6, pp. 108–117. (In Russ.).
17. Shejfer S. A. *Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugovnym delam* [Evidence and proving in criminal matters]. Moscow, 2008. 125 p. (In Russ.).

Правовые и организационные аспекты маркетинговой деятельности в учреждениях уголовно-исполнительной системы

А. А. КОЛЬЕВ – доцент кафедры управления экономической деятельностью и организации производства в уголовно-исполнительной системе инженерно-экономического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат экономических наук, доцент;

М. В. СУХАРЕВА – начальник отдела трудовой адаптации осужденных УФСИН России по Вологодской области

Реферат

Целью работы является рассмотрение особенностей маркетинговой деятельности в учреждениях УИС в правовом и организационном ракурсе, предметом – маркетинговая деятельность в УИС как комплекс организационно-производственных и коммерческо-сбытовых мероприятий. В статье рассмотрены результаты реформирования промышленного сектора УИС, процесс образования центров трудовой адаптации осужденных и производственных (трудовых) мастерских, актуальность развития маркетинговой деятельности в УИС; представлено описание проблем организации производственной, в том числе маркетинговой, деятельности в учреждениях УИС, связанной с реализацией положений Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и других нормативно-правовых актов. Основным результатом проведенного исследования является разработка предложений, направленных на изменение нормативно-правовой базы и реализацию мероприятий организационного характера для повышения уровня трудовой занятости осужденных, эффективности маркетинговой и производственной деятельности учреждений УИС. Представленный опыт может быть использован специалистами и руководителями учреждений и органов УИС, занимающимися вопросами организации производственной и маркетинговой деятельности, а также учеными, проводящими исследования в данной сфере.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; центры трудовой адаптации осужденных; маркетинговая деятельность в УИС; правовое регулирование закупок; организация производства в УИС; привлечение осужденных к труду.

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

Legal and organizational aspects of marketing in penitentiary institutions

A. A. KOLYEV – Associate Professor of the Department of Economic Management and Organization of Production in the Penal System of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Economics, Associate Professor;

M. V. SUKHAREVA – Head of the Department of Labor Adaptation of Convicts of the Federal Penal Service of Russia in the Vologda Region

Abstract

The aim of this study is to consider the features of marketing activities in the penal institutions in a legal and organizational perspective, the subject is marketing activities in the penal system as a complex of organizational, production and commercial marketing activities. The article considers the results of reforming the industrial sector of the penal system, the process of formation of labor adaptation centers for convicts and production (labor) workshops, the relevance of the development of marketing activities in the penal system; a description of the problems of organizing production, including marketing, activities in the institutions of the penal system, related to the implementation of the

provisions of the Federal Law dated 05.04.2013 No. 44-FZ "On the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs" and other legal acts. The main result of the study is the development of proposals aimed at changing the regulatory framework and the implementation of organizational measures to increase the level of employment of convicts, the effectiveness of marketing and production activities of penal institutions. The experience presented can be used by specialists and heads of institutions and bodies of the penal system dealing with the organization of production and marketing activities as well as scientists conducting research in this area.

Key words: penal system; centers for labor adaptation of convicts; marketing activities in the penal system; legal regulation of procurement; organization of production in the penal system; attraction of convicts to work.

12.00.11 – Judicial activities, prosecution activities, human rights and law enforcement

В последнее время в уголовно-исполнительной системе осуществляется реформирование промышленного сектора, направленное на переориентацию его деятельности на решение социальных задач, связанных с адаптацией человека к нормальной жизни после освобождения из мест лишения свободы.

В ходе реформирования предприятия исправительных учреждений реорганизованы в структурные подразделения этих учреждений – центры трудовой адаптации осужденных (далее – ЦТАО) и производственные (трудовые) мастерские, основными задачами которых являются:

- организация трудового воспитания осужденных путем привлечения их к общественно полезному оплачиваемому труду;
- создание условий для моральной и материальной заинтересованности осужденных в результатах труда;
- восстановление и закрепление профессиональных и трудовых навыков осужденных, необходимых им для последующей скорейшей адаптации в обществе.

Однако решение вопросов, связанных с обеспечением финансового благополучия ЦТАО, невозможно без организации производственно-сбытовой деятельности на маркетинговой основе. На современном этапе развития рыночной экономики бюджетные учреждения являются неотъемлемыми ее участниками. Ввиду отсутствия бюджетного финансирования расходов на функционирование ЦТАО и производственных (трудовых) мастерских основным источником их финансового обеспечения становятся средства, полученные от реализации выпускаемой продукции. Эффективное развитие данных структурных подразделений учреждений, исполняющих наказания, как базы для реализации целей уголовно-исполнительного законодательства в части привлечения осужденных к труду, привития им трудовых навыков во многом определяется

сохранением и развитием маркетинговой деятельности в УИС – комплекса организационно-производственных и коммерческо-сбытовых мероприятий, направленных на повышение конкурентоспособности выпускаемой учреждениями продукции, решение проблем ее эффективной реализации с целью обеспечения трудовой занятости осужденных и создания дополнительных рабочих мест [2, с. 12].

Обычно маркетинг ассоциируется со сбытом продукции, но на практике органы и учреждения УИС часто сталкиваются с необходимостью изучения рынка продавцов с целью эффективного обеспечения потребности подразделений в материально-технических ресурсах [1, с. 68].

Привлекательность учреждений УИС в качестве коммерческих партнеров объясняется рядом причин:

- достаточно высокой экономической стабильностью и надежностью, обусловленной тем, что в УИС существенное внимание уделяется вопросам эффективности управления государственным имуществом, контролю за его сохранностью;
- особым режимом охраны предприятий и их материальной базы, создающим ограниченный доступ посторонних на территорию;
- минимальными расходами на развитие социальной сферы;
- низкой стоимостью рабочей силы;
- наличием свободных производственных мощностей, оборудования и инфраструктуры.

Однако на практике при организации производственной, в том числе маркетинговой, деятельности в учреждениях УИС возникает значительное количество проблемных вопросов правового и организационного плана.

Так, в соответствии с действующим законодательством главное условие работы ЦТАО – это его полная самокупаемость, позволяющая гарантированно обеспечи-

вать своевременную выплату обязательных платежей осужденным, в том числе по заработной плате. Существующий механизм привлечения к труду не предусматривает прямого финансирования из федерального бюджета на обеспечение трудовой занятости осужденных. На администрацию учреждения ложится обязанность не только трудоустроить осужденных, но еще и найти конкретного платежеспособного потребителя конечной продукции, за счет поступления денежных средств от которого будут погашены коммунальные платежи, выплачена заработная плата, оплачено сырье, проведены ремонтные работы и т. д. Для минимального воспроизводства необходимо и наличие финансового результата, что в условиях рыночной экономики и обеспечения производства учреждений УИС материальными ресурсами в рамках действующей редакции (от 27.06.2019) Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – 44-ФЗ) не представляется возможным.

Во-первых, 44-ФЗ предполагает осуществление закупок конкурентными способами. При закупке материалов учреждения УИС проводят аукционы, что значительно затягивает сроки закупки и поставки (зачастую они составляют более месяца), и это не устраивает потенциальных заказчиков, приводит к снижению эффективности участия пенитенциарных учреждений в конкурсных процедурах на электронных площадках и уменьшению их конкурентоспособности в сравнении с организациями других форм собственности по причине сжатости заявленных потенциальными заказчиками сроков поставки продукции по полной стоимости. В этой связи большинство частных предпринимателей, у которых есть возможность купить товары по более низкой цене, на данные аукционы не выходят.

Следует отметить, что если требования 44-ФЗ для государственных и муниципальных организаций направлены на экономию бюджетных средств и прозрачность закупок, то применение данных требований к центрам трудовой адаптации, осуществляющим производственную и торговую деятельность в условиях рынка и заинтересованным в быстрой закупке качественного и дешевого сырья, материалов, услуг, лишь затрудняет работу.

Такое применение закона приводит к увеличению доли услуг, оказываемых сторонними организациями, и снижению объемов

собственного производства, поскольку в рамках действующего законодательства учреждениям УИС крайне сложно обеспечить бесперебойность производственного процесса, который затрудняется длительными сроками проведения конкурентных процедур на закупку материалов, обеспечивающих исполнение основного государственного контракта. Это относится, прежде всего, к горюче-смазочным материалам и запасным частям к технике и производственному оборудованию.

Во-вторых, проведение независимой экспертизы при закупке материалов и комплектующих на основании п. 12 ч. 1 ст. 93 44-ФЗ приводит к увеличению затрат и повышению конечной цены готовой продукции.

Кроме того, заказчик (конечный приобретатель) продукции в силу действия в п. 11 ч. 1 ст. 93 44-ФЗ у единственного поставщика аналогичным образом обязан провести независимую экспертизу поставляемого товара, что также увеличивает расходы по его приобретению и снижает привлекательность данных закупок на рынке. В итоге расходы на обязательное проведение независимой экспертизы увеличивают себестоимость и уменьшают рентабельность выпускаемой продукции.

В связи с этим в рамках существующего правового поля необходимо определить целесообразность проведения такого рода независимых экспертиз в таком формате.

С организационной точки зрения, учреждениям УИС следует проводить детальный анализ расходов на производство продукции. Это позволит выявить, какие затраты какими решениями обусловлены, что в дальнейшем в отношении их может быть принято, а также решить целый ряд вопросов, таких как выбор рентабельных заказов, планирование будущих направлений деятельности, распределение и минимизация затрат, состав сметы и анализ отклонений. Применение различных методик позволит проанализировать затраты на производство одной единицы продукции, осуществить контроль за обоснованностью включения всех затрат, а также их размером и в конечном итоге оптимизировать затраты на производство продукции и снизить ее конечную стоимость [3, с. 490–492]. Кроме того, исправительные учреждения, являющиеся непосредственными производителями продукции, имеют реальную возможность снизить конечную цену изделия за счет исключения затрат, возникающих при закупках через посредников, что особенно актуально в настоящее время.

В-третьих, в Постановлении Правительства Российской Федерации от 14.07.2014 № 649 (ред. от 04.02.2016) «О порядке предоставления учреждениям и предприятиям уголовно-исполнительной системы преимуществ в отношении предлагаемой им цены контракта» предусмотрен узкий перечень товаров (работ, услуг), в соответствии с которым при определении поставщиков (подрядчиков, исполнителей) заказчик обязан предоставлять учреждениям и предприятиям УИС преимущества в отношении предлагаемой им цены контракта.

Однако в данном перечне отсутствует ряд товаров, которые производятся в учреждениях: профилированный металлический лист, пиломатериалы, мебель для офисов, мебель металлическая, одежда трикотажная, специальная одежда. В этой связи мы предлагаем внести изменения в нормативно-правовую базу и расширить перечень товаров (работ, услуг), в соответствии с которым при определении поставщиков (подрядчиков, исполнителей) заказчик обязан предоставлять учреждениям и предприятиям УИС преимущества в отношении предлагаемой им цены контракта.

В-четвертых, требования Федерального закона от 29.12.2012 № 275-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О государственном оборонном заказе» накладывают на поставщиков сырья, реализующих его учреждениям в ходе исполнения государственных контрактов в рамках государственного оборонного заказа (продовольствие, вещевое имущество), обязанность открывать лицевые счета в органах федерального казначейства для обеспечения прозрачности операций, что, несомненно, ограничивает круг соответствующих организаций.

В-пятых, отсутствует законодательно утвержденный механизм взаимодействия пенитенциарной системы с бизнес-сообществом по организации совместных производств, в том числе и в части применения системы льготного налогообложения. Также действующее законодательство не позволяет передавать коммерческим организациям производственные объекты недвижимого имущества учреждений без проведения конкурсов или аукционов. Срок проведения конкурсов или аукционов с учетом необходимых согласований с вышестоящими органами составляет от двух до шести месяцев, что приводит к отказу коммерческой организации – потенциального партнера от намерения сотрудничать с учреждением УИС.

Следует отметить, что правовые и организационные аспекты маркетинговой де-

ятельности в учреждениях УИС тесно связаны с организацией их производственной деятельности в целом, а также с привлечением осужденных к оплачиваемому труду в частности.

Так, на сегодняшний день для учреждений УИС актуальна проблема отсутствия достаточного объема гарантированного государственного и муниципального заказа. Ее решение позволило бы дополнительно трудоустроить осужденных на оплачиваемые работы. В настоящее время законодательно закреплены положения о государственной поддержке учреждений УИС в части размещения заказов для удовлетворения государственных нужд. Данная норма содержится в ст. 10 и 10.1 Закона Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 (ред. от 06.02.2019) «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», предусматривающих участие Правительства Российской Федерации в организации производственной деятельности, а также участие органов государственной власти субъектов Российской Федерации в обеспечении трудовой занятости осужденных за счет средств бюджетных ассигнований собственных бюджетов. Однако широкого применения данные нормативные положения не получили. Результаты взаимодействия с главами муниципальных образований в настоящее время не оказывают значительного влияния на сложившуюся ситуацию. Так, по итогам работы за 2018 г. для нужд муниципальных учреждений Вологодской области отгружено продукции и оказано услуг лишь на 3,5 млн руб. Поиск заказов на производство товаров, выполнение работ, оказание услуг с целью привлечения осужденных к труду осуществляется учреждениями УИС самостоятельно. При этом более половины доходов от привлечения осужденных к труду исправительные учреждения получают от сторонних коммерческих организаций, которые не являются государственными и муниципальными заказчиками.

Тем не менее региональная поддержка является одним из значимых условий для развития и повышения эффективности пенитенциарного производства. Положительный опыт в данной сфере уже имеется. Так, УФСИН России по Республике Карелия совместно с Государственным комитетом по управлению государственным имуществом и организации закупок Республики Карелия успешно апробирован проект по осуществлению закупок товаров, работ, услуг у исправительных учреждений региона как единственного поставщика в рамках

перечня, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 26.12.2013 № 1292. В связи с этим до заказчиков, осуществляющих конкурентным способом централизованные закупки товаров (работ, услуг), которые включены в указанный перечень, комитетом доведено требование о том, чтобы все заявки на закупку содержали официальный отказ УФСИН России по Республике Карелия в поставке необходимой продукции. В результате указанной работы в 2017 г. исправительными учреждениями Республики Карелия со стороны региональных и муниципальных органов власти получен портфель заказов на сумму более 40,5 млн руб.

В целом проведение совместно с органами государственной власти работы, направленной на повышение эффективности трудового использования осужденных, не только положительным образом скажется на развитии пенитенциарного производства, но и будет иметь своим следствием снижение рецидивной преступности, а также стабилизацию социально-экономической обстановки в регионе.

Следующей важной проблемой промышленного сектора УИС является значительный износ основных производственных фондов. Продукция, производимая на оборудовании со значительным износом, имеет высокую себестоимость, что не позволяет учреждениям УИС конкурировать с другими производителями и быть полноценными участниками рынка.

Много проблемных моментов в настоящее время в учреждениях УИС связано с привлечением осужденных к оплачиваемому труду. Так, в соответствии с п. 4 ст. 99 УИК РФ осужденные, получающие заработную плату, возмещают стоимость питания, одежды, коммунально-бытовых услуг и индивидуальных средств гигиены ежемесячно в пределах фактических затрат, произведенных в данном месяце. Из этих средств осуществляются также погашение исков и выплата алиментов. Однако размер удержаний не стимулирует осужденных к труду. Кроме того, работающие и неработающие осужденные содержатся в одинаковых условиях. Разница заключается лишь в том, что с работающими осужденных производится удержание понесенных расходов на их содержание из заработной платы, а за неработающих и не имеющих определенного дохода осужденных платит государство. Заметим, что величина заработка, подлежащего зачислению на лицевой счет конкретного осужденного, имеет для него весомое

значение и является одним из важнейших аспектов мотивации к труду, ведь дополнительные денежные средства позволяют осужденным помогать своим семьям, накапливать сбережения для адаптации после выхода на свободу.

Проблема привлечения осужденных к оплачиваемому труду связана также с отсутствием у многих из них рабочих профессий. Само по себе данное обстоятельство не является ограничивающим фактором при трудоустройстве спецконтингента на оплачиваемые работы, однако в процессе привлечения осужденных к труду возникают разногласия с органами прокуратуры, которые признают факты привлечения осужденных, в том числе низкоквалифицированных специалистов, к работе без документов, подтверждающих наличие у них профессии (специальности), нарушениями действующего законодательства. Вместе с тем срок отбывания наказания осужденных в колониях-поселениях для лиц, впервые осужденных к лишению свободы, и текучесть спецконтингента в колониях общего и строго режима с учетом наполняемости и количества учебных групп не позволяют в сжатые сроки обучить всех трудоспособных.

Кроме того, в настоящее время на федеральном уровне отсутствуют установленные законодательством нормы, позволяющие коммерческим организациям, использующим в своей производственной деятельности труд осужденных, реализовывать указанные товары в рамках п. 11 ч. 1. ст. 93 44-ФЗ в статусе единственного поставщика. Законодательное закрепление данных норм значительно увеличило бы заинтересованность бизнеса в вовлечении осужденных в трудовые процессы.

Решением проблемы трудоустройства осужденных может послужить и осуществление мероприятий по реконструкции и техническому перевооружению действующих производств, таких как монтаж на существующей производственной базе технологических линий по производству новых конкурентоспособных видов изделий, имеющих спрос на региональном рынке.

Основываясь на том, что одним из основных направлений производственной деятельности в УФСИН России по Вологодской области является швейное производство, мы можем утверждать, что реализация мероприятий по закупке современного швейного оборудования для нужд пенитенциарных учреждений позволит обеспечить гарантированное создание новых рабочих мест для трудоустройства осужденных.

И, наконец, одной из главных организационных проблем маркетинговой деятельности учреждений УИС является оптимизация штатной численности аттестованных сотрудников ЦТАО, которая выразилась в сокращении должностей работников маркетинговых служб во многих исправительных учреждениях. Это привело к нехватке грамотных специалистов из числа аттестованных сотрудников, в функциональные обязанности которых входят вопросы организации производственного процесса, в том числе управления маркетинговой деятельностью.

В этой связи необходимо рационально перераспределить между сотрудниками

ЦТАО учреждений УИС обязанности, в том числе связанные с маркетинговой деятельностью, организовать обучение сотрудников, ответственных за данное направление.

Имеющиеся сегодня проблемы в осуществлении производственной и маркетинговой деятельности учреждений УИС требуют разработки конкретных практических мер в правовом и организационном плане. Предложенные изменения нормативно-правовой базы и решение накопившихся организационных вопросов позволят повысить уровень трудовой занятости осужденных, эффективность маркетинговой и производственной деятельности учреждений УИС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Алексеев, А. П.** Организация трудовой адаптации осужденных : учебное пособие / А. П. Алексеев. – Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2016. – 92 с. – ISBN 978-5-93035-592-5.
2. **Кирьянова, Е. С.** Актуальные проблемы маркетинговой деятельности в уголовно-исполнительной системе / Е. С. Кирьянова // Актуальные проблемы пенитенциарной науки и практики. – 2015. – № 2 (4). – С. 11–13.
3. **Тарасова, И. А.** Научно обоснованные подходы к определению стоимости производимой в уголовно-исполнительной системе продукции / И. А. Тарасова // Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию принятия Конституции Российской Федерации) : сборник тезисов выступлений участников мероприятий форума (Рязань, 5–6 декабря 2013 г.). – Рязань : Академия ФСИН России, 2013. – С. 490–492. – ISBN 978-5-7743-0648-0.

REFERENCES

1. Alekseev A. P. *Organizaciya trudovoj adaptacii osuzhdennyh* [Organization of labor adaptation of convicts]. Vladimir, 2016. 92 p. (In Russ.).
2. Kir'yanova E. S. Aktual'nye problemy marketingovoj deyatel'nosti v ugovovno-ispolnitel'noj sisteme [Actual problems of marketing in the penal system]. *Aktual'nye problemy penitenciarnoj nauki i praktiki – Actual problems of penal science and practice*, 2015, no. 2(4), pp. 11–13. (In Russ.).
3. Tarasova I. A. Nauchno obosnovannye podhody k opredeleniyu stoimosti proizvodimoy v ugovovno-ispolnitel'noj sisteme produkcii [Scientifically sound approaches to determining the value of products manufactured in the penal system]. *Sbornik tezisov vystuplenij uchastnikov meropriyatij mezhdunarodnogo penitenciarного foruma «Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie» (k 20-letiyu prinyatiya Konstitucii Rossijskoj Federacii)* [A collection of abstracts by participants in the events of the international penitentiary forum "Crime, Punishment, Correction" (on the 20th anniversary of the adoption of the Constitution of the Russian Federation)]. Ryazan, 2013, pp. 490–492. (In Russ.).

УДК 343.98

Способ совершения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях ФСИН России

Е. В. ЧЕРНЫШЕНКО – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

Реферат

В статье рассматриваются особенности совершения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях ФСИН России. Автором были проведены исследование материалов уголовных дел по преступлениям рассматриваемого вида, а также анкетирование сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы, что позволило установить перечень

наиболее распространенных способов совершения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Выбор конкретного способа совершения преступления обуславливается рядом факторов: особенностями территории учреждений ФСИН России, установлением постоянного надзора за осужденными и их охраны, применением специальных сил и средств для обнаружения различных запрещенных предметов, в том числе наркотических средств и психотропных веществ. Следует отметить, что преступления данного вида чаще всего совершаются по предварительному сговору группой лиц, в составе которой находится осужденный, отбывающий наказание в исправительном учреждении и координирующий действия участников группы посредством средств мобильной связи. Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ занимает лидирующую позицию в структуре пенитенциарной преступности и представляет огромную проблему для деятельности уголовно-исполнительной системы: он оказывает негативное воздействие на режим, оперативную обстановку и может спровоцировать совершение других, в том числе тяжких и особо тяжких, преступлений как против лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, так и в отношении персонала учреждений. Всестороннее изучение способа совершения преступлений рассматриваемого вида позволяет вырабатывать эффективные способы противодействия и расследования.

Ключевые слова: исправительные учреждения; незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ; способ совершения преступления; осужденные, отбывающие лишение свободы; пенитенциарные преступления.

12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

The method of committing illicit traffic in narcotic drugs and psychotropic substances in correctional facilities of the Federal Penal Service of Russia

E. V. CHERNYSHENKO – Associate Professor of the Department of Penal Law and the Organization of Educational Work with Convicts of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

Abstract

The article discusses the peculiarities of the committing illicit traffic in narcotic drugs and psychotropic substances in correctional institutions of the Federal Penal Service of Russia. The author conducted a study of the materials of criminal cases on crimes of the type in question as well as a survey of employees of the penal system, which allowed us to establish a list of the most common ways of committing illicit traffic in narcotics and psychotropic substances. The choice of a specific method of committing a crime is determined by a number of factors: the features of the territory of the FSIN institutions of Russia, the establishment of constant supervision and protection of convicts, the use of special forces and means to detect various prohibited items, including narcotic drugs and psychotropic substances. It should be noted that crimes of this type are most often committed by prior conspiracy by a group of persons, which includes a convict serving a sentence in a correctional institution and coordinating the actions of group members by means of mobile communications. Illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances occupies a leading position in the structure of penal crime and poses a huge problem for the penitentiary system: it has a negative impact on the regime, operational environment and can provoke the commission of other crimes, including grave and especially grave ones such as against persons serving a sentence of imprisonment as well as against staff of institutions. A comprehensive study of the method of committing crimes of this type allows you to develop effective methods of counteraction and investigation.

Key words: correctional institutions; illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances; method of committing a crime; convicts serving imprisonment; penal crimes.

12.00.12 – Forensics; forensic activity; operational investigation

Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях представляет собой достаточно серьезную проблему для учреждений и органов ФСИН России. Так, за 2018 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы было зарегистрировано 225 преступлений рассматриваемого вида, что составило 25 % от общей численности зарегистрированных преступных деяний, совершенных на территории исправительных учреждений [3, с. 20]. В результате проведенных обысков и досмотров было обнаружено и изъято 53 028,709 г наркотических средств и психотропных веществ [3, с. 36].

Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях не только создает угрозу для охраняемых уголовным законом отношений, но и оказывает негативное влияние на режим, оперативную обстановку в учреждении в целом, а также может повлечь за собой совершение других правонарушений, в том числе преступлений. В связи с этим важным представляется вопрос своевременного обнаружения и пресечения совершения преступлений рассматриваемого вида. Огромное значение для этого направления деятельности имеют знания об особенностях механизма совершения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ на территории исправительных учреждений, его криминалистической характеристике. Одним из элементов криминалистической характеристики любого преступления является способ его совершения. Выбор способа указывает на личность вероятного преступника. По мнению профессора Н. Г. Шурухнова, данные о способе преступления позволяют нам сформировать представление о следах, оставленных в результате совершения преступления, месте их расположения, содержащихся в них сведениях о физических особенностях личности преступника и т. д. [5, с. 453]. Следовательно, лицо, производящее расследование, располагая информацией о способе совершения преступления, может сделать предположения о личности возможного преступника.

Исследователи интересующей нас криминалистической категории по-разному определяют способ совершения преступления, но многие сходятся во мнении, что это система или совокупность действий, направленных на подготовку, совершение, сокрытие преступного деяния, которая зависит от целей, окружающих факторов, лич-

ности преступника, времени и места совершения преступления [1, с. 16–17; 2, с. 167].

Рассматривая способ совершения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях, следует отметить, что в последние годы все чаще при организации такого рода преступлений используются средства мобильной связи. Осужденные добывают данные запрещенные предметы различными способами: прибегая к помощи родственников и близких, которые отправляют им посылки и передачи, прибывают на свидания, или посредством установления неслужебных связей с персоналом исправительных учреждений. За 2018 г. на территории учреждений ФСИН России было изъято 56 355 средств мобильной связи и комплектующих к ним [3, с. 37].

Выбор способа совершения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ на территории исправительного учреждения значительно отличается от соответствующего процесса за пределами данных учреждений. Обусловлено данное обстоятельство рядом факторов, в числе которых специфика деятельности самих учреждений ФСИН России, которые обладают режимной территорией, где установлены определенные требования, организована постоянная охрана и надзор, регулярно проводятся различные режимные мероприятия. Это вынуждает преступников избирать ухищренные способы сокрытия наркотических средств и психотропных веществ, подлежащих доставке и передаче осужденным, отбывающим лишение свободы.

Проведенные нами исследование материалов уголовных дел о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях и опрос сотрудников учреждений позволили определить, что преступления рассматриваемого вида совершаются осужденными как единолично, так и в составе группы. При этом встречаются как контактные, так и бесконтактные способы передачи. К контактными способам нами отнесены:

- передача при проведении свиданий с родственниками и иными лицами (такой способ указали 58,5 % опрошенных сотрудников);

- передача в момент нахождения осужденного за пределами исправительного учреждения, например при осуществлении работы на временном производственном объекте (указали 9 % опрошенных);

– передача во время встреч с сотрудниками правоохранительных органов, представителями общественных организаций и др. (отметили 33,6 % опрошенных сотрудников);

– передача при этапировании (перемещении) осужденного (указали 27,3 % опрошенных) [4, с. 45].

Бесконтактными способами можно считать:

– перебрасывание через основное ограждение исправительного учреждения, в том числе с использованием различных технических устройств, таких, например, как беспилотные летательные аппараты, ставшие очень популярными в последние годы (указали 41 % опрошенных сотрудников);

– передачу в посылках, бандеролях, передачах (отметили 68,4 % опрошенных) [4, с. 47].

Наиболее распространенным способом совершения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях, как показало проведенное нами исследование, является перебрасывание через основное ограждение. За 2018 г. в исправительных учреждениях было изъято 26 408,393 г наркотических средств и психотропных веществ, доставленных таким способом [3, с. 36]. Этот способ был установлен в 53,7 % изученных уголовных дел по рассматриваемой категории преступлений. Так как рассматриваемый способ совершения преступлений требует определенных физических усилий, в большинстве случаев его избирают лица мужского пола. Для реализации преступного замысла, направленного на передачу наркотических средств или психотропных веществ осужденному, изготавливается сверток, внутри которого находится вещество, подлежащее передаче, для утяжеления к нему добавляется какой-либо груз. В качестве утяжелителя могут использоваться обычный камень или иные предметы, которые позволяют замаскировать сверток, чтобы при попадании на территорию учреждения он не вызывал подозрений у сотрудников. Например, в материалах изученных нами уголовных дел встретился случай, когда в качестве такого груза был использован клубень картофеля, внутри которого была оборудована полость, куда и поместили наркотическое средство. Клубень был переброшен через основное ограждение исправительного учреждения на территорию производственного участка, где не вызвал подозрений у сотрудников колонии. Впоследствии данный сверток был поднят осужденным, которому он предназначался.

Следует отметить, что в практике расследования рассматриваемого вида преступлений встречаются факты, когда к сверткам с наркотическими средствами или психотропными веществами прикрепляются фонарики небольших размеров, что облегчает поиск в случае перебрасывания в темное время суток. Так, например, сотрудники одной исправительной колонии задержали у основного ограждения учреждения гражданина Д., намеревавшегося перебросить сверток с наркотическим средством героин общей массой 200,24 г по просьбе своего знакомого осужденного З., который отбывал наказание в данном учреждении. При досмотре задержанного при нем был обнаружен сверток с наркотическим средством, перемотанный липкой лентой, с прикрепленным к нему фонариком (Арх. Краснояр. район. суда Самар. обл. за 2011 г. Уголов. дело № 1-128/2011).

Избирая такой способ доставки наркотических средств или психотропных веществ, осужденные внимательно изучают территорию колонии, осуществляют выбор места наименьшего скопления персонала и других осужденных. Лицо, которое будет непосредственно осуществлять перебрасывание, уделяет внимание обследованию прилегающей к учреждению территории, анализирует регулярность и качество ее патрулирования.

Помимо того, что, как уже было сказано, для перебрасывания свертков с наркотическими средствами применяется физическая сила, преступники нередко прибегают к использованию различных технических устройств, которые позволяют значительно облегчить сам процесс доставки запрещенных предметов, а также осуществить перебрасывание, не приближаясь к основному ограждению и тем самым сокращая риск быть задержанными сотрудниками. В качестве таких технических средств используются арбалеты, беспилотные летательные аппараты, авиамодели и др.

Следующим способом совершения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях является их передача в посылках, передачах и бандеролях, отправляемых в адрес осужденных, отбывающих лишение свободы. Такой способ был установлен нами в 20,2 % изученных уголовных дел. Согласно положениям ст. 90 УИК РФ осужденные в исправительных учреждениях имеют право получать посылки, передачи и бандероли, количество которых будет зависеть от категории, к которой относится лицо, отбывающее наказание, вида учреждения и условий отбывания лишения свободы. Данную воз-

возможность используют близкие, родственники, знакомые осужденных с целью доставки тем наркотических средств и психотропных веществ посредством сокрытия во вложениях. Реализуя указанный способ доставки, преступники прибегают к различным ухищрениям, в числе которых:

- изготовление двойного дна или крышки в различных упаковках;
- пропитывание вещей и предметов наркотическим средством;
- сокрытие свертков в хлебобулочных изделиях;
- изготовление полостей в каблуках и подошвах передаваемой обуви и др.

Учитывая вышесказанное, успешное обнаружение наркотических средств и психотропных веществ возможно лишь при внимательном и профессиональном обследовании сотрудниками исправительных учреждений всех вложений посылок, передач и бандеролей, направляемых в адрес осужденных. Так, за 2018 г. благодаря квалифицированным действиям персонала учреждений и органов ФСИН России в посылках и передачах, поступивших осужденным, было обнаружено и изъято 2936,100 г наркотических средств и психотропных веществ, а в передачах – 4615,617 г [3, с. 36]. Так, например, осужденный У. по мобильному телефону договорился с гражданином А. о том, что тот приобретет для него в указанном осужденным месте наркотическое средство героин и передаст его во вложениях передачи через комнату приема и досмотра передач исправительной колонии строгого режима, расположенной в пос. Шексна Вологодской области. Однако преступный умысел не был реализован по независящим от осужденного У. и гражданина А. причинам ввиду того, что последний был задержан в ходе оперативно-розыскных мероприятий, проведенных сотрудниками исправительного учреждения, а наркотическое средство героин было обнаружено и изъято (Арх. Шексн. район. суда Вологод. обл. за 2011 г. Уголов. дело № 1-19/2011).

Еще одним довольно часто встречающимся способом доставки наркотических средств и психотропных веществ в исправительные учреждения является передача их во время проведения свиданий с близкими и родными. Как показывают данные статистики ФСИН России, в 2018 г. при проведении свиданий было обнаружено и изъято 2146,542 г наркотических средств и психотропных веществ [3, с. 36]. Указанный способ совершения преступления был использован в 7,3 % изученных нами в ходе

исследования уголовных дел. В исправительных учреждениях осужденным, отбывающим лишение свободы, согласно ст. 89 УИК РФ, предоставляются длительные и краткосрочные свидания с родственниками и иными лицами. Краткосрочные свидания проводятся под постоянным надзором со стороны администрации учреждений, в том числе с применением аудиовизуальных и иных технических средств контроля. Длительные же свидания проходят в специально отведенных для этого помещениях без присутствия персонала. Тем самым во втором случае создается довольно благоприятная обстановка для передачи осужденным любых запрещенных предметов, в том числе и наркотических средств, психотропных веществ. В связи с этим единственно допустимыми способами обнаружения предназначенных для передачи запрещенных препаратов являются получение информации в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, а также качественное производство обысков и досмотров при организации свиданий осужденных с родственниками и иными лицами.

Доставка наркотических средств и психотропных веществ указанным способом также требует от преступников определенной подготовки и сокрытия запрещенных предметов ухищренными способами, такими как:

- использование естественных полостей организма для помещения полимерных пакетов с запрещенным содержимым;
- сокрытие свертков на теле под одеждой, в подкладочной ткани различных предметов гардероба;
- сокрытие в вещах, которые разрешается проносить на свидания.

Отдельным, однако довольно редко встречающимся способом доставки наркотических средств и психотропных веществ в исправительные учреждения ФСИН России выступает передача во время проведения свиданий с защитниками, представителями общественных организаций, сотрудниками правоохранительных органов. Данный способ был установлен в 1,4 % изученных нами уголовных дел. Следует отметить, что выбор такого способа совершения преступления не потребует от осужденного, а также лица, осуществляющего передачу наркотического средства или психотропного вещества, каких-либо значительных действий по подготовке. В частности, с целью предоставления свидания с защитником или встречи с представителем общественной организации осужденному необходимо подать заяв-

ление на имя начальника исправительного учреждения. Выявление и пресечение преступных деяний, совершаемых таким способом, является достаточно проблемным и чаще всего успешно при получении оперативной информации и качественном проведении досмотра лица, прибывающего на свидание, а также обыска осужденного после его проведения.

При доставке наркотических средств и психотропных веществ родственниками, иными лицами, защитниками, представителями общественных организаций пронос на территорию исправительного учреждения запрещенных предметов осуществляется через контрольно-пропускной пункт, на котором надлежащим образом должны быть организованы мероприятия по досмотру как самих указанных лиц, так и предметов и вещей, с которыми они проходят на территорию.

Вместе с тем в исправительных учреждениях есть еще один способ доставки осужденным запрещенных предметов, в том числе и наркотических средств, психотропных веществ, – провоз, пронос через контрольно-пропускной пункт по пропуску транспортных средств. В 2,3 % изученных нами уголовных дел был установлен именно он. В круг субъектов, которые будут осуществлять доставку таким способом, могут войти персонал учреждений, исполняющих наказание, иные лица, которые организуют, например, доставку продуктов питания или иных предметов на территорию исправительного учреждения, и т. д. Отметим, что рассматриваемый способ является довольно сложным для реализации ввиду того, что все транспортные средства, которые пропускаются на территорию учреждений, подлежат досмотру сотрудниками мест лишения свободы. В ходе данного мероприятия используются различные технические средства, инструменты, а также служебные собаки, которые обладают навыками отыскания различных запрещенных предметов, в том числе наркотических средств и психотропных веществ.

Провоз наркотических средств и психотропных веществ в салоне автомобиля требует от преступников применения различных ухищрений для их сокрытия. В частности, используются:

- сокрытие в обивке салона транспортного средства;
- маскировка под лекарственные препараты в автомобильной аптечке;

– провоз в личных вещах водителя, расположенных в салоне транспортного средства, или грузе, который доставляется в учреждение, и др.

Еще одним способом незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях выступает их передача или приобретение в момент нахождения осужденного за пределами учреждения. Указанный способ был установлен в 0,9 % изученных уголовных дел. Следует отметить, что осужденные, находясь за пределами исправительного учреждения, могут приобретать наркотические средства и психотропные вещества, как прибегая к помощи третьих лиц, так и самостоятельно. При подготовке к совершению преступлений таким способом осужденные внимательно изучают деятельность сотрудников, осуществляющих пропускной режим на контрольно-пропускном пункте, и выясняют качество проводимых обысков и досмотров. В группу риска как способные воспользоваться рассматриваемым способом доставки наркотических средств и психотропных веществ входят, в первую очередь, лица, пользующиеся правом передвижения без конвоя или сопровождения в порядке применения ст. 96 УИК РФ. Данная категория осужденных выводится на работу и заводится в учреждение через контрольно-пропускной пункт, и в случае некачественного проведения личного обыска и досмотра вещей создается вероятность проноса на территорию запрещенных предметов. Так, например, осужденный Я., трудоустроенный в пекарне за пределами колонии-поселения, где он отбывал наказание, в ночное время, находясь в районе мусорной свалки, собрал коноплю, отделив при этом корни растений, и тем самым приобрел наркотическое средство марихуана массой не менее 35,82 г. Хранил данное наркотическое средство осужденный при себе без цели сбыта для личного употребления. Позже он попытался пронести собранную марихуану на территорию колонии-поселения, но в ходе обыска, проведенного сотрудниками учреждения, наркотическое средство было обнаружено и изъято (Арх. Богучан. район. суда Краснояр. края за 2012 г. Уголов. дело № 1-316/2012).

Таким образом, обладая данными о способе совершения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях ФСИН России, лицо, производящее расследование,

может сделать предположение о личности вероятного преступника, а персонал учреждений и органов уголовно-исполнительной

системы выработать систему мер по профилактике и предупреждению преступлений рассматриваемого вида.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зуйков, Г. Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления / Г. Г. Зуйков // Социалистическая законность. – 1971. – № 11. – С. 14–19.
2. Куранова, Э. Д. Об основных положениях методики расследования отдельных видов преступлений / Э. Д. Куранова // Вопросы криминалистики. – 1962. – № 6–7. – С. 152–167.
3. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы за январь–декабрь 2018 г. : информационно-аналитический сборник. – Тверь : НИИИТ ФСИН России, 2019. – 328 с.
4. Чернышенко, Е. В. Расследование незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях ФСИН России : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Е. В. Чернышенко. – Вологда, 2014. – 234 с.
5. Шурухнов, Н. Г. Криминалистика / Н. Г. Шурухнов. – Москва : Юрист, 2003. – 639 с. – ISBN 5-7975-0536-3.

REFERENCES

1. Zujkov G. G. Kriminalisticheskoe uchenie o sposobe soversheniya prestupleniya [Forensic doctrine of the method of committing a crime]. *Socialisticheskaya zakonnost'* – *Socialist rule of law*, 1971, no. 11, pp. 14–19. (In Russ.)
2. Kuranova E. D. Ob osnovnykh polozheniyah metodiki rassledovaniya otdel'nykh vidov prestuplenij [On the main provisions of the methodology for the investigation of certain types of crimes]. *Voprosy kriminalistiki* – *The forensics*, 1962, no. 6–7, pp. 152–167. (In Russ.)
3. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy za yanvar'-dekabr' 2018 g.* [Key performance indicators of the penal system for January–December 2018]. Tver, 2019. 328 p. (In Russ.)
4. Chernyshenko E. V. *Rassledovanie nezakonno oborota narkoticheskikh sredstv i psihotropnykh veshchestv v ispravitel'nykh uchrezhdeniyah FSIN Rossii. Diss. kand. yurid. nauk* [Investigation of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances in correctional facilities of the Federal Penal Service of Russia. Diss. PhD. in Law]. Vologda, 2014. 234 p. (In Russ.)
5. SHuruhnov N. G. *Kriminalistika* [Forensics]. Moscow, 2003. 639 p. (In Russ.)

УДК 343.85

Особенности розыскной работы сотрудников оперативных подразделений Федеральной службы исполнения наказаний

О. И. НЕСТЕРОВА – старший инспектор по особым поручениям отдела уголовно-исполнительного законодательства, планирования и проведения служебных проверок правового управления ФСИН России, доктор исторических наук

Реферат

В статье рассматриваются основные особенности деятельности сотрудников оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы в сфере организации розыска осужденных, совершивших побег, а также лиц, уклоняющихся от отбывания уголовного наказания. Ведется рассуждение о семантике термина «розыск», определений которого в современной и ретроспективной литературе существует достаточно много. Под розыскной работой (розыском) оперативных подразделений Федеральной службы исполнения наказаний понимается базирующаяся на уголовном, уголовно-процессуальном, уголовно-исполнительном, оперативно-розыском законах и т. д., отдельных подзаконных, локальных нормативных актах комплексная система оперативно-розыскных, уголовно-процессуальных, административно-правовых и иных мероприятий, осуществляемых в рамках специального делопроизводства (дела оперативного учета) уполномоченными на то законом лицами и направленными на установление местонахождения подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и осужденных, совершивших побег и уклоняющихся от отбывания наказания в виде лишения свободы. Розыскная работа является самостоятельным направлением деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы. В зависимости от территориальных границ осуществления оперативно-розыскных мероприятий розыск делится на четыре основных вида: местный, федеральный, межгосударственный, международный. Автором называются несколько отличительных признаков розыскной деятельности сотрудников оперативных подразделений Федеральной службы исполнения наказаний, дается характеристика

нормативной базы, регламентирующей вопросы розыска в уголовно-исполнительной системе, перечисляются субъекты, которые вправе проводить такую работу. Обозначен комплекс трудностей, возникающих при организации розыскной деятельности сотрудников оперативных подразделений Федеральной службы исполнения наказаний. В заключение отмечается, что только комплексное решение накопившихся проблем в данной сфере и приведение порядка и условий отбывания наказания осужденных в соответствии с целями и задачами уголовно-исполнительного законодательства позволят уменьшить число осужденных, находящихся в розыске и скрывающихся от отбывания наказания.

Ключевые слова: оперативно-розыскные данные; осужденный; исправительное учреждение; розыск; побег; уклонение от отбывания наказания.

12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность (юридические науки)

Features of the investigative work of employees of operational units of the Federal Penal Service

O. I. NESTEROVA – Senior Inspector for Special Assignments of the Department of Penal Legislation, Planning and Conducting Internal Audits of the Legal Department of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in History

Abstract

The article discusses the main features of the activities of employees of operational units of the penal system in the field of organizing the search for convicts who have escaped as well as persons who evade serving a criminal sentence. A discussion is being held on the semantics of the term "search", the definitions of which in modern and retrospective literature exist quite a lot. The search work (search) of the operational units of the Federal Penal Service is understood the based on the criminal, criminal procedural, penal, operative-search laws, etc., individual by-laws, local regulatory acts, an integrated system of operational-search, criminal procedure, administrative-legal and other measures carried out in the framework of special paperwork (operational accounting) by authorized persons by law and aimed at establishing the whereabouts of suspects, accused, defendants and convicts who have escaped and evade serving a sentence of imprisonment. Investigation work is an independent activity of the operational units of the penal system. Depending on the territorial boundaries of the implementation of operational-search measures, the search is divided into four main types: local, federal, interstate, international. The author names several distinctive signs of the search activities of employees of the operational units of the Federal Penal Service, describes the regulatory framework governing the search in the penal system, lists the entities that have the right to carry out such work. The complex of difficulties arising in the organization of the search activities of employees of the operational units of the Federal Penal Service is outlined. In conclusion it is noted that only a comprehensive solution to the accumulated problems in this area and bringing the order and conditions of serving sentences of convicted persons in accordance with the goals and objectives of the penal legislation will reduce the number of convicted persons who are wanted and hiding from serving sentences.

Key words: operational-search data; convicted; correctional institution; search; escape; evasion from serving a sentence.

12.00.12 – Forensics; forensic activity; operational investigation

Уголовно-исполнительное законодательство определяет две основные цели функционирования уголовно-исполнительной системы: исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Розыскная работа сотрудников оперативных подразделений уголовно-ис-

полнительной системы, несомненно, имеет важное значение для достижения цели предупреждения преступлений.

Определений термина «розыск» в современной и ретроспективной литературе существует достаточно много. В толковом словаре С. И. Ожегова розыск определяется как поиск, разыскивание кого/чего-нибудь;

деятельность правоохранительных органов по установлению местонахождения уклоняющихся от суда подозреваемых, обвиняемых, осужденных лиц, а также лиц, пропавших без вести; предшествующее суду дознание, собирание улик. Свое легитимное законодательное закрепление термин «розыск» получил в ст. 254 Устава уголовного судопроизводства от 20.11.1864: «При производстве дознания полиция все нужные ей сведения собирает посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением, не производя ни обысков, ни выемок в домах». Здесь розыск – один из видов дознания полиции, который основан на тайных методах расследования. По своей сути он очень схож с современным понятием «оперативно-розыскная деятельность».

Подобный подход к определению сущности розыска в российской криминалистике и теории оперативно-розыскной деятельности сохранялся примерно до середины XX в. В. А. Лукашов в 1963 г. впервые выступил против широкого толкования термина «розыск» и определил его как «поиск уже известных правоохранительным органам объектов: совершивших побег осужденных, скрывшихся преступников, без вести пропавших лиц и иных категорий разыскиваемых». Данный подход прочно закрепился в теории оперативно-розыскной деятельности и актуален по настоящий момент.

В специальной литературе, а также практической деятельности под розыскной работой (розыском) сотрудников оперативных подразделений Федеральной службы исполнения наказаний понимается базирующаяся на уголовном, уголовно-процессуальном, уголовно-исполнительном, оперативно-розыскном законах и т. д., отдельных подзаконных, локальных нормативных актах комплексная система оперативно-розыскных, уголовно-процессуальных, административно-правовых и иных мероприятий, осуществляемых в рамках специального делопроизводства (дела оперативного учета) уполномоченными на то законом лицами и направленными на установление местонахождения подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и осужденных, совершивших побег и уклоняющихся от отбывания наказания в виде лишения свободы.

Розыск лиц, уклоняющихся от отбывания наказания, а также лиц, совершивших побег из мест лишения свободы, является важной задачей, которая стоит перед сотрудниками оперативных подразделений исправительных учреждений. Выполняя функцию

по изоляции осужденных от общества на основании вынесенных приговоров, а также помогая им в исправлении и социальной адаптации, сотрудники уголовно-исполнительной системы участвуют в предупреждении и профилактике уголовных преступлений и тем самым способствуют созданию гарантий безопасности для граждан страны [3, с. 97]. Как показывает практика, значительная часть лиц, совершивших побег и уклонившихся от отбывания наказания, не стремится к законному труду и, как следствие, совершает новые преступления.

Розыскная работа является самостоятельным направлением деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы.

В зависимости от территориальных границ осуществления оперативно-розыскных мероприятий розыск делится на четыре основных вида: местный (проводится в пределах одного субъекта Российской Федерации), федеральный (проводится на всей территории Российской Федерации), межгосударственный (обнаружение разыскиваемых лиц за пределами государства – инициатора розыска, но на территории стран – участников СНГ), международный (розыск лиц на всей территории земного шара). Причем при классификации розыска по указанным параметрам важно применение системы оперативно-справочных учетов. Сотрудники оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы активно взаимодействуют с сотрудниками иных правоохранительных органов по розыску осужденных на всех уровнях. Но если на межгосударственном и международном уровнях взаимодействие осуществляется в информационном и консультационном аспектах, то на местном и федеральном нередко непосредственное участие сотрудников уголовно-исполнительной системы, выполнение ими поручений и распоряжений по заданию сотрудников правоохранительных органов.

Необходимо отметить, что уклонение осужденных к наказаниям без изоляции от общества от контроля уголовно-исполнительных инспекций (в отличие от побегов из учреждений уголовно-исполнительной системы), как правило, не влечет за собой дополнительного уголовного наказания. Тем не менее оно также направлено против правосудия, препятствует нормальному исполнению приговора.

Первоначальный этап розыска лиц, уклонившихся от отбывания наказания, не свя-

занного с лишением свободы, составляет комплекс мероприятий по опросу родственников осужденного, иных граждан, которым могут быть известны сведения о его местонахождении, наведению справок в организации, где работал осужденный, медицинских учреждениях, бюро регистрации несчастных случаев, поиску сведений о его возможном местонахождении, проверке по учетам органов внутренних дел с целью выявления лица среди задержанных, арестованных.

Розыскная деятельность сотрудников оперативных подразделений ФСИН России имеет несколько отличительных признаков, к которым относятся:

- ведомственный нормативно-правовой характер;
- комплекс применяемых средств и методов;
- взаимодействие с правоохранительными органами в сфере розыска.

Законодательными актами, регламентирующими розыскную деятельность сотрудников оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы, являются как федеральные законы, так и локальные нормативные акты. Основным среди них выступают Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Одной из задач оперативно-розыскной деятельности в нем называется «осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших». Там же приводится закрытый перечень допустимых оперативно-розыскных мероприятий, определены условия и основания их проведения.

В уголовно-процессуальном законодательстве также закреплены основания проведения розыска (ст. 210, 238, 253 УПК РФ).

Согласно ст. 84 УИК РФ задачей оперативно-розыскной деятельности в исправительном учреждении помимо прочего является «розыск в установленном порядке осужденных, совершивших побег из исправительных учреждений, а также осужденных, уклоняющихся от отбывания лишения свободы».

К локальным нормативным актам можно отнести ведомственные приказы, инструкции, распоряжения, указания, которые зачастую носят закрытый характер. Локальные нормативные акты утверждаются основным органом исполнительной власти, курирующим розыскную работу в уголовно-исполнительной системе, – Федеральной службой

исполнения наказаний. Но также существуют и совместные (межведомственные) приказы и инструкции, которые устанавливают субъектов розыскной деятельности, в том числе активно взаимодействующих с сотрудниками уголовно-исполнительной системы:

- органы внутренних дел;
- органы государственной безопасности;
- таможенные органы;
- органы службы государственной охраны;
- органы судебных приставов;
- органы МЧС.

Оперативно-розыскное законодательство позволяет выделить круг субъектов, которые вправе проводить розыскную работу:

- сотрудники оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы, обладающие полномочиями в полном объеме осуществлять все виды оперативно-розыскных мероприятий;
- сотрудники иных подразделений уголовно-исполнительной системы, включенные в состав розыскных групп, по ориентировкам, информационным бюллетеням и иным основаниям привлеченные к розыску осужденных;
- сотрудники уголовно-исполнительных инспекций, осуществляющие первоначальные розыскные мероприятия в отношении осужденных без изоляции от общества, уклонившихся от контроля уголовно-исполнительной инспекции или отбывания наказания;
- сотрудники оперативных подразделений иных правоохранительных органов, осуществляющие розыскную деятельность по заданиям и поручениям розыскных подразделений уголовно-исполнительной системы, совместным планам, при проведении совместных рейдов, иных мероприятий;
- отдельные граждане, оказывающие добровольное гласное или конфиденциальное содействие сотрудникам оперативных подразделений [2, с. 5].

Одним из основных субъектов розыскной работы выступают оперативные подразделения уголовно-исполнительной системы. Осужденные, уклоняющиеся от отбывания наказания в виде лишения свободы или совершившие побег из мест лишения свободы, объявляются в международный розыск при условии, что они осуждены к наказанию в виде лишения свободы на срок не менее четырех месяцев. На сотрудников оперативных подразделений ФСИН России возложены задачи по розыску лиц, совершивших

побег из учреждений уголовно-исполнительной системы и уклоняющихся от отбывания наказаний в виде лишения свободы, оказанию содействия при проведении первоначальных оперативно-розыскных мероприятий в отношении лиц, скрывающихся от контроля уголовно-исполнительных инспекций.

Объектами розыскной работы оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы являются лица, совершившие преступления, предусмотренные ст. 313, 314, 314.1 УК РФ, а также осужденные без изоляции от общества, уклонившиеся от отбывания наказания и контроля уголовно-исполнительной инспекции.

В соответствии с указаниями руководства Федеральной службы исполнения наказаний проводятся постоянные проверки по имеющимся справочным оперативным учетам Министерства внутренних дел Российской Федерации с целью установления лиц, находящихся в федеральном, межгосударственном и международном розыске и отбывающих наказание под чужими установочными данными. Постоянно осуществляется взаимодействие с другими правоохранительными органами, в том числе зарубежных стран: исполняются запросы и розыскные задания по установлению местонахождения лиц, числящихся в межгосударственном розыске. Таким образом, круг субъектов розыскной работы достаточно широк и требует организации четкого взаимодействия и координации совместных действий.

При розыске лиц, совершивших побег из исправительных учреждений либо уклонившихся от отбывания наказания, должны использоваться возможности органов внутренних дел, иных правоохранительных органов, а также следственных органов. В связи с этим осуществление розыскных мероприятий предусматривает необходимость тесного взаимодействия оперативных подразделений исправительных учреждений с другими подразделениями уголовно-исполнительной системы, органов внутренних дел и иных правоохранительных органов. В качестве примера можно привести взаимодействие сотрудников оперативных подразделений Федеральной службы исполнения наказаний и сотрудников органов внутренних дел по розыску лиц, совершивших побег, которое выражается в следующем:

– совместном планировании розыскных мероприятий на случай побега. Взаимодействие на данном направлении регла-

ментировано рядом совместных приказов и инструкций. В нормативных актах определена процедура передачи в подразделения розыска уголовно-исполнительной системы розыскных дел в отношении лиц, совершивших побег из учреждений уголовно-исполнительной системы или уклоняющихся от наказания в виде лишения свободы. До этого розыскные дела вели розыскные подразделения органов внутренних дел. Такое распределение обязанностей позволяет без дублирования работы эффективно вести розыск;

– совместном осуществлении розыскных мероприятий в районе места побега. Розыскные подразделения органов внутренних дел обязаны заводить дубликаты розыскных дел по розыску осужденных за особо тяжкие преступления, а также вызвавших большой общественной резонанс, если на территории их оперативного обслуживания будут установлены связи бежавшего. Основанием для заведения дубликата розыскного дела выступают материалы органов уголовно-исполнительной системы;

– осуществлении оперативно-розыскной деятельности в порядке, установленном действующим законодательством при объявлении разыскиваемого в федеральный или международный розыск. Согласно положениям приказов и инструкций при объявлении федерального розыска осужденных используются возможности Главного информационно-аналитического центра МВД России. Статистические карточки на заведенные розыскные дела и лиц, объявленных в розыск, направляются в подведомственные ГИАЦ МВД России учреждения. Через филиалы Национального центрального бюро Интерпола МВД России осуществляются запросы об установлении местонахождения осужденного на территории иностранных государств. Кроме того, на оперативные подразделения органов внутренних дел возлагается организация комплекса оперативно-розыскных мероприятий в отношении разысканных осужденных по месту задержания с целью установления фактов совершения преступлений в розыске, а также возможного получения информации в отношении других лиц, скрывшихся от правоохранительных органов [1, с. 20].

Нельзя не учитывать и экономические потери, которые несет государство в связи с уклонением преступников от отбывания наказания: существенно затрудняется возмещение материального ущерба, нанесенного потерпевшим от преступления гражданам;

на проведение мероприятий, связанных с розыском и задержанием бежавших, а также на раскрытие и расследование вновь совершенных преступлений отвлекаются значительные силы и средства.

Таким образом, розыск лиц, совершивших побег из учреждений уголовно-исполнительной системы и уклонившихся от отбывания наказания, обеспечивая нормальные условия исполнения приговоров суда, является вместе с тем одним из важных средств предупреждения повторной преступности.

Задача по розыску осужденных предполагает осуществление специальной розыскной работы, которая не отождествляется только с проведением целевых оперативно-розыскных мероприятий, а носит комплексный характер. Розыскная работа – это комплексная система оперативно-розыскных, уголовно-процессуальных, административно-правовых и иных мероприятий, осуществляемых в рамках особого делопроизводства и направленных на обнаружение местонахождения разыскиваемых лиц.

Системный и комплексный характер розыскной работы предполагает активное участие в ней всех отделов и служб исправительных учреждений, органов внутренних дел и иных правоохранительных органов.

Успех розыскной работы определяется активным использованием сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности. Это требует от руководителей учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, органов внутренних дел, оперативных подразделений и оперативных работников совершенствования оперативной работы, организации эффективного обслуживания объектов оперативного учета, в том числе в непосредственной близости от исправительных учреждений, на территории административных районов по месту вероятного появления разыскиваемых лиц.

В процессе установления лиц, совершивших побег, уклонившихся от отбывания наказания, особое значение должно придаваться привлечению к конфиденциальному содействию тех отдельных граждан, которые были знакомы с разыскиваемыми в условиях свободы до их ареста и осуждения. Для этого оперативные подразделения уголовно-исполнительной системы устанавливают необходимое взаимодействие с сотрудниками иных правоохранительных органов. На оперативных работников органов внутренних дел возлагается проведение оперативных мероприятий по выявлению скрывающихся преступников среди граждан, прибывающих из других районов страны и работающих на

объектах их оперативного обслуживания. К проведению розыскных мероприятий могут привлекаться сотрудники специальных подразделений, которые осуществляют скрытое наблюдение и оперативные установки в адресах связей разыскиваемых, выявляют их инициативным путем в местах вероятного появления, проводят оперативно-технические мероприятия [5, с. 30].

Тем не менее стоит отметить, что в организации розыскной деятельности сотрудников оперативных подразделений Федеральной службы исполнения наказаний существует целый комплекс проблем:

1) взаимодействие происходит в основном с оперативно-техническими подразделениями уголовно-исполнительной системы, подразделениями полиции, реже – с оперативно-поисковыми подразделениями;

2) мероприятия, проводимые с целью розыска, зачастую носят оперативно-технический характер;

3) оперативно-поисковые мероприятия проводятся только в форме оперативных установок, скрытого наблюдения собственными силами, реже – разведывательного поиска;

4) в процессе розыска непосредственно перед задержанием сотрудники оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы редко пользуются табельным оружием и индивидуальными средствами защиты;

5) в ряде территориальных органов ФСИН России занятия по тактическим приемам розыска в рамках служебной подготовки редко проводятся либо сводятся к изучению нормативных актов, не осуществляется анализ конкретных ситуаций по розыску;

6) малое количество автотранспорта, недостаточный объем выделяемых горюче-смазочных материалов, проблемы с командировками, отсутствие документов прикрытия, слабое информационное обеспечение.

Решение указанных выше проблем будет способствовать эффективности розыска лиц, совершивших побег или уклоняющихся от отбывания наказания в виде лишения свободы.

Более полная и точная правовая регламентация организации розыска и задержания лиц, совершивших побег из исправительных учреждений или уклоняющихся от отбывания уголовного наказания, позволит эффективнее решать поставленные перед уголовно-исполнительной системой задачи.

Лишь комплексное решение накопившихся проблем в обозначенной сфере и

приведение порядка и условий отбывания наказания осужденных в соответствие с целями и задачами уголовно-исполнительного законодательства позволят уменьшить число осужденных, находящихся в розыске

и скрывающихся от отбывания наказания, а также более эффективно организовать розыскную работу оперативных и иных подразделений уголовно-исполнительной системы [4, с. 102].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакунчев, А. Г. Понятие, сущность розыскной работы оперативных подразделений ФСИН России и проблемы, возникающие при ее организации / А. Г. Бакунчев // Вестник Кузбасского института. – 2011. – № 5 (8). – С. 18–23.
2. Долматов, В. Т. Организация розыскной работы оперативных подразделений учреждений и органов уголовно-исполнительной системы: учебное пособие / В. Т. Долматов. – Владимир, 2010. – 89 с.
3. Котляров, И. Д. Новый взгляд на функции уголовно-исполнительной системы: сервисный подход / И. Д. Котляров // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2014. – № 1. – С. 95–99.
4. Кутуков, С. А. Актуальные проблемы розыска лиц, осужденных к наказаниям без изоляции от общества / С. А. Кутуков, С. Н. Смирнов // Человек: преступление и наказание. – 2016. – № 3. – С. 100–104.
5. Мальчук, О. И. Оперативно-розыскная профилактика преступности в исправительных учреждениях: теоретический аспект / О. И. Мальчук, А. А. Нуждин // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2018. – № 1. – С. 29–31.

REFERENCES

1. Bakunchev A. G. Ponyatie, sushchnost' rozysknoy raboty operativnykh podrazdelenij FSIN Rossii i problemy, vznikayushchie pri ee organizacii [The concept, essence of the search work of the operational units of the Federal Penal Service of Russia and the problems arising from its organization]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta – Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2011, no. 5 (8), pp. 18–23. (In Russ.).
2. Dolmatov V. T. *Organizaciya rozysknoy raboty operativnykh podrazdelenij uchrezhdenij i organov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy* [Organization of investigative work of operational units of institutions and bodies of the penal system]. Vladimir, 2010. 89 p. (In Russ.).
3. Kotlyarov I. D. Novyj vzglyad na funkicii ugolovno-ispolnitel'noj sistemy: servisnyj podhod [A new look at the functions of the penal system: a service approach]. *Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta – Legal Bulletin of Dagestan State University*, 2014, no. 1, pp. 95–99. (In Russ.).
4. Kutukov S. A., Smirnov S. N. Aktual'nye problemy rozyska lic, osuzhdennykh k nakazaniyam bez izolyacii ot obshchestva [Actual problems of the search for persons sentenced to panishments without isolation from society]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment*, 2016, no. 3, pp. 100–104. (In Russ.).
5. Mal'chuk O. I., Nuzhdin A. A. Operativno-rozysknaya profilaktika prestupnosti v ispravitel'nykh uchrezhdeniyah: teoreticheskij aspekt [Detective crime prevention in correctional facilities: theoretical aspect]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie – Penal System: Law, Economics, Management*, 2018, no. 1, pp. 29–31. (In Russ.).

УДК 342.9

Административно-правовое обеспечение исполнения уголовных наказаний учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы: постановка проблемы

Е. В. СЕНАТОВА – доцент кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Реферат

В статье акцентируется внимание на недостаточности административно-правового обеспечения исполнения уголовных наказаний учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы. Автор отмечает, что до настоящего времени отечественная наука административного права не выработала комплексного взгляда на роль и место административно-правовых средств в системе правового обеспечения обозначенной сферы.

Обосновывается необходимость разработки концепции административно-правового обеспечения исполнения уголовных наказаний учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы, в рамках которой следует четко обозначить основные пути и способы воздействия административного права на соответствующие общественные отношения.

Определен круг проблем, на которые необходимо обратить внимание при формировании указанной концепции. Первый их блок касается сущности применения норм административного права в процессе исполнения уголовных наказаний, второй сводится к содержанию административно-правового обеспечения исполнения уголовных наказаний, третий охватывает специфику субъектов применения норм административного права в сфере исполнения уголовных наказаний, четвертый раскрывает существо индивидуальной административно-правовой регламентации рассматриваемых общественных отношений, которое состоит в выработке на основе норм административного права обязательных установок, адресованных персонально определенным субъектам. По мнению автора, все это возможно осуществить в рамках комплексного исследования вопросов административно-правового обеспечения сферы исполнения уголовных наказаний.

Ключевые слова: административно-правовое обеспечение; исполнение уголовных наказаний; концепция.

12.00.14 – Административное право; административный процесс

Administrative and legal support for the execution of criminal sentences by institutions and authorities of the penal system: problem statement

E. V. SENATOVA – Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

Abstract

The article focuses on the insufficiency of administrative and legal support for the execution of criminal sentences by institutions and bodies of the penal system. The author notes that to date the domestic science of administrative law has not developed a comprehensive view of the role and place of administrative-legal means in the legal system of the indicated sphere.

The necessity of developing a concept of administrative and legal support for the execution of criminal sentences by institutions and bodies of the penal system is justified, within the framework of which the main ways and means of influencing administrative law on relevant public relations should be clearly defined.

The circle of problems that need to be addressed when forming this concept is defined. Their first block deals with the essence of the application of administrative law in the process of executing criminal sentences, the second is reduced to the content of administrative and legal support for the execution of criminal sentences, the third covers the specifics of the subjects of application of administrative law in the field of criminal penalties, the fourth reveals the essence of the individual administrative and legal regulation of public relations, which consists in the development on the basis of administrative law plant installations addressed to personally defined subjects. According to the authors opinion all this is possible to carry out as part of a comprehensive study of administrative and legal issues in the field of criminal penalties.

Key words: administrative and legal support; execution of criminal sentences; concept.

12.00.14 – Administrative law; administrative process

Исполнение уголовных наказаний является разновидностью деятельности системы государственных учреждений и органов, состоящей в реализации наказаний в отношении осужденных уполномоченными на то субъектами. Исполнением большинства уголовных наказаний занимаются учреждения и органы уголовно-исполнительной системы во главе с Федеральной службой

исполнения наказаний, которая в настоящее время находится в ведении Министерства юстиции Российской Федерации, а то в свою очередь – в ведении президента.

Уголовно-исполнительную систему, помимо ФСИН России, образуют территориальные управления в субъектах Российской Федерации (некоторое время назад и в федеральных округах) и учреждения и органы

уголовно-исполнительной системы, непосредственно исполняющие уголовные наказания. Таким образом, система пенитенциарных учреждений и органов в нашей стране представлена несколькими уровнями и является частью государственного аппарата, имеющего своей целью противодействие преступности.

Длительное время уголовно-исполнительная система в основном изучалась и во многом продолжает исследоваться с позиций отраслей уголовно-правового блока, хотя сферу правового регулирования исполнения уголовных наказаний, без сомнения, необходимо расширять, не ограничиваясь развитием только уголовно-исполнительного законодательства [11, с. 44].

Закономерно, что в сфере исполнения уголовных наказаний и применения иных мер уголовно-правового характера важными представляются множество правоотношений, так или иначе влияющих на достижение целей уголовного наказания либо обеспечивающих данный процесс. Согласимся с мнением В. Н. Чорного о том, что такое расширение предмета уголовно-исполнительного права может привести к универсализации отрасли и неразберихе как в предмете, так и в принципах ее построения, средствах исправительного воздействия, что в итоге способно вызвать отрыв теоретической части уголовно-исполнительного права от системы исполнения уголовных наказаний [15, с. 60].

В связи с этим серьезную значимость приобретают вопросы обособленности уголовно-исполнительных правоотношений, разграничения их и правоотношений, имеющих иную правовую природу, а также взаимодействия с последними.

Правоотношения в сфере исполнения уголовных наказаний носят сложный комплексный характер, поскольку включают административно-правовые, уголовно-исполнительные и иные составляющие. Сотрудники уголовно-исполнительной системы одновременно являются субъектами и административно-правовых, и уголовно-исполнительных правоотношений в зависимости от того, какие цели и задачи лежат в основе их деятельности. Таким образом, они осуществляют управление уголовно-исполнительным и административно-правовым процессом, но на различных уровнях. При этом административные правоотношения, возникающие по поводу исполнения уголовных наказаний, принимают уголовно-исполнительную специфику и подчиняются целям уголовно-исполнительного законодатель-

ства. Изменение или расширение предмета отрасли уголовно-исполнительного права влечет аналогичные процедуры в предмете административно-правового регулирования в сфере исполнения уголовных наказаний. Так, например, введение обязательных работ и еще ряда новых уголовных наказаний, электронных браслетов для осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, способствовало расширению предмета административно-правового регулирования в данных сферах.

В то же время согласимся с В. И. Селиверстовым в том, что уголовно-исполнительное законодательство должно базироваться на достижениях научной мысли, отраженных в концептуальных документах и нормах административного и иного законодательства [8, с. 27].

Цель нашего исследования связана с определением предмета административно-правового регулирования при исполнении уголовных наказаний, поэтому в центре анализа находятся общественные отношения, возникающие на стыке отраслей административного и уголовно-исполнительного права. При этом в качестве ядра предмета мы рассматриваем общественные отношения, связанные с исполнением уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, применением к осужденным средств исправления. Этому мнению придерживаются представители классической школы уголовно-исполнительного права И. В. Шмаров, В. И. Селиверстов и др. [12, с. 16; 13, с. 32].

Некоторые авторы предлагают иное понимание предмета отрасли уголовно-исполнительного права. Так, В. А. Уткин, в целом разделяя представления классической школы, предметом уголовно-исполнительного права предлагает именовать уголовно-исполнительную деятельность, которую определяет как «общественные отношения, возникающие по поводу осуждения, назначенного наказания, иной меры уголовно-правового характера и направленные на их реализацию» [14, с. 41]. Сущностное содержание уголовно-исполнительной деятельности близко к понятию предмета уголовно-исполнительного права, предлагаемого представителями классической школы уголовно-исполнительного права, но не тождественно ему. Уголовно-исполнительная деятельность, на наш взгляд, несколько однобокое понятие, так как подразумевает под собой, прежде всего, деятельность учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания. Нам ближе определение

предмета уголовно-исполнительного права как именно общественных отношений, возникающих между субъектами уголовно-исполнительных отношений, а не самой уголовно-исполнительной деятельности.

Ряд ученых предлагают расширить предмет уголовно-исполнительного права за счет включения отношений по реализации мер пресечения в отношении обвиняемых, подозреваемых (содержание под стражей, домашний арест и др.) [10, с. 26], социальной адаптации освобождаемых из мест лишения свободы [5, с. 19], исполнению административных наказаний (административного ареста, обязательных работ, лишения специального права и т. д.), осуществлению административного надзора за отдельными категориями освобождаемых из мест лишения свободы [1, с. 15–16]. Однако, на наш взгляд, упомянутые общественные отношения явно противоречат самой природе уголовно-исполнительного права.

В то же время предмет административно-правового регулирования сферы исполнения уголовных наказаний, как нам представляется, составляют те общественные отношения, которые связаны с административной, организующей деятельностью учреждений и органов уголовно-исполнительной системы по обеспечению исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, применения к осужденным средств исправления. Они нуждаются в формировании системы действенных административно-правовых средств, которые могли бы сделать функционирование уголовно-исполнительной системы более эффективным вне зависимости от того, касается ли это организации работы, взаимодействия учреждений и органов, их отделов и служб, работников либо взаимоотношений УИС с гражданами, юридическими лицами, органами государственной власти и местного самоуправления, общественными объединениями и другими институтами гражданского общества.

До настоящего времени отечественная наука административного права не выработала комплексного представления о роли и месте административно-правовых средств в системе правового обеспечения сферы исполнения уголовных наказаний. Необходима концепция административно-правового обеспечения данных общественных отношений. В рамках ее следует четко определить основные пути и способы воздействия административного права на общественные отношения в сфере исполнения уголовных наказаний, причем не только существующие,

но и те, которые будут актуальны в будущем. При этом необходимо понимать, что административно-правовое регулирование, будучи отраслевым, имеет прикладное значение по отношению к общему понятию правового регулирования сферы исполнения уголовных наказаний. На него влияет большое количество факторов: политическая ситуация в стране и за рубежом, социальные и экономические процессы в обществе, уголовная и уголовно-исполнительная политика, развитие науки, отраслей административного и уголовно-исполнительного права, правоприменительной практики и др. Каждый из них нуждается в самостоятельном осмыслении.

Различные аспекты развития и правового обеспечения деятельности системы государственных учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, на протяжении многих лет исследуются российскими учеными.

Вместе с тем в настоящее время ощущается острый недостаток комплексных научных работ, в полной мере раскрывающих административно-правовые аспекты государственного управления сферой исполнения уголовных наказаний. Данной научной проблематике уделяется мало внимания, она остается в тени исследований науки управления и уголовно-исполнительного права.

Проблемы административно-правовой организации управления деятельностью исправительных учреждений получили освещение в научных трудах М. Г. Деткова, А. В. Верещагиной, В. Б. Романовской, В. А. Рогова, Р. В. Нагорных [7, с. 5], И. Л. Бачило, О. С. Кузьминой, Л. И. Беляевой, Е. А. Скрипилева и др.

Отдельные направления деятельности органов и учреждений УИС изучались такими учеными, как А. И. Зубков, В. И. Селиверстов, А. Е. Наташев, Б. Б. Казак, А. С. Михлин, Н. А. Стручков, В. Е. Южанин, С. Х. Шамсунов, А. Г. Чириков, В. У. Ялунин и др.

Ряд направлений административно-правового обеспечения сферы исполнения уголовных наказаний освещен в монографических и диссертационных исследованиях А. В. Каляшина, Н. А. Мельниковой, В. А. Поникарова, С. М. Зубарева и др. [2; 3; 4; 6; 9], хотя некоторые из них уже не вполне отвечают действующим реалиям [3].

Что касается обеспечения сферы исполнения уголовных наказаний нормами административного права, то их явно недостаточно. В основном ситуация в данной области сводится к принятию комплексных законов

по отдельным направлениям деятельности уголовно-исполнительной системы, например Закона Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы».

В рамках административного законодательства существуют и отдельные федеральные законы, касающиеся, например, кадрового обеспечения уголовно-исполнительной системы. К таковым относится принятый 19 июля 2018 г. федеральный закон № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”».

Однако и этот, и ряд других федеральных законов нуждаются в обеспечении системой подзаконных нормативно-правовых актов, а не в точечном вспомогательном законотворчестве. Необходимость ведомственной нормативной регламентации в пенитенциарной сфере обусловлена потребностью в том, чтобы разгрузить закон, освободить его от деталей технологического, процедурного порядка. К этому же призывает и динамическое развитие политической, правовой, экономической и социальных сфер государства.

К усовершенствованию ведомственной нормативно-правовой базы подталкивает и правоприменительная практика. Так, несмотря на принятие в 2001 г. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и потребности правоприменителей, ведомственный акт о перечне должностных лиц, уполномоченных осуществлять административное задержание, появился только в 2013 г., требования же к местам, где содержатся такие лица в учреждениях и органах УИС, до сих пор не разработаны.

Нередки случаи обнаружения в уголовно-исполнительном законодательстве отдельных вкраплений норм административного права. Они касаются, например, подачи осужденными обращений, контроля и надзора за уголовно-исполнительной системой, посещения исправительных учреждений.

Насколько такая ситуация в уголовно-исполнительном законодательстве оправдана и обоснована, еще предстоит выяснить.

Существует несколько блоков проблем, исследование которых, на наш взгляд, составляет перспективное направление, открывающее новые возможности для совер-

шения науки, административного законодательства и правоприменительной практики в рассматриваемой сфере.

Первый блок касается сущности применения норм административного права в процессе исполнения уголовных наказаний и имеет методологическое значение.

Второй блок сводится к содержанию административно-правового обеспечения исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы и не связанных с изоляцией от общества.

Третий блок охватывает специфику субъектов применения норм административного права в сфере исполнения уголовных наказаний, их место и роль в системе средств обеспечения интересов государства, общества и личности.

Четвертый блок раскрывает существо индивидуальной административно-правовой регламентации рассматриваемых общественных отношений, которое заключается в выработке на основе норм административного права обязательных установок, адресованных персонально определенным субъектам. Такого рода деятельность представлена в соответствующих формах, а ее результатом является правоприменительный акт, входящий в механизм административно-правового регулирования сферы исполнения уголовных наказаний в качестве одного из самостоятельных элементов.

Для решения обозначенных проблем необходимо, на наш взгляд:

1. Определить сущность категории «предмет административно-правового регулирования сферы исполнения уголовных наказаний», разграничить его с предметом уголовно-исполнительного регулирования. В настоящее время уголовно-исполнительное законодательство иногда выходит за рамки предмета уголовно-исполнительного права, включая в себя нормы других отраслей права, в том числе и административного. Необходимо установить, насколько это оправдано с позиций теории права и правоприменительной практики, целесообразно и аргументировано. Ведь такое расширение предмета уголовно-исполнительного законодательства может привести к универсализации этой отрасли и неразберихе как в предмете, так и в принципах ее построения, разночтениях при применении.

2. Исходя из понятия предмета административно-правового регулирования сферы исполнения уголовных наказаний, классифицировать административно-правовые отношения, в него входящие и нуждающиеся

в обеспечении административно-правовыми средствами. В практической плоскости классификация обеспечит научный подход к выбору оптимальных форм административно-правового регулирования сферы исполнения уголовных наказаний.

3. Исследовать понятие административно-правового средства обеспечения исполнения уголовных наказаний, установив суть диалектической взаимосвязи между ним и такими категориями, как правовое средство и административно-правовое средство, выработать критерии классификации данных средств.

4. Систематизировать административное законодательство в сфере исполнения уголовных наказаний, назвав его обеспечительным, для чего предложить в качестве критериев следующие направления:

- нормы административного права, обеспечивающие исполнение отдельных видов уголовных наказаний;

- нормы административного права, регулирующие отдельные направления деятельности уголовно-исполнительной системы (кадровое обеспечение, пенсионное обеспечение, юрисдикционные полномочия учреждений и органов УИС, деятельность учреждений и органов УИС в режиме особых условий (чрезвычайные ситуации, стихийные бедствия, военное положение и т. п.), контрольные полномочия и т. д.);

- нормы административного права, обеспечивающие взаимодействие учреждений и органов УИС с органами государственной власти и местного самоуправления, институтами гражданского общества, включая общественные объединения, гражданами, юридическими лицами.

5. Определить пути и тенденции повышения эффективности обеспечения кадрами исполняющих уголовные наказания учреждений и органов как основного звена, реализующего административно-правовые средства сопровождения исполнения уголовных наказаний, после принятия Федерального закона от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учрежде-

ниях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”».

6. Внести предложения по закреплению новых административно-правовых средств обеспечения исполнения уголовных наказаний и усовершенствованию имеющихся.

Все это возможно сделать в рамках комплексного исследования проблемы административно-правового обеспечения сферы исполнения уголовных наказаний, которого до настоящего момента не проводилось.

Существует потребность в разработке концепции административно-правового обеспечения исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, применения к осужденным средств исправления учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы. Заметим, что исполнением уголовных наказаний занимаются и другие субъекты: судебные приставы, суды, командование воинских частей, военная полиция Вооруженных Сил Российской Федерации. Однако административно-правовое обеспечение этого направления исполнения уголовных наказаний нуждается в отдельном осмыслении и исследовании.

Научная новизна такого исследования будет определяться необходимостью разработки концепции административно-правового обеспечения сферы исполнения уголовных наказаний, через которую последнее предстанет как целостная система, состоящая из административно-правых средств обеспечения исполнения наказаний в виде лишения свободы и не связанных с изоляцией осужденного от общества.

Также необходимо принимать во внимание современные условия, в которых осуществляется государственное управление и реализуется государственная политика в сфере исполнения уголовных наказаний, на которые влияют динамично меняющиеся политические, экономические, социальные и духовные факторы, что требует постоянного критического осмысления действующего законодательства, практики его применения и внесения аргументированных научно обоснованных предложений по его усовершенствованию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Горобцов, В. И.** Проблемы реализации мер постпенитенциарного воздействия: вопросы теории и практики : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / В. И. Горобцов. – Екатеринбург, 1995. – 30 с.
2. **Зубарев, С. М.** Теория и практика контроля за деятельностью персонала пенитенциарной системы : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / С. М. Зубарев. – Москва, 2006. – 50 с.
3. **Каляшин, А. В.** Административно-правовой статус сотрудника уголовно-исполнительной системы : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / А. В. Каляшин. – Москва, 2008. – 26 с.

4. **Каляшин, А. В.** Государственная служба в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: теория и практика развития : монография / А. В. Каляшин. – Владимир, 2018. – 100 с. – ISBN 536-901-5880.
5. **Королева, Е. В.** Предмет, цели и задачи уголовно-исполнительного права : монография / Е. В. Королева. – Москва : Изд-во АФ МОСА, 2010. – 82 с. – ISBN 978-5-89774-197-2.
6. **Мельникова, Н. А.** Административная деятельность учреждений Федеральной службы исполнения наказаний : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Н. А. Мельникова. – Москва, 2011. – 23 с.
7. **Нагорных, Р. В.** Административно-правовое регулирование государственной службы Российской Федерации в правоохранительной сфере : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Р. В. Нагорных. – Москва, 2017. – 40 с.
8. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под редакцией В. И. Селиверстова. – Москва : Юриспруденция, 2017. – 328 с. – ISBN 978-5-9516-0789-8.
9. **Поникаров, В. А.** Теоретико-прикладные основы организации и осуществления административно-юрисдикционной деятельности в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / В. А. Поникаров. – Рязань, 2009. – 52 с.
10. Российское уголовно-исполнительное право: учебник : в 2 т. Т. 1. Общая часть / Ю. А. Кашуба, В. Б. Калинин, В. Н. Орлов [и др.] ; под редакцией В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. – Москва : МГЮА им. О. Е. Кутафина, 2010. – 344 с. – ISBN 978-5-902406-08-2.
11. **Сенатова, Е. В.** Предмет административно-правового регулирования при исполнении уголовных наказаний / Е. В. Сенатова // Административное право и процесс. – 2018. – № 9. – С. 44–48.
12. Уголовно-исполнительное право : учебник / под общей редакцией профессора И. В. Шмарова. – Москва : БЕК, 1996. – 418 с. – ISBN 5-85639-131-4.
13. Уголовно-исполнительное право России : учебник / под редакцией В. И. Селиверстова. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма, Инфра-М, 2012. – 543 с. – ISBN 978-5-91768-246-4.
14. **Уткин, В. А.** Уголовно-исполнительная деятельность и предмет уголовно-исполнительного права / В. А. Уткин // Уголовно-исполнительное право. – 2016. – № 2 (24). – С. 39–43.
15. **Чорный, В. Н.** Предмет уголовно-исполнительного права и его отражение в уголовно-исполнительном законодательстве / В. Н. Чорный // История и современное состояние пенитенциарной науки, медицины и практики исполнения наказаний : международная научно-практическая конференция (9–10 апреля 2009 г.). – Москва : НИИ ФСИН России, 2009. – С. 60–64.

REFERENCES

1. Gorobcov V. I. *Problemy realizacii mer postpenitenciarного vozdejstviya: voprosy teorii i praktiki*. Avtoref. diss. dokt. yurid. nauk [Problems of implementing measures of post-prison impact: issues of theory and practice. Author's abstract of the diss. Dsc. in Law]. Yekaterinburg, 1995. 30 p. (In Russ.).
2. Zubarev S. M. *Teoriya i praktika kontrolya za deyatel'nost'yu personala penitenciarной системы*. Avtoref. diss. dokt. yurid. nauk [Theory and practice of monitoring the activities of the staff of the penal system. Author's abstract of the diss. Dsc. in Law]. Moscow, 2006. 50 p. (In Russ.).
3. Kalyashin A. V. *Administrativno-pravovoj status sotrudnika ugovolno-ispolnitel'noj sistemy*. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Administrative and legal status of a member of the penal system. Author's abstract of the diss. PhD. in Law]. Moscow, 2008. 26 p. (In Russ.).
4. Kalyashin A. V. *Gosudarstvennaya sluzhba v uchrezhdeniyah i organah ugovolno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii: teoriya i praktika razvitiya* [Public service in institutions and bodies of the penal system of the Russian Federation: theory and practice of development]. Vladimir, 2018. 100 p. (In Russ.).
5. Koroleva E. V. *Predmet, celi i zadachi ugovolno-ispolnitel'nogo prava* [The subject, goals and objectives of criminal enforcement law]. Moscow, 2010. 82 p. (In Russ.).
6. Mel'nikova N. A. *Administrativnaya deyatel'nost' uchrezhdenij Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazanij*. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Administrative activities of institutions of the Federal Penal Service. Author's abstract of the diss. PhD. in Law]. Moscow, 2011. 23 p. (In Russ.).
7. Nagornyh R. V. *Administrativno-pravovoe regulirovanie gosudarstvennoj sluzhby Rossijskoj Federacii v pravoohranitel'noj sfere*. Avtoref. diss. dokt. yurid. nauk [Administrative and legal regulation of the public service of the Russian Federation in law enforcement. Author's abstract of the diss. Dsc. in Law]. Moscow, 2017. 40 p. (In Russ.).
8. Seliverstov V. I. (red.) *Obshchaya chast' novogo Ugovolno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii: itogi i obosnovaniya teoreticheskogo modelirovaniya* [The general part of the new Penal Code of the Russian Federation: the results and justifications of theoretical modeling]. Moscow, 2017. 328 p. (In Russ.).
9. Poniukarov V. A. *Teoretiko-prikladnye osnovy organizacii i osushchestvleniya administrativno-yurisdikcionnoj deyatel'nosti v ugovolno-ispolnitel'noj sisteme Rossijskoj Federacii*. Avtoref. diss. dokt. yurid. nauk [Theoretical and applied foundations of the organization and implementation of administrative and jurisdictional activities in the penal system of the Russian Federation. Author's abstract of the diss. Dsc. in Law]. Moscow, 2009. 52 p. (In Russ.).
10. Eminov V. E., Orlov V. N. (red.) *Rossijskoe ugovolno-ispolnitel'noe pravo v 2 t. T. 1. Obshchaya chast'* [Russian penal law in 2 vol. Vol. 1. General part]. Moscow, 2010. 344 p. (In Russ.).
11. Senatova E. V. *Predmet administrativno-pravovogo regulirovaniya pri ispolnenii ugovolnyh nakazanij* [The subject of administrative regulation in the execution of criminal sentences]. *Administrativnoe pravo i process – Administrative Law and Process*, 2018, no. 9, pp. 44–48. (In Russ.).
12. SHmarov I. V. (red.) *Ugovolno-ispolnitel'noe pravo* [Penal Law]. Moscow, 1996. 418 p. (In Russ.).
13. Seliverstov V. I. (red.) *Ugovolno-ispolnitel'noe pravo Rossii* [Penal Law of Russia]. Moscow, 2012. 543 p. (In Russ.).
14. Utkin V. A. *Ugovolno-ispolnitel'naya deyatel'nost' i predmet ugovolno-ispolnitel'nogo prava* [Criminal executive activity and the subject of criminal executive law]. *Ugovolno-ispolnitel'noe pravo – Penal Law*, 2016, no. 2 (24), pp. 39–43. (In Russ.).
15. CHornyj V. N. *Predmet ugovolno-ispolnitel'nogo prava i ego otrazhenie v ugovolno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve* [The subject of penal law and its reflection in penal legislation]. *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Istoriya i sovremennoe sostoyanie penitenciarной науки, mediciny i praktiki ispolneniya nakazanij»* [International scientific-practical conference «History and current state of the penal science, medicine and practice of the execution of sentences»]. Moscow, 2012, pp. 60–64. (In Russ.).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 615.851:343.8

Сотериологический потенциал развития теоретико-методологических основ юридической психологии и психотерапии осужденных

А. М. ЧИРКОВ – профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор медицинских наук, действительный член Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности;

С. В. КОВАЛЕВ – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по кадрам;

Н. С. ОБОТУРОВА – профессор кафедры философии и истории психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор философских наук, доцент, действительный член Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности

Реферат

В статье обосновывается необходимость включения важнейших категорий «дух» и «духовность» в научную психологию. Показана перспективность дальнейшего развития методологии юридической психологии осужденных на основе анализа духовной сущности человека. Философско-антропологический анализ духовности человека актуализирует важность традиционных консервативных подходов к рассмотрению проблемы, допускающих включение богословских парадигм и принципов в виде совокупности образцов рассуждения, образцов экзегетики Священного Писания и других творений Церкви. С этих позиций рассматривается сотериологический ракурс антропологии и богословия в трудах русских мыслителей. Раскрывается смысл достижения духовности в деле спасения человека и приводится положение И. А. Ильина о том, что вне Бога нет жизни, поскольку Он есть Один Суший и это закон Его Всецелого бытия. Знание этого закона имеет предельный практический смысл не только для раскаяния в совершенном преступлении и исправления осужденных, но и для спасения души каждого человека.

К л ю ч е в ы е с л о в а : методология; юридическая психология; пенитенциарная психотерапия; антропология; богословие; философия и антропология; парадигмы рациональности; психология; осужденные; дух; душа; духовность; бытие; сущее; вечность; спасение; зло; небытие; сознание; ум; познание; развитие; бессмертие; вечность; психика человека; внутренний мир; субъективная реальность; сотериология; осужденные; человек; личность; парадигма; трансцендентность; постнеклассическая наука; либерализм; консерватизм; традиционные воззрения; деструктивная духовность.

19.00.06 – Юридическая психология

Soteriological potential for the development of theoretical and methodological foundations of legal psychology and psychotherapy of convicts

A. M. CHIRKOV – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal

Service of Russia, Dsc. in Medicine, Full Member of the International Academy of Ecology and Life Safety;

S. V. KOVALEV – Deputy Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia for Personnel;

N. S. OBOTUROVA – Professor of the Department of Philosophy and History of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Philosophy, Associate Professor, Full Member of the International Academy of Ecology and Life Safety

Abstract

The article substantiates the need to include the most important categories of «spirit» and «spirituality» in scientific psychology. The prospects of further development of the methodology of the legal psychology of convicts based on the analysis of the spiritual essence of man is presented. A philosophical and anthropological analysis of a person's spirituality actualizes the importance of traditional conservative approaches to considering the problem, allowing for the inclusion of theological paradigms and principles in the form of a set of reasoning samples, exegetical examples of the Holy Scriptures and other creations of the Church. From this perspective the soteriological perspective of anthropology and theology is considered in the works of Russian thinkers. The article reveals the meaning of spiritual achievement in the work of saving a person and gives the position of I. A. Ilyin that there is no life outside of God, since He is the One Existing and this is the law of His Whole Being. Knowledge of this law has ultimate practical meaning not only for repentance of the crime and correction of the convicted, but also for the salvation of the soul of every person.

Key words: methodology; legal psychology; penal psychotherapy; anthropology; theology; philosophy and anthropology; paradigms of rationality; psychology; convicted persons; spirit; soul; spirituality; being; existent; eternity; the rescue; evil; nothingness; consciousness; mind; cognition; development; immortality; eternity; human psyche; inner world; subjective reality; soteriology; convicted persons; person; personality paradigm; transcendence; post-non-classical science; liberalism; conservatism; traditional views; destructive spirituality.

19.00.06 – Legal psychology

Основополагающий теоретический потенциал психотерапии, как и исторические предпосылки ее возникновения, изначально формировался в философских учениях о человеке – его душе, разуме, духовности, воле, чувствах и т. д. В процессе развития психотерапии использовалась большая часть ресурса академических теоретических положений общей и отраслевых разделов психологии: психологии личности, экспериментальной, юридической и других. Позитивистская трактовка духовного мира человека подменила в психологии понятие души психикой, устранив имеющиеся в философии, религии и культуре представления о душе, ее сущности и свойствах. И если первоначально психологами душа не отрицалась, хотя и не изучалась, поскольку требовала философско-метафизического подхода, то позднее она была полностью исключена из сферы их интересов. Понимание психики осуществлялось на основе рациональных воззрений сциентизма, которым в прошлых веках отвечали «объективные» естественно-научные принципы и знания, заменившие традиционный опыт

познания души и духовности человека. Сохраняющаяся практика элиминации души и духа как духовной реальности из научной психологии свидетельствует о неистребимости усилий психологов свести природу идеального и сущность психического к тем или иным материальным субстратам [4; 12]. Их утрата, по мнению Б. С. Братуся, обернулась драмой не только для психологии, но и для науки в целом. Это привело к распаду единства самой психологии, развенчанию нравственных основ жизни личности и исключению высшего (вертикального) измерения внутреннего мира человека. Следствием явились искажение и примитивизация понимания человеческого предназначения, что привело к искаленным, несостоявшимся, уведенным во мрак судьбам [2].

Сегодня научная психология оказалась раздробленной на множество областей и, не давая определений изучаемым явлениям, «не знает, что именно она изучает», поскольку «пока неизвестно, что представляет собой психика как та реальность, которая должна быть ее объектом и предметом» [14, с. 3]. Противопоставление материи духа,

проходящее красной нитью через всю материалистическую науку, лишило психологию здравого онтологического подхода к явлениям духа. Охвативший разные области академической науки кризис в понимании природы человека отражает и негативный вклад секуляристской психологии в распад традиционных культур и его деформирующее влияние на социальную среду. Но культура не украшение личности, а непосредственно ее сущность, осуществление всех возможностей человека [9]. Цель культуры, и в первую очередь искусства, – пробудить глубочайшие божественные струны, которые могут создать музыку в душе человека. Утрата духовного ядра и самобытности культуры деформирует человеческое бытие и представляет реальную угрозу духовной безопасности современного российского общества [1; 5; 11]. Несмотря на то, что психотерапия опережает в своем экстенсивном развитии психологию, она также продолжает удаляться от понимания целостной духовной сущности человека [12; 13]. Значимость обращения к базовой методологической проблеме – духовной природе человека в пенитенциарной науке – связана и с недостаточностью ее теоретических основ при безудержном нарастании психотерапевтических технологий, не отвечающих критерию безопасности [9].

Постнеклассическая наука с ее полипарадигмальным подходом к сущности человека предоставила свободу выбора таких научно-гуманитарных знаний о его психике и поведении, которые соответствуют мировоззренческой платформе исследователей. Назревший коренной пересмотр философских оснований и теоретических положений психологии связан с возвращением отвергнутого психологами более чем сто лет назад камня (души и духовности), который и должен быть поставлен во главу угла [2]. Признание того, что душа и дух как сокровенные глубины внутреннего мира человека есть реальность, в свою очередь обосновывает принятие идеологии консерватизма, поскольку именно консервативный элемент составляет основу развития, которое «не есть отрицание прошлого, а утверждение того, что в нем заложено, раскрытие вечных элементов бытия» [1, с. 154]. Развитие «раскрывает содержание семени, посеянного не только в глубине веков, но и глубине вечности», поэтому «в процессе развития неизбежно сочетается консервативность с прогрессивностью, с творчеством: охраняется отвоеванная в прошлом сфера бытия и про-

должается отвоевывание новых сфер бытия» [1, с. 155]. Утраченная психологией истинная духовная природа души человека не подлежит экспериментальному исследованию, но ее постижение может быть доступно философии психологии, то есть ключи от психологии находятся в философии [2]. Нерешаемость противоречий между этической, социально-психологической и духовной парадигмами преступного поведения лишают пенитенциарную психотерапию адресности воздействия на базовые проекции (мишени) делинквентности. При наличии техник реконструкции психической сферы из ее поля зрения выпадает самое главное – консервирующая функция духовности человека, обеспечивающая сохранение жизни души. Целью психотерапии в таком случае остается лишь мелкий ремонт внешней стороны души (психики), то есть временное устранение тех или иных негативных психических состояний или симптомов [10; 12]. Привлечение же традиционных философских и богословских воззрений на душу и духовность наряду с каузально-естественными парадигмами к пониманию психики имеет важное теоретическое и практическое значение для юридической психологии. Оно позволяет глубже исследовать природу криминальных форм поведения человека, путей их профилактики и коррекции. Рассмотрение сотериологических аспектов антропологии продиктовано необходимостью предоставить практикующим психологам и воспитателям определенные ориентиры в массиве разноплановой литературы в этой области знания с целью повышения компетентности, необходимой для участия в духовном преображении осужденных. Это ориентирует психологическую помощь на интерес к духовной сфере осужденных и раскрывает важность учета возможных негативных последствий того или иного метода воздействия в их духовной жизни. Помимо обеспечения духовной безопасности осужденных данный подход важен для укрепления целостности теоретического фундамента методологии пенитенциарных дисциплин, включая такую ее область, как философия духовной безопасности, более чем востребованную дисциплину в области профилактики массовой преступности: коррупции, терроризма и других уголовных деяний, природа которых связана с деструктивной духовностью [5; 11]. В связи с этим дальнейшее развитие метатеоретических философских подходов к исследованию духовности в синтезе с богословием в сотериологическом контексте, раскрыва-

ющем ее основную роль, представляется актуальным для пенитенциарной науки и ее методологии.

Трудность решаемой проблемы состоит в том, что вопрос о сущности дискурса (концепта) духовности во многом не решен, а имеющиеся определения духовности остаются размытыми и бессодержательными. Нравственность и духовность – водораздел традиционных философско-богословских представлений и секуляристского подхода. Речь идет как об их понимании, так и о представлениях о цели жизни человека. Для раскрытия концепта духовности в философии и психологии обычно используются общие понятия: этика, универсальные ценности, жизнь, свобода, добро и т. д. Их понимание отражает гуманистическую парадигму и дается вне анализа исходных семантических значений. Толкование их смыслов, как и самого дискурса духовности, в недавнем прошлом проводилось в ракурсе материалистической парадигмы, а сегодня осуществляется на основе клише панлиберализма, поэтому в различных научных источниках устранена и продолжает тщательно вычищаться их исходная религиозная сущность. Утратой явилось и представление о сущностном строении души, ее духовно-самобытном характере и о том, что основы стремлений души лежат в ней самой, а не в области предметов, вещей, то есть мира [2]. Духовность в традиционно-консервативном понимании представляется бытийной сущностью души человека не только в его временной, но и в будущей жизни. Ее энергичная (благодатная) природа участвует в достижении истинной и полной свободы личности [3; 6]. Становится очевидной бесплодность попыток построения на гуманистической платформе либерализма какой-либо нравственной гуманитарной психологии и психотерапии. Гуманитарный подход в качестве основной цели психологической помощи постулирует не только необходимость духовной трансформации личности и ее развития, но и важность сохранения жизни души и спасения человека. Эффективность психотерапии определяется мерой ее духовного воздействия. При всей многогранности дискурса духовности ключевое значение в ее понимании придается традиционным консервативным воззрениям на природу духовного бытия человека и его спасения, отраженным в одном из разделов богословской науки – сотериологии. То есть теоретико-методологической базой психотерапии должна стать парадигма ду-

ховности, которая противостоит парадигме либеральности, направленной на «свободу», комфортность и потребление.

Предельная сложность разрабатываемого подхода заключается в соотношении незримого духовного мира, лежащего вне времени, протяжения и даже самого субъекта, и всего зримого, временного, конечного, протяженного, измеряемого, исследуемого психологическими методами. В понимании единства человеческого поведения, в том числе и криминального, центральное место изначально отводилось душе и духовности, которая осмысливается как вертикальная устремленность субъективной реальности (души) к вневременному и непротяженному, что находится в области религиозного и философского познания. Личность при этом выступает как форма осуществления, видимая и явленная ипостась невидимого духа [2; 5; 8; 10]. Наличие противоречий в области познания внутреннего мира человека указывает на необходимость согласования традиционных представлений о реальном объекте – душе – с накопленным психологией огромным массивом эмпирических данных. Они есть многочисленные проявления внешней стороны души, рассматриваемой в качестве психики. То есть психический аппарат, имеющий сочленение с материальным субстратом, может представляться внешней частью души (метаквазиобъектами), тогда как внутренняя – бессмертная (неуничтожимая) энергия и субстанция – является предметом богословского, метафизического познания [2; 4; 10]. Несмотря на условность такого разделения души на внешнюю и внутреннюю части, оно допустимо при осознании того, что это не две разные души, а разные аспекты, ипостаси, стороны единой души. Внутренняя скрытая, сокровенная сторона проявляется во внешних параметрах поведения, но не сводима к ним [2].

Проводимые в последние годы философско-антропологические исследования феномена духовности человека указывают на неизбежность возвращения в научную психологию души и духа как фундаментальных категорий [2; 10]. В проекции развития представлений о человеке будущего все чаще фигурирует новая модель философской антропологии *homo spiritus*, наполненная «ценностными» идеалами либерального толка. Это все те же «общечеловеческие ценности», свобода (как свобода греха) и т. д. В этом отношении как никогда современны мысли Н. А. Бердяева о том, что ис-

тинная антропология связана с проблемой происхождения зла. Зло не самобытное и абсолютное начало в человеке, оно является следствием отпадения от Бога, то есть стало творением, обоготворившим «себя и свои силы» [1, с. 160–161]. Только «Божество есть абсолютное, полное бытие, сущий субъект всякого бытия» и вне Его «нельзя мыслить никакого бытия, в Нем пребывает идеальный космос», в котором «осуществлено совершенное бытие всех и всего» [1, с. 118]. В основе бытия лежит Логос, который есть и субъект, и объект, их тождество. Учение о Логосе является «сверхрационалистическим, преодолением всякого ограниченного рационализма» [1, с. 106]. Идея Логоса, осознанная еще греческой философией, стала основой христианской метафизики, и в словах евангелиста Иоанна «в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» отражены все чаяния греческих метафизиков и ветхозаветных пророков. «Логос – Сын Божий есть смысл творения, божественный план творения, идеальная форма его бытия», он «есть предвечный носитель соединенности Творца с творением, любви, соединяющей Божество с человечеством...» [1, с. 128]. И если, как указывает Н. А. Бердяев, в абсолютном бытии исчезает различие между предикатом и субъектом, то зло по своей сущности есть небытие. Оно возникло в сфере небытия и коренится там, заняв призрачное, фиктивное место в бытии, оно «злая пустота, очень содержательная в отношении к нашему опыту, нами переживаемая и испытываемая» [1, с. 119]. «Зло – абсолютно алогично, т. е. противно Логосу, непознаваемо, бездонно, бессмысленно» [1, с. 118]. Н. А. Бердяевым раскрыта ложь (зло) «как западной (католической и протестантской) антропологии, так и антропологии революционного гуманизма, которые одновременно и обоготворили, и принизили человека» [1, с. 161].

Причину, философский исток возникновения ложности западной антропологии, приведшей к обоготворению человека, признанию его святыней, уничтожению религиозности и безбожию, Н. А. Бердяев видит в оторванности философии от бытия, то есть в разрыве насущной связи личности с бытием в трудах И. Канта. Именно Кант «был гениальным выразителем серьезной болезни в бытии человека, он философски формулировал роковой разрыв с корнями и истоками бытия» [1, с. 25]. Н. А. Бердяев пишет, что «кантианство – явление неизмеримо более глубокое и страшное... Отравленный канти-

анством уже не может иметь живых связей с бытием, его мироощущение надорвано» [1, с. 25]. И. А. Ильин также указывал на ошибочность идеи И. Канта о том, что все субъективное только субъективно и не имеет объективной реальности. В противовес этому он утверждает не только объективность субъективных форм воззрений человека и его чистых созерцаний, но и возможность объективного способа бытия, присущего вещам в себе, то есть метафизической реальности [5]. В отечественной христианской философии и современной православной антропологии основой спасения души признается свобода выбора человеком добра, то есть возможность вечного бытия в Боге, или небытия (зла, ада).

Н. А. Бердяев отмечает, что человек – микрокосм, «и в нем дана разгадка тайны бытия – макрокосмоса», что это и есть «основная истина всякой религиозной философии» [1, с. 82]. Если в западной псевдохристианской антропологии была потеряна связь с божеским, то православие ее «сохранило, но не имело никакой самостоятельной антропологии» [1, с. 148]. Ее появление связано с деятельностью самого Н. А. Бердяева и целой плеяды русских христианских мыслителей и богословов, главным достижением которых явилось создание нового типа собственной православной философской антропологии духовности, утверждающей необходимость персонального (собственного) достижения духовности на основе сохранения православных традиций. Утраченное в недрах европейской философии рационализма, позитивизма и т. д. представление античных философов, неоплатонистов и неопифагорейцев о неизбежности Спасителя и принятия Христа получило развитие в трудах русских христианских философов. Г. Г. Шпет, Вл. Соловьев, Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков и многие другие обогатили идеи Сократа, Платона, Аристотеля, Платина и других мыслителей древности об онтологической духовной сущности человека. Они эксплицировали божественную природу духовности как основную родовую отличительную характеристику человека, ее истинную сущность, свободную и полную смысла жизнь в Боге. Особенностью самобытной отечественной христианской философской антропологии явилась идея трансляции постижения духовности на основе традиционного опыта православия [1, с. 82; 10]. Дальнейшее и еще более глубокое осмысление отечественной духовной тради-

ции в этом направлении было осуществлено после революции русскими богословами на Западе – архимандритом Киприаном (Керном), протоиереем Георгием Флоровским, протопресвитером Иоанном Мейендорфом, И. А. Ильиным, В. Н. Лосским, митрополитом Антонием Сурожским и другими. В их трудах постулировалась недоступность познания духовности посредством научного подхода или мышления [3; 5; 6; 7].

И. А. Ильин, в частности, полагал, что интеллект, ограниченный чувственным опытом и прикованный к отвлеченным логическим понятиям, не может являться критерием религиозной истины [5, с. 109–110]. Вслед за Н. А. Бердяевым он подчеркивал, что рассудок вносит во все упрощение и механически нивелирует органическую тайну жизни. Все непонятное для него отмечается, поскольку не укладывается в скудное и близорукое мировоззрение [5, с. 110]. Главная философская ошибка интеллектуализма, считал И. А. Ильин, состоит в том, что сущее вообще не определяется мышлением и необъяснимо. В пределах эмпирического мира человеческое мышление всегда отстает от бытия, улавливая лишь ничтожную его часть. Противоречия между позитивной наукой (развившейся вне веры, вне любви, вне созерцания) и религией как опытом духовной жизни заключаются в том, что выращенный в бездуховной или даже противодуховной лаборатории критический анализ интеллектуализма оторван от сердца, созерцания и всех органов духа и ум судит за пределами своей компетенции. При этом священное измеряется несвященным, глубокое – мелкими и плоскими критериями, а живое и таинственное воспринимается как отвлеченное и мертвое [5, с. 110]. Духовность души, по И. А. Ильину, является мерой личного духовного опыта и требует от человека усилий. На основе традиций восточной патристики им раскрываются аксиомы религиозного опыта, определя-

ющие пути познания духовности и спасения человека [5, с. 44–45]. Отмечая, что личный живой дух человека означает дар выбора и самоопределения, способность к видению Бога, он расширяет философско-богословскую трактовку духа. Дух предстает как дар и полнота личной свободы, потребность священного, дар молитвы, центр любви и созерцания, совестной воли, верующего сердца и т. д. Философ писал, что религия глубже, шире и окончательнее мысли, а вера и духовность должны родиться в виде любви к Богу и овладеть всеми духовными и психическими внутренними свойствами. Самым драгоценным и могучим религиозным актом, даром и «органом восприятия» духовности является сердечное созерцание. Мыслитель полагал, что религиозное состояние представляет автаркию личного духа в любви к Богу [5]. Раскрывая смысл достижения духовности в деле спасения человека, он указывает, что вне Бога нет жизни, поскольку Он есть подлинно Сущее, таинственная Реальность и кроме Него ничего нет. Как и Н. А. Бердяев, И. А. Ильин развивает положение о том, что Он (Бог) Один Сущий и это закон Его Всецелого бытия. И. А. Ильин предупреждает о губельных и страшных последствиях утраты духовности, являющейся причиной смерти души при жизни как для отдельного человека, так и для народа в целом [5, с. 305–332]. Этот закон Всецелого бытия часто остается без внимания. Знание же его имеет предельный практический смысл не только для раскаяния в совершенном преступлении и исправлении осужденных, но и для спасения души всех людей. Без постоянного общения с Богом человек лишает свою душу истинной жизни, становится ничем, и его дух, умаяясь, оставляет душу, которая существует в каузальном, то есть детерминированном внешними материальными факторами и коллизиями, мире инодуховности, находясь во власти темных сил (зла, то есть небытия).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бердяев, Н. А.** Философия свободы. Смысл творчества. Опыт оправдания человека / Н. А. Бердяев. – Москва : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2015. – 522 с. – ISBN 978-5-8291-1669-9 (Академический проект), ISBN 978-5-88687-223-1 (Деловая книга).
2. **Братусь, Б. С.** Проблема возвращения категории «души» в научную психологию / Б. С. Братусь // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 3 (15). – С. 5–15.
3. **Лосский, В. Н.** Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие / В. Н. Лосский. – Москва : Центр «СЭИ», 1991. – 288 с.
4. **Зинченко, В. П.** Сознание и творческий акт / В. П. Зинченко. – Москва : Языки славянских культур, 2010. – 592 с. – ISBN 978-5-9551-0437-9.
5. **Ильин, И. А.** Аксиомы религиозного опыта / Иван Ильин. – Москва : АСТ, АСТ МОСКВА, 2006. – 668 с. – ISBN 5-17-038152-2 (АСТ), ISBN 5-9713-3273-2 (АСТ МОСКВА).
6. **Иоанн Мейендорф (протоиерей).** Введение в святоотеческое богословие / Иоанн Мейендорф. – Минск : Лучи Софии, 2007. – 384 с. – ISBN 978-5-985-6171-82-9.
7. **Лосский, В. Н.** Боговидение. – Минск, 2007. – 495 с. – ISBN 978-985-511-073-7.

8. Мераб Константинович Мамардашвили / под редакцией Н. В. Мотрошиловой. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 438 с. – ISBN 978-5-8243-1218-8.
9. **Монсиньор Поль Пупар.** Церковь и культура. Заметки о пастырстве разума / Поль Пупар. – Милан ; Москва : Христианская Россия, 1993. – 254 с. – ISBN 5-87648-013-4.
10. **Оботурова, Н. С.** Философско-антропологические основания методологии психотерапии осужденных : монография / Н. С. Оботурова, А. М. Чирков. – Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2019. – 186 с. – ISBN 978-5-94991-469-2.
11. **Тонконогов, А. В.** Обеспечение духовной безопасности в современной России : монография / А. В. Тонконогов. – Москва : Академия управления МВД России, 2011. – 211 с.
12. **Чирков, А. М.** Полиmodalная психотерапия ассоциации стрессовых и психических личностных расстройств у осужденных / А. М. Чирков // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2017. – № 1 (37). – С. 67–71.
13. **Чирков, А. М.** Системогенез стрессовой адаптации осужденных / А. М. Чирков // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2018. – № 1 (72) – С. 40–46.
14. **Чуприкова, Н. И.** Интроекция и явления сознания в системе естественнонаучной психологии / Н. И. Чуприкова // Вопросы психологии. – 2010. – № 2. – С. 2–20.

REFERENCES

1. Berdyayev N. A. *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva. Opyt opravdaniya cheloveka* [The philosophy of freedom. The meaning of creativity. Human Justification Experience]. Moscow ; Yekaterinburg, 2015. 522 p. (In Russ.).
2. Bratus' B. S. Problema vozvrashcheniya kategorii «dushi» v nauchnyu psihologiyu [The problem of returning the category of «soul» to scientific psychology]. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal – National Psychological Journal*, 2014, no. 3 (15), pp. 5–15. (In Russ.).
3. Losskij V. N. *Ocherk misticheskogo bogosloviya Vostochnoj Cerkvi. Dogmaticheskoe bogoslovie* [Essay on the mystical theology of the Eastern Church. Dogmatic theology]. Moscow, 1991. 288 p. (In Russ.).
4. Zinchenko V. P. *Soznanie i tvorcheskij akt* [Consciousness and creative act]. Moscow, 2010. 592 p. (In Russ.).
5. Il'in I. A. *Aksiomy religioznogo opyta* [Axioms of Religious Experience]. Moscow, 2006. 668 p. (In Russ.).
6. Ioann Mejendorf (protoierej). *Vvedenie v svyatootecheskoe bogoslovie* [Introduction to Patristic Theology]. Minsk, 2007. 384 p. (In Russ.).
7. Losskij V. N. *Bogovidenie* [Godvision]. Minsk, 2007. 495 p. (In Russ.).
8. Motroshilova N. V. (red.) *Merab Konstantinovich Mamardashvili* [Merab Konstantinovich Mamardashvili]. Moscow, 2009. 438 p. (In Russ.).
9. Monsin'or Pol' Pupar. *Cerkov' i kul'tura. Zametki o pastyrstve razuma* [Church and culture. Notes on Shepherding the Mind]. Milan ; Moscow, 1993. 254 p. (In Russ.).
10. Oboturova N. S., Chirkov A. M. *Filosofsko-antropologicheskie osnovaniya metodologii psihoterapii osuzhdennykh* [Philosophical and anthropological foundations of the methodology of psychotherapy of convicts]. Vologda, 2019. 186 p. (In Russ.).
11. Tonkonogov A. V. *Obespechenie duhovnoj bezopasnosti v sovremennoj Rossii* [Ensuring spiritual security in modern Russia]. Moscow, 2011. 211 p. (In Russ.).
12. Chirkov A. M. Polimodal'naya psihoterapiya associacii stressovykh i psihicheskikh lichnostnykh rasstrojstv u osuzhdennykh [Multimodal psychotherapy of the association of stress and mental personality disorders in convicts]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*, 2017, no. 1 (37), pp. 67–71. (In Russ.).
13. Chirkov A. M. Sistemogenez stressovoj adaptacii osuzhdennykh [Systemogenesis of stress adaptation of convicts]. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nykh organah – Psychopedagogy in law enforcement*, 2018, no. 1 (72), pp. 40–46. (In Russ.).
14. Chuprikova N. I. Introekciya i yavleniya soznaniya v sisteme estestvennonauchnoj psihologii [Introjection and phenomena of consciousness in the system of natural science psychology]. *Voprosy psihologii – Psychology Issues*, 2010, no. 2, pp. 2–20. (In Russ.).

УДК 159.929:343.83

Психофизиологическая совместимость специалиста-кинолога и служебной собаки

Е. А. КУСАКИНА – доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Пермского института ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;

Р. В. МАЛЬЧИКОВ – старший преподаватель кафедры кинологии Пермского института ФСИН России, кандидат сельскохозяйственных наук

Реферат

В статье рассматриваются результаты исследования, посвященного изучению одного из важнейших аспектов служебного собаководства – психофизиологиче-

ской совместимости специалиста-кинолога и собаки. В качестве основных методов сбора эмпирического материала выступили система проверки динамических характеристик АРАКС и методика определения особенностей темперамента кинологов, разработанная Г. Айзенком. Результаты исследования подчеркивают прямое влияние совместимости темперамента кинолога и служебной собаки на результаты дрессировки и совместное выполнение служебных задач. В учреждениях уголовно-исполнительной системы в целях повышения эффективности деятельности кинологической службы целесообразно учитывать психофизиологические особенности в формируемых парах «кинолог – собака».

Ключевые слова: психофизиологическая совместимость; динамические характеристики психики собаки; специалист-кинолог; темперамент; методика АРАКС; дрессировка собак; тренировка собак.

19.00.06 – Юридическая психология

Psychophysiological compatibility of a specialist cynologist and service dog

E. A. KUSAKINA – Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Law of the Perm Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology, Associate Professor;

R. V. MALCHIKOV – Senior Lecturer of the Department of Cynology of the Perm Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Agriculture

Abstract

The article discusses the results of the study devoted to one of the most important aspects of service dog breeding – the psychophysiological compatibility of a specialist cynologist and a dog. The main methods for collecting empirical material were the system of checking the dynamic characteristics of АРАКС and the methodology for determining the characteristics of the temperament of cynologists, developed by H. Eysenck. The results of the study emphasize the direct influence of the compatibility of the temperament of the cynologist and the service dog on the results of training and joint performance of service tasks. In institutions of the penal system in order to increase the effectiveness of the cynological service it is advisable to take into account the psychophysiological features in the formed cynologist-dog pairs.

Key words: psychophysiological compatibility; dynamic characteristics of the psyche of the dog; cynologist; temperament; АРАКС technique; dog learning; dog training.

19.00.06 – Legal psychology

Кинологическая служба занимает важное место в решении оперативно-служебных задач, стоящих перед учреждениями уголовно-исполнительной системы. Сфера профессиональной деятельности кинологов ФСИН России достаточно разнопланова, что предъявляет высокие требования к личности специалиста, в том числе и в вопросах взаимодействия с собакой. Согласно классификации Е. А. Климова [3, с. 34] профессия «кинолог» относится к сфере «человек – живая природа», что определяет главную ее особенность, заключающуюся в работе с животными. Многочисленными исследованиями И. П. Павлов доказал, что различие в поведении собак, прежде всего, обуславливается определенным комплексом основ-

ных свойств нервной системы (сила, уравновешенность и подвижность).

Рассматривая особенности высшей нервной деятельности собаки и человека с точки зрения их взаимосвязи и влияния на результаты служебной деятельности, можно констатировать малоизученность темы. Так, в своих наблюдениях И. П. Павлов пришел к такому выводу: «Мы с полным правом можем перенести установленные на собаке типы нервной системы на человека и обозначить их совместимость или различие» [5, с. 131]. Изучение особенностей высшей нервной деятельности собак, их учет на всех этапах служебной деятельности, в том числе и в вопросах закрепления за кинологом служебной собаки, должно стать одной из важных

задач совершенствования и укрепления кинологической службы ФСИН России. В связи с этим предметом нашего исследования выступило изучение психофизиологических особенностей поведения собаки и их совместимости с типом темперамента специалиста-кинолога. Можно предположить, что психофизиологическая совместимость специалиста-кинолога и собаки предопределяет результаты дрессировки и тренировки собаки, а в последующем влияет на эффективность выполнения поставленных служебных задач.

Обозначенной в нашем исследовании проблеме психофизиологической совместимости кинолога и собаки посвящено недостаточное количество исследований. Так, Н. Д. Криволапчук занималась изучением динамических характеристик психики собаки [4, с. 15]. В. В. Арепьевым была разработана система АРАКС для оценки динамических характеристик поведения собаки при подготовке к выполнению служебных задач [1, с. 8]. Немаловажное значение для нашего исследования имеют теоретические подходы И. П. Павлова. Так, в работах автора основные динамические качества психики были определены по характеристикам процессов, протекающих в центральной нервной системе собаки. Базой для описания психической деятельности стало соотношение двух основных процессов – возбуждения и торможения, которые, как известно, характеризуются величиной электрического импульса, возникающего в нервных волокнах и центрах головного мозга, а значит, поддаются регистрации и измерению. По мере совершенствования технических средств исследователи физиологии высшей нервной деятельности получили возможность (по крайней мере, в лабораторных условиях) с хорошей точностью фиксировать и изучать свойства центральной нервной системы как электрической цепи. Исследований, посвященных изучению психофизиологической совместимости служебной собаки и кинолога для эффективного выполнения поставленных задач в сфере исполнения уголовных наказаний, до настоящего времени не проводилось.

Для решения задач исследования была использована методика проверки динамических характеристик психики собаки АРАКС, где анализируются следующие функциональные характеристики:

1) активность поведения (А1) – сила реакции на раздражитель (громкость лая, дальность броска и бега и т. п.);

2) реактивность поведения (Р) – скорость наступления реакции, отражающая время протекания процесса возбуждения;

3) адаптивность поведения (А2) – прекращение реакции, соответствующее смене возбуждения торможением;

4) конструктивность поведения (К) – способность собаки извлекать и использовать новую информацию;

5) стабильность поведения (С) – воспроизводимость его при тех же условиях [1, с. 65].

Данная методика основана на определении зависимости динамических характеристик психики от смысла поведения. Для этого необходимо анализировать внешнее поведение собаки в максимально нейтральных условиях с использованием раздражителя, минимально затрагивающего мотивацию животного, а результаты должны интерпретироваться одинаково при разном по смыслу поведении. Сценарий проверки строится на стандартной ситуации, которую легко воспроизвести в любых условиях без сложной подготовки и специального оборудования. Для проведения эксперимента необходимо соблюдение ряда условий. В качестве события, минимально воздействующего на побуждающие реакции собаки, рекомендуется использовать падение мягкого предмета (например, подушки), незнакомого собаке, с высоты около полутора метров на расстоянии, примерно равном десяти ростам собаки в холке (это расстояние определяется средней зоной активного восприятия собаки и для собаки ростом 50 сантиметров составляет около пяти метров). Размер предмета выбирается так, чтобы он был примерно равен размеру головы животного, что также определяется особенностями пространственного восприятия собак. Запрещается использовать игрушки, предметы собачьей амуниции и обихода, а также предметы, издающие при падении звонкий или грохочущий звук [1, с. 74].

Проверка производится в месте, знакомом собаке и не вызывающем у нее избыточных эмоций, но не дома и не на привычном выгуле. Необходимо проследить за отсутствием сильных отвлекающих факторов – других собак, играющих детей, транспорта, кошек и т. п. С собакой находится только один инструктор-кинолог, как правило тот, с кем собака чувствует себя увереннее всего.

Лучшим временем для проверки является период активности – во второй половине дня, между 14 и 16 часами. Нельзя проводить проверку сразу после еды или сна,

собака должна быть предварительно выгуляна. Поскольку поведение собак зависит от освещенности, то в зимнее время рекомендуется обращать внимание на время наступления сумерек. В проведении исследования участвуют помощник, производящий необходимые действия, и тестирующий (опытный сотрудник), регистрирующий результаты хода проверки. Помощник должен быть незнаком собаке.

Для выявления преобладающего типа темперамента специалиста-кинолога была использована методика Г. Айзенка, которая основана на предположении, что нервной системе человека присущи некие врожденные качества, которые существенно влияют на формирование личности. Как отмечал исследователь, наибольшее влияние на личность оказывают самые сильные черты характера, которые он разделил на два типа – экстраверсия и интроверсия, стабильность и нейротизм. Именно комбинации этих признаков формируют темперамент человека.

На базе кафедры кинологии Пермского института ФСИН России было проведено изучение совместимости темперамента курсантов и служебных собак и ее влияния на результаты общего и специального курса дрессировки. В эксперименте участвовали 23 курсанта (16 юношей и 7 девушек) третьего курса (34 учебная группа) по направлению подготовки 36.03.02 «Зоотехния». Дисциплина «Дрессировка и тренировка собак» изучалась курсантами в течение одного учебного года и составила 576 академических часов. За каждым испытуемым на весь период дрессировки и эксперимента была закреплена служебная собака. Средний возраст собак, участвующих в эксперименте, составил от 1 до 3 лет, из них 8 кобелей и 15 сук.

Для определения оптимального сочетания пар «кинолог – собака», дрессировки и дальнейшей служебной деятельности в нашем исследовании использовались результаты сдачи экзамена по общему и специальному курсу дрессировки, преобладающий тип реагирования собак по типу темперамента (методика АРАКС) и тип темперамента кинолога (методика Г. Айзенка).

Так, по результатам использования методики АРАКС (рис. 1) было выявлено 48 % собак с преобладающим реагированием по типу темперамента «сангвиник», имеющих одинаково сильные процессы возбуждения и торможения, что способствует быстрому образованию условных рефлексов и прочному их закреплению. Собаки с преобла-

дающим реагированием по типу темперамента «флегматик» составили 30 %. У них смена процессов возбуждения и торможения происходит не так быстро, как у сангвиников, поэтому положительные и тормозные условные рефлексы вырабатываются медленнее, но удерживаются стойко. Меньшая часть приходится на «холериков» (22 %), где процессы возбуждения преобладают над процессами торможения, поэтому условные рефлексы у них вырабатываются быстро и отличаются постоянством, тормозные рефлексы в свою очередь вырабатываются с трудом и не являются стойкими. Следует отметить, что среди обследуемых служебных собак меланхолический тип темперамента отсутствовал.

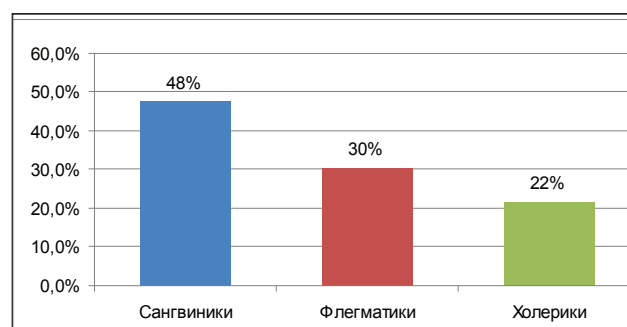

Рис. 1. Типы темперамента служебных собак (n=23)

Также при проведении исследования были выявлены типы темпераментов курсантов (рис. 2). Преобладающее число составили сангвиники (35 %), обладающие сильным, уравновешенным, подвижным типом высшей нервной деятельности, и холерики (30 %) с сильным подвижным неуравновешенным типом высшей нервной деятельности. Меньше выявлено флегматиков с сильным уравновешенным, но инертным по подвижности нервных процессов типом высшей нервной деятельности (26 %). Наиболее редкий тип – меланхолики, которые отличаются слабыми свойствами нервной системы (9 %).

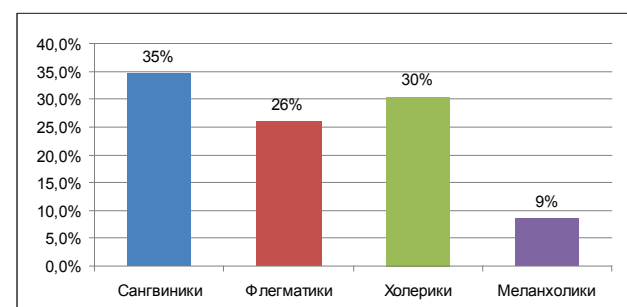

Рис. 2. Типы темпераментов курсантов (n=23)

По итогам сопоставления результатов изучения типов темперамента участвующих в эксперименте были выявлены пары (рис. 3). Наиболее встречаемые пары – это «сангвиник – сангвиник», «сангвиник – холерик», «холерик – сангвиник» (по

17 %), менее встречаемые – «меланхолик – флегматик», «меланхолик – холерик» (по 5 %) и «холерик – флегматик» (4 %). Пар «меланхолик – сангвиник» и «флегматик – холерик» в ходе исследования выявлено не было.

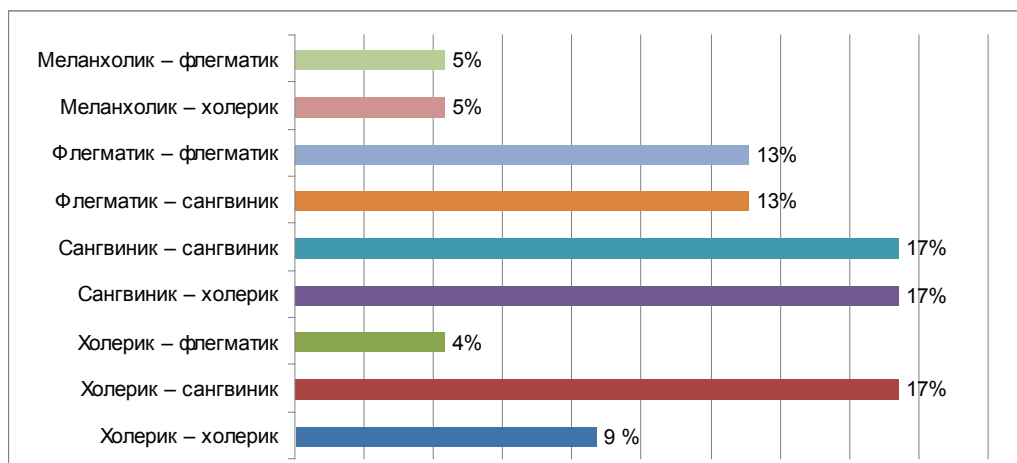

Рис. 3. Соотношение типов темперамента курсанта и собаки

Следующим этапом исследования являлось сопоставление пар «кинолог – собака» и результатов сдачи экзамена по общему и специальному курсу дрессировки (рис. 4). Так, оценку «отлично» получили две пары «холерик – сангвиник», две пары «сангвиник – холерик» и две пары «сангвиник – сангви-

ник». Низкие результаты «удовлетворительно» показали следующие совокупности: «холерик – холерик» (2 пары), «флегматик – сангвиник», «флегматик – флегматик» (3 пары), «меланхолик – холерик» и «меланхолик – флегматик». Остальные пары показали средний результат.

Результаты экзамена по дисциплине «Дрессировка и тренировка собак»

Оценка	Холерик – холерик	Холерик – сангвиник	Холерик – флегматик	Сангвиник – холерик	Сангвиник – сангвиник	Флегматик – сангвиник	Флегматик – флегматик	Меланхолик – холерик	Меланхолик – флегматик
Отлично		2		2	2				
Хорошо		2	1	2	2	2			
Удовлетворительно	2					1	3	1	1

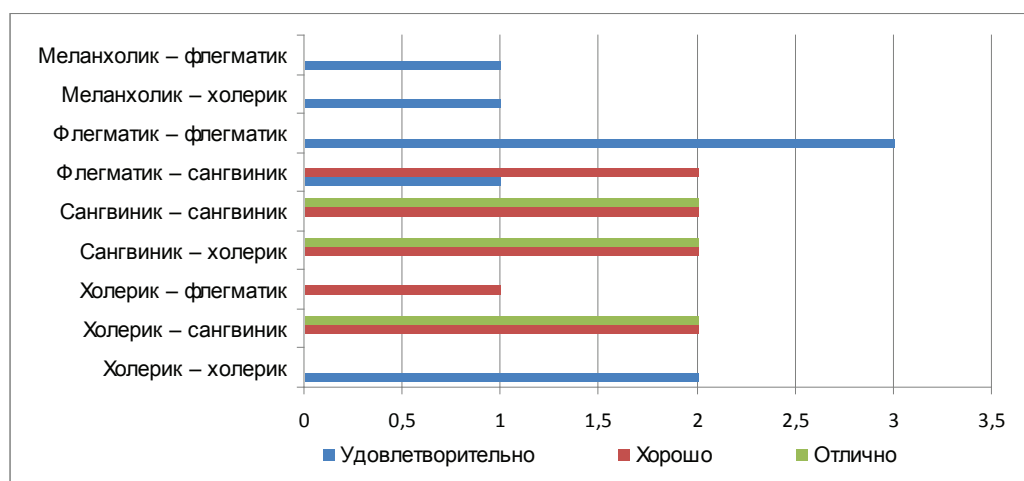

Рис. 4. Результаты экзамена по дисциплине «Дрессировка и тренировка собак»

Обратим особое внимание на оценку «отлично» по курсу «Дрессировка и тренировка собак». На наш взгляд, при оценке «хорошо» уже имеются недостатки в овладении основными навыками, что недопустимо в служебной деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы. Наилучшие результаты в дрессировке собак показали кинологи – холерики и сангвиники. Сочетание таких свойств нервной системы, как сила, уравновешенность, подвижность, позволяет установить оптимальный контакт с собакой при решении конкретно поставленных задач. Кинологи-холерики с учетом такого свойства, как неуравновешенность, и таких психологических качеств, как вспыльчивость, несдержанность, высокая эмоциональность, добиваются высоких результатов в дрессировке собак с преобладающим реагированием по типу темперамента «сангвиник». Следовательно, пары «холерик – сангвиник», «сангвиник – холерик», «сангвиник – сангвиник» можно считать самыми оптимальными в решении задачи по дрессировке и тренировке собак. Наши результаты подтверждаются выводами аналогичного исследования, проведенного в ФГКОУ ДПО РШ СРС МВД России в 2008 г., где при сдаче экзамена по специальному курсу общерозыскного профиля лучшие результаты показали пары «сангвиник – холерик» и «сангвиник – сангвиник» [2, с. 31].

Анализ оценки «хорошо» показывает, что к парам, получившим наилучший результат, примыкает пара «флегматик – сангвиник». Менее результативными оказались пары «флегматик – флегматик» и «меланхолик – холерик». Кинологи с флегматическим типом темперамента слабо справились с дрессировочным процессом, возникли сложности не только в усвоении общего и специального курса дрессировки, но и в оценке динамических характеристик поведения собаки с помощью системы АРАКС. В паре «флегматик – флегматик» присутствует наибольшее количество неудовлетворительных показателей. Следовательно, инертный тип нервной системы кинолога не сочетается с аналогичным типом нервной системы собаки. Излишнее спокойствие, инертность, ригидность психических процессов не позволяют отвечать требованиям процесса дрессировки.

Эффективность деятельности специалистов-кинологов учреждений и органов уго-

ловно-исполнительной системы во многом зависит от уровня подготовки служебной собаки. Успех в дрессировке зависит от взаимодействия между служебной собакой и дрессировщиком. Одним из факторов взаимодействия, по нашему мнению, является совместимость реагирования по типам темперамента служебных собак и типа темперамента специалиста-кинолога, но на сегодняшний день обозначенной проблеме не уделяется должного внимания.

В исследовании предпринята попытка разработки алгоритма определения психофизиологической совместимости кинолога и собаки. Исследование проводилось в два этапа. Сначала определялся тип темперамента у курсантов по методике Г. Айзенка, которая доступна к использованию и удобна в применении, имеет достаточно емкую и доступную для понимания интерпретацию со шкалами, позволяющими учесть социально желаемые ответы обследуемых лиц. Второй этап был направлен на изучение динамических характеристик собак с помощью методики АРАКС с целью определения преобладающего реагирования по типу темперамента. На завершающем этапе был сделан качественный анализ совместимости типов темперамента курсантов и закрепленных за ними собак, для оценки результатов исследования приведены итоговые оценки экзамена по дисциплине «Дрессировка и тренировка собак».

Полученные данные, по нашему мнению, имеют объективный характер, поскольку количество часов, выделенное на дрессировку по указанной дисциплине, обеспечивает качественную подготовку служебной собаки. По итогам исследования были выделены наиболее результативные пары «кинолог – собака», которые показали лучшие результаты. К таковым относятся «холерик – сангвиник», «сангвиник – холерик», «сангвиник – сангвиник».

Таким образом, продемонстрирована связь между результатами дрессировки и совместимостью темпераментов в паре «кинолог – собака».

Для эффективной деятельности специалистов-кинологов учреждений и органов уголовно-исполнительной системы рекомендуется учитывать психофизиологические особенности в формируемых парах «кинолог – собака».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Арепьев, В. В.** Оценка динамических характеристик поведения по системе АРАКС / В. В. Арепьев, Л. Б. Мельникова // Вестник Российского государственного аграрного заочного университета. – 2008. – № 5 (10). – С. 95–100.

2. **Золоторева, Е. Э.** Влияние совокупности психофизиологических качеств (преобладающих типов темпераментов) в парах специалистов-кинологов и служебных собак на результаты дрессировки / Е. Э. Золоторева, Г. В. Галкин // Профессия кинолог. – 2015. – № 9. – С. 13–19.
3. **Климов, Е. А.** Введение в психологию труда : учебник для вузов / Е. А. Климов. – Москва : Культура и спорт, ЮНИТИ, 1998. – 350 с. – ISBN 5-85178-060-6.
4. **Криволапчук, Н. Д.** Прикладная психология собаки : учебное пособие / Н. Д. Криволапчук. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2008. – 560 с. – ISBN 978-5-222-12689-9.
5. **Павлов, И. П.** Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей деятельности (поведения) животных / И. П. Павлов. – Москва : Книга по требованию, 2012. – 661 с. – ISBN 978-5-458-23276-0.

REFERENCES

1. Arep'ev V. V., Mel'nikova L. B. Ocenka dinamiceskikh karakteristik povedeniya po sisteme ARAKS [Assessment of dynamic behavior characteristics using the ARAKS system]. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo agrarnogo zaocnogo universiteta – Bulletin of the Russian State Agrarian Correspondence University*, 2008, no. 5 (10), pp. 95–100. (In Russ.).
2. Zolotoreva E. E., Galkin G. V. Vliyanie sovokupnosti psihofiziologicheskikh kachestv (preobladayushchih tipov temperamentov) v parah specialistov-kinologov i sluzhebnyh sobak na rezul'taty dressirovki [The influence of a combination of psychophysiological qualities (prevailing types of temperaments) in pairs of dog handlers and service dogs on the results of training]. *Professiya kinolog – Profession dog handler*, 2015, no. 9, pp. 13–19. (In Russ.).
3. Klimov E. A. *Vvedenie v psihologiyu truda* [Introduction to Labor Psychology]. Moscow, 1998. 350 p. (In Russ.).
4. Krivolapchuk N. D. *Prikladnaya psihologiya sobaki* [Applied Dog Psychology]. Rostov-on-Don, 2008. 560 p. (In Russ.).
5. Pavlov I. P. *Dvadcatiletnij opyt ob'ektivnogo izucheniya vysshej deyatel'nosti (povedeniya) zhivotnyh* [Twenty years of experience in the objective study of higher activity (behavior) of animals]. Moscow, 2012. 661 p. (In Russ.).

УДК 159.9

Особенности эмоционального интеллекта у мужчин, осужденных за насильственные виды преступлений

М. А. ЧЕРКАСОВА – начальник психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук

Реферат

В статье представлены результаты эмпирического исследования уровня и компонентов эмоционального интеллекта у мужчин, осужденных за насильственные преступления. Полученные данные свидетельствуют о том, что осужденные за насильственные преступления характеризуются низкой способностью к осознанию качественных характеристик эмоций и неумением оценивать динамику эмоциональных состояний, что затрудняет объективное понимание окружающей действительности и приводит к повышенной восприимчивости в социальных контактах, ощущаемых как угроза. Осужденные имеют низкий уровень саморегуляции и испытывают затруднения в понимании окружающих в связи с недостаточным уровнем развития рефлексивной стороны в общении. Полученные результаты могут быть использованы для психолого-педагогического сопровождения данной категории осужденных.

Ключевые слова: эмоции; эмоциональные состояния; агрессия; саморегуляция; социальный интеллект; эмоциональный интеллект.

19.00.06 – Юридическая психология

Features of emotional intelligence of men convicted for violent crimes

M. A. CHERKASOVA – Head of the Psychological Department of the Vologda Institute of Law and Economics of Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology

Abstract

The article presents the results of an empirical study of the level and components of emotional intelligence of men convicted for violent crimes. The data obtained indicate that convicts of violent crimes are characterized by a low ability to recognize the qualitative characteristics of emotions and inability to assess the dynamics of emotional states, which complicates the objective perception of the surrounding reality and leads to increased susceptibility in social contacts that they perceive as a threat. Convicts have a low level of self-regulation and have difficulty understanding others because of the insufficient level of development of the reflective side in communication. The results can be used for psychological and pedagogical support of this category of convicts.

Key words: emotions; emotional states; aggression; self-regulation; social intelligence; emotional intelligence.

19.00.06 – Legal psychology

Повышение эмоциональной компетентности является одной из наиболее актуальных задач современной психологии, что обусловлено ростом уровня стрессогенности и интенсивности эмоциональных нагрузок, переживаемых человеком. Подавление и неспособность к психологической переработке негативных эмоций ведут к накоплению последних на физиологическом уровне в виде психосоматических проявлений.

Однако и не опосредованное интеллектом проявление эмоций приводит к повышению уровня агрессивности и представляет опасность как для индивида, так и для общества. Как правило, к насилию более склонны лица, имеющие затруднения в идентификации своих эмоций и адекватном их выражении, о чем свидетельствует рост насильственной преступности, приобретающей все более негативные качественные характеристики.

Развитая эмоциональность способствует эффективной социально-психологической адаптации личности в социуме и может рассматриваться как одна из наиболее важных систем, регулирующих жизнедеятельность человека. Осознанной саморегуляции в проблемных для личности ситуациях способствует развитый эмоциональный интеллект.

По мнению Дж. Мейера и П. Сэловея, эмоциональный интеллект представляет собой измеряемую способность человека определять эмоции, интерпретировать их значение, а также продуктивно их использовать для оптимального мышления и решения проблем [1, с. 51].

Д. Гоулман указывает на то, что люди с развитым эмоциональным интеллектом социально активны, уравновешенны, дружелюбны, придерживаются этических принципов и успешны в деятельности.

Автор раскрывает структуру эмоционального интеллекта и выделяет несколько его составляющих: идентификация эмо-

циональных состояний, понимание взаимосвязей между эмоциями, мышлением и действием; контроль и управление эмоциями, замена нежелательных эмоциональных состояний адекватными; способность входить в эмоциональные состояния, способствующие достижению успеха; способность определять эмоции других людей, проявлять эмпатию и воздействовать на эмоции окружающих; способность вступать в межличностные отношения с другими людьми и поддерживать их [3, с. 76].

Д. В. Люсин усматривает в эмоциональном интеллекте способность к пониманию и управлению эмоциями и интерпретирует ее как умение распознать характер эмоционального переживания у себя и окружающих, понимать причины, вызвавшие данную эмоцию, и возможные последствия, к которым она может привести. Эта способность позволяет контролировать внешнее выражение эмоций, снижать интенсивность их проявления, а при необходимости вызывать желательные (положительные) эмоции [1, с. 62].

Низкий уровень эмоционального интеллекта характеризуется преобладанием внешних компонентов над внутренними, слабым осознанием эмоций, отсутствием самоконтроля, высокой ситуативной зависимостью, что препятствует адаптации личности к изменениям в социуме.

Именно поэтому среди основных причин деструктивного поведения осужденных за насильственные преступления исследователи выделяют дефекты в эмоциональной сфере, когда среда ощущается ими как враждебная и воспринимается как угроза [2, с. 13]. У насильственных преступников поведение в значительной мере определяется аффективно заряженными идеями, реализуемыми в определенных ситуациях. Они чрезвычайно чувствительны к любым элементам межличностного взаимодействия, в связи с чем у них затруднена оценка

ситуации, которая легко меняется под влиянием аффекта.

Кроме того, осужденным за насильственные преступления свойственны наличие эмоциональных нарушений и возможности появления импульсивных реакций «короткого замыкания» на фоне кумуляции аффекта, социальной отчужденности, а также трудностей в установлении контактов, замкнутости и необщительности, что способствует возникновению конфликтов с окружающими.

Среди насильственных преступников выделяют лиц со сниженным и повышенным самоконтролем. К первому типу относят импульсивных, склонных к постоянной агрессии, слабо контролируемых свое поведение преступников, а второй тип представляют чрезмерно контролируемые себя лица, способные длительно воздерживаться даже от сильных провокаций, но проявляющие крайние формы агрессии при утрате внутренних сдерживающих ресурсов.

Ю. М. Антонян указывает на наличие у лиц, совершивших насильственные преступления, низкого уровня самоконтроля и стремления поступать по первому побуждению под влиянием эмоций. Кроме того, у данной категории преступников автор выделяет повышенную устойчивость аффективно окрашенных переживаний, что может выражаться в уязвимом самолюбии, стремлении к самоутверждению, повышенной восприимчивости и обидчивости.

Для осужденных за насильственные преступления характерны высокий уровень тревожности и высокая эмоциональная возбудимость, они сконцентрированы только на собственных переживаниях и интересах. Данная категория лиц проявляет неустойчивость в своих социальных связях и отношениях, обнаруживает склонность к конфликтам с окружающими, а высокая тревожность порождает у них такие качества, как подозрительность, мнительность и мстительность, сочетающиеся с беспокойством, раздражительностью и напряженностью [2, с. 31].

По мнению М. И. Еникеева, типичными чертами насильственных преступников выступают эгоизм, отсутствие чувства сострадания, крайняя черствость, жесткость, эмоциональная тупость и импульсивность.

С целью изучения особенностей эмоционального интеллекта у мужчин, осужденных за насильственные преступления, нами было проведено эмпирическое исследование с использованием методики изучения эмоционального интеллекта (Н. Холл), опросника, направленного на изучение

эмоционального интеллекта (Д. В. Люсин) и теста характеристики эмоциональности (Е. П. Ильин). Исследование проводилось в ИК № 1 УФСИН России по Республике Калмыкия.

Анализ данных, полученных по методике Н. Холла в экспериментальной группе, указывает на то, что осужденные за насильственные преступления обнаружили низкие значения по шкалам «эмоциональная осведомленность», «самотивация» и «эмпатия».

Такой результат по шкалам «эмоциональная осведомленность» и «самотивация» свидетельствует о недостаточном уровне компетентности в узнавании собственных эмоций и эмоций окружающих, непонимании их причин и трудностях в осознании различий между чувствами и действиями. Вероятно, осужденные за насильственные виды преступлений не видят перспектив других людей, в связи с чем испытывают сложности во взаимодействии с окружающими. Кроме того, они склонны избегать ответственности за собственное поведение, обнаруживают импульсивность в решении межличностных проблем и неспособность поддерживать компетентную коммуникацию (открытость, дружелюбие, вовлеченность).

Выявленные низкие значения по шкале «эмпатия» у осужденных за насильственные преступления указывают на их недостаточную способность к пониманию окружающих путем эмоционального вчувствования в переживания других, слабый уровень развития рефлексивной стороны в общении, замкнутость в рамках непосредственного эмоционального опыта.

Результаты исследования, полученные по данной методике, подтверждают позицию М. Е. Еникеева об отсутствии у насильственных преступников чувства сострадания, а также проявлении черствости и жестокости.

Эмпатия является ключевой эмоциональной способностью, предполагает идентификацию своих чувств с чувствами другого человека и проявляется в чуткости, понимании и демонстрации соответствующих переживаний окружающим. С повышением уровня эмпатии улучшается способность различать эмоции в лицевой экспрессии, и поэтому развитие эмпатических реакций у осужденных предполагает повышение их эмоциональной грамотности.

Анализ данных, полученных по методике Д. В. Люсина у осужденных экспериментальной группы, выявил низкий уровень значений по шкале «межличностный эмо-

циональный интеллект», что свидетельствует о невыраженной способности осужденных устанавливать взаимосвязи между мыслями, поступками и чувствами.

Вероятно, лица, осужденные за насильственные виды преступлений, испытывают затруднения в понимании эмоционального состояния окружающих на основе внешних проявлений эмоций (мимика, жестикация, звучание голоса). Они не умеют дифференцировать эмоции, различные их модальности, выделять продуктивные и непродуктивные характеристики.

Низкие значения по шкале «понимание своих эмоций» в экспериментальной группе обнаруживают то, что осужденные за насильственные преступления отличаются низкой способностью к идентификации своих эмоций и в процессе социализации у них не формируется так называемый личный словарь эмоциональных состояний.

Низкие значения, полученные по шкале «управление своими эмоциями» в экспериментальной группе, указывают на то, что у осужденных за насильственные преступления слабо развита способность к саморегуляции эмоциональных состояний, недостаточно проявляется способность к поддержанию социально желательных эмоций. Результаты психодиагностики подтверждают тот факт, что осужденные данной группы характеризуются низкой устойчивостью к фрустрирующим событиям, не умеют выражать отрицательные эмоции без эмоциональных вспышек, проявляют внутреннюю и внешнюю агрессию, а также подвержены социальной тревожности.

Низкие значения, выявленные по шкале «понимание чужих эмоций», подтверждают данные, полученные по методике Н. Холла (шкала «эмоциональная осведомленность»), и свидетельствуют о низком уровне эмоциональной компетентности осужденных.

Результатом, полученным по методике И. П. Ильина, стали низкие значения по шкалам «длительность эмоций» и «эмоциональная устойчивость». Это указывает на слабую устойчивость данных осужденных к воздействию неблагоприятных факторов окружающей среды, склонность к импульсивности, неконтролируемым реакциям, особенно в ситуациях, угрожающих самооценке и чувству собственного достоинства. Осужденные за насильственные преступления испытывают трудности в регуляции негативных эмоциональных проявлений.

Низкие значения по шкале «длительность эмоций» в экспериментальной группе

свидетельствуют о том, что респонденты в большей степени относятся к возбудимому типу и не способны к длительному сдерживанию (кумуляции) эмоций. В связи с этим они склонны к быстрому сбрасыванию негатива в отношении окружающих. По результатам психодиагностики у осужденных за насильственные преступления выявлены высокие значения по шкалам «эмоциональная возбудимость» и «интенсивность эмоций».

Высокие значения, полученные по шкале «интенсивность эмоций» в экспериментальной группе, указывают на силу эмоциональных переживаний, которые чаще всего носят характер аффективных реакций в ответ даже на незначительный раздражитель.

В связи с тем что осужденные за насильственные преступления имеют низкие коммуникативные навыки, в конфликтных ситуациях они проявляют агрессию, не используя другие возможные способы конструктивного и социально приемлемого реагирования. Высокие значения по шкале «эмоциональная возбудимость» обуславливают готовность данных осужденных к быстрому эмоциональному реагированию на субъективно значимые раздражители, что проявляется в вербальной и физической агрессии по отношению к окружающим. Для них характерны иррациональность эмоциональных проявлений и низкая способность к регуляции своего поведения.

Под влиянием нерегулируемых аффективных проявлений осужденные способны совершать насилие для достижения субъективно необходимого результата, удовлетворения определенной потребности или разрешения трудной жизненной ситуации.

Результаты по шкале «эмоциональная возбудимость» подтверждают исследования Ю. М. Антоняна, характеризующего преступников данной категории как тревожных, импульсивных личностей с сильной эмоциональной возбудимостью, которые сконцентрированы лишь на собственных переживаниях и в поведении ориентированы только на свои эгоистические цели.

Таким образом, по результатам проведенного эмпирического исследования особенностей эмоционального интеллекта у мужчин, осужденных за насильственные преступления, было выявлено, что данные лица обладают низким уровнем развития эмоционального интеллекта и характеризуются малой способностью к осознанию качественных характеристик эмоций, неумением оценивать динамику эмоциональных

состояний, что затрудняет объективное восприятие окружающей действительности и приводит к повышенной восприимчивости в социальных контактах, ощущаемых ими как угрожающие их личности.

Осужденные имеют низкий уровень саморегуляции и испытывают затруднения в понимании окружающих в связи с недоста-

точным уровнем развития рефлексивной стороны в межличностном взаимодействии.

Представленные результаты могут быть использованы сотрудниками пенитенциарных учреждений для организации психолого-педагогического сопровождения мужчин, осужденных за насильственные преступления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Андреева, И. Н.** Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии / И. Н. Андреева. – Новополюск : ПГУ, 2011. – 388 с. – ISBN 978-985-531-260-5.
2. **Данилин, Е. М.** Характеристика личности осужденного (социально-психологический портрет) : учебно-методическое пособие / Е. М. Данилин, Г. В. Строева. – Москва : НИИ УИС Минюста России, 2004. – 276 с.
3. **Гоулман, Д.** Эмоциональный интеллект / Д. Гоулман ; пер. с англ. А. П. Исаевой. – Москва : АСТ, Астрель, 2011. – 478 с. – ISBN 978-5-271-36783-0.

REFERENCES

1. Andreeva I. N. *Emocional'nyj intellekt kak fenomen sovremennoj psihologii* [Emotional intelligence as a phenomenon of modern psychology]. Novopolotsk, 2011. 388 p. (In Russ.).
2. Danilin E. M., Stroeveva G. V. *Harakteristika lichnosti osuzhdennogo (social'no-psihologicheskij portret)* [Characterization of the personality of the convict (socio-psychological portrait)]. Moscow, 2004. 276 p. (In Russ.).
3. Goulman D. *Emocional'nyj intellekt* [Emotional intellect]. Moscow, 2011. 478 p. (In Russ.).

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 37.013.41

Эффективные формы и методы реализации индивидуального подхода в воспитательной работе с осужденными в местах лишения свободы

Э. В. ЗАУТОРОВА – профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования;

Л. В. КОВТУНЕНКО – профессор кафедры уголовно-исполнительного и уголовного права Воронежского института ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент

Р е ф е р а т

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. указывает на необходимость применения новых современных подходов в организации воспитательной работы с осужденными. Потребность в индивидуальном подходе обусловлена тем, что любое воздействие на человека преломляется сквозь его особенности, «внутренние условия» и направлено на изучение, поощрение или наказание, коррекцию или формирование и развитие свойств поведения конкретного осужденного. Суть данного подхода составляет гибкое использование педагогом различных форм и методов воспитательного воздействия с целью достижения оптимальных результатов исправительного процесса.

Эффективными формами и методами индивидуальной воспитательной работы в пенитенциарной практике можно назвать метод реконструкции характера, направленный на обучение осужденных продуктивным моделям поведения, развитие умения принимать ответственность за свое поведение в различных жизненных ситуациях; метод коммуникативного регулирования, направленный на развитие коммуникативной сферы осужденных; индивидуальные тренинги с осужденными различных категорий (индивидуально-педагогические упражнения и задания, анкетирование/тестирование, беседа, индивидуальные консультации), в процессе которых осужденные получают ответы на интересующие их вопросы; метод чередования организационных поручений, позволяющий решить такие проблемы, как обучение осужденных элементарным управленческим умениям, способам взаимодействия с людьми, а также познание сущности позиций как организатора собственного поведения, так и подчиненного; усиление эмоционального поля совместных творческих дел, предусматривающее специальный набор психологических средств, направленных на усиление эмоционального напряжения, развитие искренности, эмоциональной близости, душевного подъема осужденного (приятное общение, одобрение творческих находок, психологическая поддержка); метод рефлексивного самовоспитания, при использовании которого применяются более глубокие психологические механизмы, способствующие саморегуляции личности), и др.

Воспитательное воздействие осуществляется с учетом возрастных и индивидуальных особенностей личности, уровня развития ее нравственной воспитанности, постоянного наблюдения, изучения изменений качеств человека в процессе жизнедеятельности исправительного учреждения. Преимуществом использования различных форм и методов в ходе осуществления индивидуального подхода в работе с осужденными является то, что они направлены на выявление и мобилизацию внутренних и внешних ресурсов личности. Индивидуальный подход к исправлению – один из эффективных способов помощи осужденному, так как любое воспитательное воздействие достигает поставленной цели, если преломляется сквозь конкретные

особенности личности, способствует выявлению индивидуальных особенностей и социальных стереотипов активности, прогнозированию поведения и эффективности исправительного процесса.

Ключевые слова: воспитание; воспитательная работа с осужденными; индивидуальный подход; формы и методы индивидуального воздействия на личность; педагогическая технология; принцип реализации индивидуального подхода.

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования

Effective forms and methods of implementing an individual approach in educational work with convicts in prison

E. V. ZAUTOROVA – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education;

L. V. KOVTUNENKO – Professor of the Department of Penal and Criminal Law of the Voronezh Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Associate Professor

Abstract

The concept of development of the penal system of the Russian Federation until 2020 indicates the need for new modern approaches in organizing educational work with prisoners. The need for an individual approach is due to the fact that any effect on a person is refracted through his characteristics, "internal conditions" and is aimed at studying, encouraging or punishing, correcting or shaping and developing the behavior properties of a particular convict. The essence of this approach is the flexible use by the teacher of various forms and methods of educational impact in order to achieve optimal results of the correctional process.

Effective forms and methods of individual educational work in penal practice include the method of character reconstruction aimed at teaching convicts productive behaviors, developing the ability to take responsibility for their behavior in various life situations; a method of communicative regulation aimed at developing the communicative sphere of prisoners; individual trainings with convicts of various categories (individual pedagogical exercises and tasks, questioning (testing, conversation, individual consultations), during which convicts receive answers to their questions; a method of alternating organizational tasks, which allows solving such problems as teaching convicts elementary managerial skills, ways of interacting with people, as well as understanding the essence of the positions of both the organizer of his own behavior and his subordinate; strengthening the emotional field of joint creative affairs, providing a special set of psychological tools aimed at enhancing emotional stress, developing sincerity, emotional closeness, emotional elevation of the convicted person (pleasant communication, approval of creative finds, psychological support); reflexive self-education method, when using which deeper psychological mechanisms are used that promote personality self-regulation), etc.

The educational impact is carried out taking into account the age and individual characteristics of the person, the level of development of his moral upbringing, constant observation, studying the changes in human qualities in the life process of the correctional institution. The advantage of using various forms and methods during the implementation of an individual approach in working with convicts is that they are aimed at identifying and mobilizing the internal and external resources of the person. An individual approach to correction is one of the effective ways to help the convict, since any educational impact reaches the goal, if refracted through specific personality traits, helps to identify individual characteristics and social stereotypes of activity, predicting the behavior and effectiveness of the correction process.

Key words: education; educational work with convicts; individual approach; forms and methods of individual influence on a person; pedagogical technology; the principle of implementing an individual approach.

13.00.01 – General pedagogy, history of pedagogy and education

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. указывается, что одним из основных направлений деятельности учреждений является поиск и внедрение новых индивидуальных форм работы, обеспечивающих оказание адресной психолого-педагогической помощи каждому осужденному с учетом его социально-демографической, уголовно-правовой и индивидуально-психологической характеристики. Это обуславливает необходимость применения новых современных подходов к организации воспитательной работы с осужденными в местах лишения свободы.

Поставленные перед системой исполнения наказаний цели достигаются, если учитываются движущие силы развития, возрастные и индивидуальные особенности осужденного, используется все возможное положительное влияние социальной среды исправительного учреждения, ослабляется неблагоприятное воздействие микросреды в виде групп отрицательной направленности, субкультурных обычаев и традиций, достигаются единство и согласованность действий всех субъектов исправительного процесса. Потребность в индивидуальном подходе обусловлена тем, что любое воздействие на человека преломляется сквозь его особенности, «внутренние условия». Индивидуальный подход в воспитании (исправлении) осужденного – это учет его индивидуальных особенностей как индивида (темперамент, задатки и пр.) и как личности (интересы, уровень притязаний и др.) в их взаимосвязи и взаимодействии.

Данный подход применяется для изучения, коррекции или формирования и развития тех или иных свойств и особенностей поведения конкретного осужденного. Суть данного подхода составляет гибкое использование педагогом различных форм и методов воспитательного воздействия с целью достижения оптимальных результатов исправительного процесса применительно к каждому осужденному и требует принятия комплексных мер правовой, социальной, психологической и других видов помощи и поддержки в отношении конкретного лица, лишённого свободы [3; 4].

Учитывая личностные особенности осужденных, их неустойчивое эмоциональное состояние, острую восприимчивость, необходимо использовать различные методы индивидуальной воспитательной работы. Так, в пенитенциарной практике положительно себя зарекомендовал метод рекон-

струкции характера, направленный на обучение осужденных продуктивным моделям поведения, развитие умения принимать ответственность за свои поступки в различных жизненных ситуациях. Он способствует формированию всего ценного, положительного в характере и поведении осужденного, в частности умения предотвращать возможные проблемы во взаимодействии с другими людьми, понимать и принимать отличную от собственной точку зрения.

Фундаментальные идеи данного метода базируются на том, что поведение человека детерминировано, а неадекватные его формы, сформированные в процессе жизнедеятельности, возможно скорректировать. В ходе реализации рассматриваемого подхода осужденные обучаются позитивным моделям поведения, продуктивному общению без конфронтации и агрессии, блокированию неблагоприятных стимулов. Данный метод сосредоточивается на личностных ресурсах, которые могут быть мобилизованы для стимулирования и сохранения измененного поведения осужденного, расширяющего свой репертуар взаимодействия, познающего ошибки. В процессе воспитательной работы создаются условия для изучения механизмов индивидуального поведения личности, формируется опыт продуктивного поведения в реальной окружающей среде [1; 2].

Техники метода реконструкции характера включают в себя поведенческие ролевые игры, обучение позитивному структурированию и моделям поведенческих представлений, приемы «рационализация проблемы» и «позитивное подкрепление», индивидуальные тематические консультации (обмен информацией, дающей реальное представление о поведении осужденного, его проблемах), контроль поведения, принцип подражания поведению других людей, имитацию новых образцов (ориентиров, эталонов) поведения, которые поддерживаются и закрепляются в процессе индивидуальной воспитательной работы с осужденными. Метод реконструкции характера рассматривается как путь, следование по которому позволяет осужденным научиться справляться с трудностями, управлять своим поведением, достигать поставленных целей.

Положительных результатов в исправлении осужденных при организации индивидуальной воспитательной работы можно добиться, используя метод коммуникативного регулирования, направленный на развитие

коммуникативной сферы осужденных (снятие страха общения, поиск адекватных форм выражения своих мыслей и чувств, языковые и смысловые характеристики речевого акта, построение моделей бесконфликтного общения, желание самосовершенствоваться и т. д.). Техники данного метода включают в себя коммуникативную адаптацию (предварительное информирование о ситуациях в коллективе, людях и взаимодействии с ними, обсуждение последствий этого взаимодействия), коммуникативное включение (установление и расширение непосредственных контактов с членами коллектива), коммуникативное отстранение (минимизацию нежелательных контактов), эффект значимых других (воздействие на осужденного через авторитетных для него людей), практическую эмпатию (понимание трудностей осужденного, выражение сочувствия ему и готовности помочь) и др.

Индивидуальные тренинги также могут являться эффективной формой воспитательной работы с осужденными различных категорий. Например, тренинги детско-родительских отношений в семье, такие как «Погода в доме», «Пойми меня», «Один за всех» позволяют лицам, лишенным свободы и имеющим детей, взглянуть на себя глазами ребенка, скорректировать свои взгляды на воспитание. Популярны такие индивидуально-педагогические упражнения и задания, как создание книг, написание рассказов и стихов на темы «Я – мать», «Я – отец», «Мы – родители» и др.; «Детские гримасы», «Мой сказочный образ», «Воспоминания детства», «Авансирование личности»; анкетирование/тестирование; беседа; индивидуальные консультации, в процессе которых осужденные получают ответы на интересующие их вопросы, и др.

Метод чередования организационных поручений позволяет решить две основные проблемы: во-первых, обучить осужденных элементарным управленческим умениям, способам взаимодействия с людьми, во-вторых, познать сущность позиций как организатора собственного поведения, так и подчиненного, почувствовать себя в этих ролях. Использование данного метода создает условия для роста воспитуемых, поскольку, активизируя организаторские способности, педагог последовательно передает участникам процесса посильные организаторские функции. Успехи в решении поставленных задач повышают самооценку осужденного, инициируют его активность, способствуют самоактуализации личност-

ных потенциалов, самореализации и непрерывному саморазвитию и самоутверждению в системе социальных взаимоотношений на более высоком уровне.

Для осужденных, особенно лиц несовершеннолетнего возраста, важно расширить и углубить свои знания о мире, что, в свою очередь, должно привести к росту самосознания, приобретению новых социальных навыков, укреплению веры в собственные возможности и силы, а также формированию умения делать самостоятельно правильный выбор даже в ситуации риска, которая может стать фактором девиации, в том числе подталкивающим к совершению преступления [5; 6]. Способствует решению поставленных задач использование социокультурного наследия России, возможностей среды исправительного учреждения, включающей исторические и историко-культурные экспозиции, уголки живой природы, экологические зоны, художественные экспозиции и другие информационные, развлекательные возможности (регламентированные уголовно-исполнительным законодательством).

Выбор тематики, содержание и разработка проектов определяются социальным заказом, практическими задачами организации досуга и творчества, потребностями осужденных. В числе таких проектов можно назвать следующие: «Мое Отечество», «Отчий край», «Моя семья», «Мир и культура», «Святая Русь», «В кругу друзей», «Мои ступени творчества», «Я в этом мире», «Путь к самому себе», «Милосердие», «Я и закон», «Я и карьера» и др. Разрабатываемые проекты имеют воспитательную (коррекционную), обучающую и развивающую направленность, способствуют ресоциализации осужденного и его реинтеграции в общество законопослушных людей.

Профессионально подготовленное совместное творческое дело всегда наполнено хорошим настроением, положительными эмоциями, что является важной составляющей технологии усиления эмоционального поля совместных творческих дел. Существует специальный набор психологических средств, направленных на усиление эмоционального напряжения, развитие искренности, возникновение эмоциональной близости, душевного подъема: это и приятное общение, и одобрение творческих находок, и психологическая поддержка начинаний осужденных. Большое внимание следует уделять созданию ситуации успеха, которая стимулирует полет творческой мысли и активность участников [2].

Концептуальные основания рассматриваемой технологии определяют такой ее основной принцип, как самостоятельная организация практических дел при опосредованном влиянии сотрудников исправительного учреждения путем создания педагогической среды, добровольности, личностной направленности деятельности, рефлексивного осмысления действий. Например, музыкальные фестивали «Калина красная», «Амнистия души» и подготовка к ним формируют позитивный настрой на освобождение и способствуют исправлению личности. Рассматриваемая технология, предполагающая высокий уровень свободы и активности участников, создает условия для развития их творческих способностей, инициативы, ответственности и самостоятельности. Насыщенное эмоциональное поле проводимых фестивалей глубоко и позитивно воздействует на осужденных.

Гармонизации методик, применяемых педагогом в работе с осужденными, способствует обеспечение основных процессуальных актов технологии совместного творческого воспитания: совместных целеполагания и планирования, подготовки и проведения мероприятия, анализа результатов и самооценки. Технологии совместных творческих дел (образовательные олимпиады, спартакиады, тематические конкурсы, спортивные соревнования) позволяют акцентировать направленность воспитуемых на проявление заботы о себе, окружающих людях и окружающей среде. Кроме того, в общем деле успешнее выстраивается и закрепляется реальное сотрудничество между персоналом исправительного учреждения и осужденными, что в свою очередь активизирует процесс ресоциализации в целом.

Технология совместной творческой деятельности обеспечивает социализирующее воспитание, основными целями которого являются формирование ценностных установок и развитие нравственных форм поведения. Однако в поведении осужденного многое зависит от его сознательной саморегуляции, мотивов, самосознания, развиваемых в процессе воспитания. В этом смысле любой человек является воспитателем самого себя. Поэтому необходимо дополнять арсенал педагогических средств механизмами рефлексивной саморегуляции, которые в последние десятилетия осмыслены наукой, прошли апробацию и являются не только результативными, но и педагогически необходимыми технологиями.

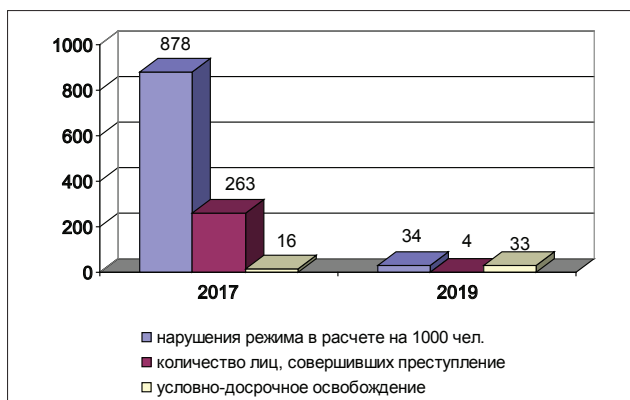
Применение метода рефлексивного самовоспитания весьма результативно, по-

скольку в его рамках используются более глубокие психологические механизмы, способствующие саморегуляции. Реализация техник индивидуального рефлексивного самовоспитания в технологии совместной творческой деятельности будет способствовать усилению воспитательного результата за счет средств индивидуализированного воспитания, персонализации воспитательных воздействий педагога. Индивидуализированное воспитание предполагает развитие или коррекцию индивидуального сознания через механизмы саморегуляции. Основной задачей применения метода рефлексивного самовоспитания является оказание осужденному помощи в трудной работе по самостроительству личности.

Рефлексия как критическое осмысление собственных усилий и действий позволяет учиться на собственном жизненном опыте. Для применения метода рефлексивного самовоспитания важно наличие педагогической ситуации, которую имеет смысл повторно пропустить через индивидуальное восприятие воспитуемых, чтобы активизировать процесс осознания, способствующий внутреннему подкреплению нравственно ценных отношений и осуждению негативных, что и стимулирует процесс самовоспитания. Педагогическая ситуация не возникает сама по себе, а целенаправленно создается сотрудником исправительного учреждения. При этом проблемы, которые заложены в этих ситуациях, могут быть общими для всех осужденных (неумение выслушивать друг друга, доброжелательно оценивать успехи других), свойственными какой-либо группе (неумение общаться, отсутствие внутренней дисциплины), сугубо индивидуальными (употребление ненормативной лексики, грубость, агрессивность или конфликтность).

С целью изучения эффективности использования различных форм и методов индивидуальной воспитательной работы с осужденными в ИК-1 УФСИН России по Вологодской области в период 2017–2019 гг. было проведено исследование. Основным критерием стала характеристика дисциплинарной практики осужденных: в течение эксперимента осуществлялось наблюдение за поведением и деятельностью осужденных, изучались характер и частота совершаемых поступков (проступков), оценивались соблюдение режимных требований, выполнение возложенных на осужденных обязанностей и поручений. Полученные данные представлены на диаграмме.

Состояние дисциплинарной практики среди осужденных (ИК-1 УФСИН России по Вологодской области)

Осужденные были вовлечены в самостоятельное творчество, кружковую деятельность, различные воспитательные мероприятия, коррекционно-развивающие программы, консультации, собеседования, составление собственного индивидуального маршрута изменения личности и др., в отношении их целенаправленно применялись различные формы и методы индивидуальной воспитательной работы. Воспитательное воздействие осуществлялось с учетом возрастных и индивидуальных особенностей личности, уровня развития ее нравственной воспитанности, в процессе постоянного наблюдения, изучения изменений качеств человека.

Данные о количестве взысканий за нарушение дисциплины в целом обнаруживают тенденцию к снижению, отмечается стремление осужденных соответствовать режимным требованиям, более активно участвовать в общественных формированиях и др. Анализ полученных результатов и опрос сотрудников показали, что по итогам активного при-

менения методов в рамках индивидуального подхода значительно снизился уровень дисциплинарных нарушений, в два раза увеличилось количество претендентов на условно-досрочное освобождение.

Индивидуальным формам и методам принадлежит ведущая роль в воспитательной работе с осужденными. Преимуществом такой работы является то, что, находясь наедине с педагогом (психологом, воспитателем), осужденные откровеннее рассказывают о своих проблемах, затруднениях, радостях и т. д. Педагогические методы и формы индивидуального подхода направлены на выявление и мобилизацию внутренних и внешних ресурсов личности осужденных, переключивание проблем на самих участников, с тем чтобы сделать их ответственными за свой выбор.

Таким образом, индивидуальный подход в исправлении – один из эффективных способов помощи осужденному, так как любое воспитательное воздействие достигает поставленной цели, если преломляется через конкретные особенности личности. Его применение связано с необходимостью преодоления отрицательных качеств осужденных и проявления девиаций в их поведении, изменения направленности их личности. Использование различных индивидуальных форм и методов воспитательной работы в деятельности пенитенциарных учреждений способствует эффективности исправительного процесса, выявлению индивидуальных особенностей и социальных стереотипов активности осужденных, прогнозированию их поведения и проведению последовательной коррекции личности, что является стержнем всей воспитательной работы в местах лишения свободы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. **Зайцева, А. В.** Организация индивидуальных форм воспитательной работы с осужденными в деятельности начальника отряда / А. В. Зайцева, Л. Л. Санташова // Уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения (к 10-летию принятия Европейских пенитенциарных правил) : сборник материалов международной научно-практической конференции : в 2 ч. Ч. 1 / под общей редакцией П. В. Голодова. – Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2017. – С. 110–115. – ISBN 978-5-94991-379-6.
2. **Зауторова, Э. В.** Индивидуальная воспитательная работа с осужденными в местах лишения свободы : учебное пособие / Э. В. Зауторова, Л. В. Ковтуненко. – Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2016. – 99 с. – ISBN 978-5-94991-359-8.
3. **Кулакова, А. А.** Воспитательная работа с осужденными : сборник планов семинарских и практических занятий / А. А. Кулакова, А. Н. Ломакина. – Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2014. – 56 с. – ISBN 978-5-93035-474-4.
4. **Михайлов, В. И.** Некоторые вопросы организации индивидуальной воспитательной работы в органах внутренних дел / В. И. Михайлов // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 9. – С. 226–230.
5. Справочник начальника отряда исправительного учреждения : учебное пособие / составители С. А. Арбузова и др. – 2-е изд. – Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2017. – 140 с. – ISBN 978-5-91612-130-8.
6. **Тюгаева, Н. А.** Индивидуальная воспитательная работа с осужденными : учебно-практическое пособие / Н. А. Тюгаева. – Рязань : АПУ ФСИН России, 2006. – 42 с.

REFERENCES

1. Zajceva A. V., Santashova L. L. Organizaciya individual'nyh form vospitatel'noj raboty s osuzhdennymi v deyatel'nosti nachal'nika otryada [The organization of individual forms of educational work with prisoners in the activities of the chief

- of the detachment]. *Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Ugolovnoe nakazanie v Rossii i za rubezhom: problemy naznacheniya i ispolneniya (k 10-letiyu prinyatiya Evropejskih penitenciarных pravil)» v 2 ch.* [Collection of materials of the international scientific-practical conference «Criminal punishment in Russia and abroad: problems of appointment and execution (on the 10th anniversary of the adoption of the European Prison Rules)» in 2 parts]. Vologda, 2017, part 1, pp. 110–115. (In Russ.).
2. Zautorova E. V., Kovtunenko L. V. *Individual'naya vospitatel'naya rabota s osuzhdennymi v mestah lisheniya svobody* [Individual educational work with convicts in prison]. Vologda, 2016. 99 p. (In Russ.).
  3. Kulakova A. A., Lomakina A. N. *Vospitatel'naya rabota s osuzhdennymi* [Educational work with convicts]. Vladimir, 2014. 56 p. (In Russ.).
  4. Mihajlov V. I. Nekotorye voprosy organizacii individual'noj vospitatel'noj raboty v organah vnutrennih del [Some issues of the organization of individual educational work in the internal affairs bodies]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, no. 9, pp. 226–230. (In Russ.).
  5. Arbuzova S. A. (red.) *Spravochnik nachal'nika otryada ispravitel'nogo uchrezhdeniya* [Reference book of the head of the unit of the correctional institution]. Samara, 2017. 140 p. (In Russ.).
  6. Tyugaeva N. A. *Individual'naya vospitatel'naya rabota s osuzhdennymi* [Individual educational work with convicts]. Ryazan, 2006. 42 p. (In Russ.).

УДК 37.01

Ценности семейного воспитания в контексте российского законодательства (историко-педагогический аспект)

Л. О. ВОЛОДИНА – профессор кафедры психологии и педагогики, заместитель директора института истории и филологии Вологодского государственного университета, доктор педагогических наук, доцент

Реферат

Статья посвящена проблеме ценностей семейного воспитания в контексте российского законодательства, исторических условий их формирования как фактора позитивного развития государства в период с Древней Руси до второй половины XIX в., отражающего национальные особенности становления семейного права, его традиций. Ее содержание нацелено на осознание обществом роли и степени влияния государства на создание семьи как социального института, функции которого определяются задачами продолжения рода и воспитания достойных граждан своего отечества. Автором проводится главная мысль о том, что ценности семейной жизни, семейного воспитания и нормы семейного права представляют собой взаимодополняющие категории.

В качестве методов исследования используются структурный анализ текстов законодательных актов, источников и научных исследований по этнической истории и законодательству, содержащих нормы российского законодательства, анализ нормативно-правовых актов в области семейной политики и семейного воспитания. Это позволяет выявить, изучить и интерпретировать данные о сущности и содержании ценностей семейного воспитания в структуре семейного права в разные исторические периоды.

Текст обращен к широкому кругу читателей, интересующихся историей своей страны. Он может быть использован при подготовке историко-педагогических трудов, освещающих проблему семейного воспитания и ценностей как его основы. Содержащиеся в статье исторические факты будут интересными для специалистов, занимающихся разработкой законодательно-нормативных актов, регулирующих вопросы брачно-семейных отношений.

Ключевые слова: ценностные основания семейной жизни; ценности семейного воспитания; нормы и традиции семейного воспитания; брачно-семейное поведение; российское законодательство в сфере семейного воспитания; анализ законодательных документов в области семейных отношений.

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования

The values of family education in the context of Russian legislation (historical and pedagogical aspect)

L. O. VOLODINA – Professor of the Department of Psychology and Pedagogy, Deputy Director of the Institute of History and Philology of the Vologda State University, Dsc. in Pedagogics, Associate Professor

Abstract

The article is devoted to the problem of the values of family education in the context of Russian legislation, the historical conditions of their formation as a factor in the positive development of the state from Ancient Russia to the second half of the 19th century, reflecting the national characteristics of the formation of family law and its traditions. Its content is aimed at public awareness of the role and degree of influence of the state on the creation of the family as a social institution, whose functions are determined by the tasks of procreation and the education of worthy citizens of their country. The author holds the main idea that the values of family life, family upbringing and the norms of family law are complementary categories.

As research methods a structural analysis of texts of legislative acts sources and scientific research on ethnic history and legislation containing the norms of Russian legislation, analysis of regulatory legal acts in the field of family policy and family education is used. This allows you to identify, study and interpret data on the nature and content of the values of family education in the structure of family law in different historical periods. The text is addressed to a wide circle of readers interested in the history of their country. It can be used in the preparation of historical and pedagogical works, highlighting the problem of family education and values as its basis. The historical facts contained in the article will be interesting for specialists involved in the development of legislative and regulatory acts governing marriage and family relations.

Key words: value foundations of family life; values of family education; norms and traditions of family education; marital and family behavior; Russian legislation in the field of family education; analysis of legislative documents in the field of family relations.

13.00.01 – General pedagogy, history of pedagogy and education

Современная политика Российской Федерации в сфере брачно-семейных отношений направлена на укрепление семьи как социального института. В то же время в ситуации развития индустриального общества широкое распространение получают индивидуалистически ориентированные системы ценностей с таким приоритетом, как свобода выбора брачного партнера и форм совместной жизни. Значительное увеличение степени свободы в выборе индивидуальных целей и средств их достижения стимулировало появление следующих явлений в области семейной жизни: переход к индивидуалистически ориентированной зрелой паре с одним или двумя детьми от детоцентристской модели семьи; переход к плюралистическим моделям семьи, юридически не оформленным, от унифицированной модели. В стране тенденция снижения показателей численного воспроизводства населения находится на одном уровне с тенденцией снижения показателей брачности. Наблюдается трансформация семейных ценностей, выражающаяся в модификации представлений о взаимоотношениях поко-

лений в семье и утрате родовых идентификаций, смене полоролевых позиций членов семьи [2, с. 331].

В силу этих обстоятельств представляется целесообразным научное обоснование вопроса о роли исторически сложившихся традиций семейного воспитания как в общем контексте национальной политики государства, так и в сфере брачно-семейного поведения.

В отношении понятия «брачно-семейное поведение», обоснованного современными социологами и юристами, нами фиксируется ряд его составляющих, значимых для рассмотрения проблемы ценностного потенциала семейного воспитания [2, с. 145].

Во-первых, данная категория сопряжена с такими ее разновидностями, как супружество, родительство, родство, предопределяющими направленность изучения. Объектом государственного интереса являются те сферы, юридическое нормирование которых отражает понимание государством ценностной основы семейной жизни. В процессе дальнейшего анализа законодательных документов внимание будет обращено

на ценностные аспекты регулирования государством брачно-семейного поведения. Во-вторых, при описании механизма этого взаимодействия используется термин «поведенческая парадигма», подразумевающий следующее содержание: нормы-ценности семейной жизни, сформулированные государством, становятся впоследствии нормами-ценностями самой семьи, определяя ее поведение.

Процесс институализации семьи на Руси шел практически одновременно с процессом институализации таких социальных организаций, как государство и церковь. Эта точка зрения подтверждается следующим изречением В. Я. Стоюнина: «В древности семья не составляла отдельной независимой единицы» [12, с. 1].

Анализ содержания исторических источников, прежде всего законодательных актов, наглядно показывает стремление государства к построению юридических отношений с семьей.

Конструирование и реализацию правового регулирования брачно-семейного поведения на основе ценностей семейной жизни и семейного воспитания исследователи относят к началу XII в. – моменту формирования Киевской Руси. Это было сопряжено с принятием христианства под непосредственным влиянием византийской культуры.

Обращение законодателей к культуре Византийской империи было продиктовано ее способностью дать продуктивные образцы семейного быта. В ст. 9 Синоидальной редакции Церковного устава князя Владимира Святославовича за церковь были закреплены судебные полномочия по следующим семейным делам: «роspуты (развод), смилное (любовная связь), пря между мужем и женой о животе (споры между мужем и женой об имуществе)» [8, с. 149].

Государственное законодательство в области семейного права с самого начала развивалось в сотрудничестве с русской церковью. Государство и церковь совместно создавали юридические документы, в которых закреплялось понимание института семьи и брака согласно христианской модели, обеспечивающей физическое и духовное выживание рода.

В компетенции законодателя находился ряд проблем, связанных с актом бракосочетания и последующим обоснованием системы действий, направленных на сохранение статуса брака (формы, условия заключения и расторжения), уточнение статусно-ролевых позиций членов семьи, установление

порядка имущественных отношений. Раскроем их ценностную составляющую, позволяющую судить о нравственном самосознании законодателя в данной сфере, с опорой на проведенное нами историко-педагогическое исследование [2].

Главным основанием семейной жизни считался христианский брак. Понимание смысла христианской формы бракосочетания было раскрыто в работе русского правоведа А. С. Павлова. Со ссылкой на 49 главу Кормчей книги он объясняет читателям «существенное свойство брака» с четырех позиций. Прежде всего, его физиологическая составляющая (половое влечение) ведет к осмыслению брака как «естественного элемента различия полов», установленного самой природой для продолжения «по божественному плану миротворения» своего рода. С другой стороны, это этический союз, предполагающий «полное и неразрывное общение всех жизненных отношений между супругами» [5, с. 226–229]. Далее, юридически это союз, основанный «на взаимном желании, воле» (следовательно, договоре) вступить «в постоянное половое сожитие». И наконец, это церковный союз, который являет собой таинство брака [6, с. 230].

Такое понимание природы брака находит подтверждение в законодательстве Древнерусского государства и развивается в дальнейшем в российском законодательстве с утверждением главных христианских принципов семейной жизни – разнополого союза и моногамии. Другие варианты сожительства в христианстве браком не считались и не имели законного характера.

С утверждением принципа разнополого союза «как мужеви и жене сочетание, событие во всей жизни, божественная и человеческая правды общения» [9, с. 204] закреплялись понятия «муж», «жена», каждое из которых несло в себе ценностное начало совместной жизни. Если категория «муж» изначально связывалась с термином «свободный» и использовалась применительно к свободным людям внутри социальной группы, то в законодательной практике данное слово стало употребляться в связи с понятием «жена». Обратившись к древнерусским юридическим актам, в частности Краткой редакции Устава князя Ярослава (ст. 10–11), находим тому подтверждение: «Аже жене лихи недуг болит... про то ее не пустити. Тако же и жене нельзя пустити мужа» [8, с. 163–164].

Принцип моногамии вводил в аксиологическую сферу семейной жизни такие цен-

ностные категории, как целомудрие, супружество, кровное свойство.

Целомудрию в законодательных актах уделялось большое внимание, особенно в ранние годы становления христианства на Руси. Впервые появившись в Краткой редакции Устава князя Ярослава, мысль о необходимости сохранения целомудрия получила отражение в 8 статьях из 38 ее составлявших и была интерпретирована как запрет на внебрачную связь (прелюбодеяние). Воздействие на нарушителя осуществлялось посредством санкции имущественного характера в виде денежного штрафа [8, с. 168–170].

Другой важнейшей ценностью семейной жизни законодатель называл супружество, рассматривая его как обязанность совместной жизни, данную Богом «на постоянно половое сожитие». Термин «супруги» встречается в более поздних законодательных актах (периода Российской империи), но значимость супружества подразумевается в настойчивом проведении идеи о нерасторжимости брака. Термин «супруги» используется в отношении таких юридических принципов, как установление единства фамилии семьи, определение ее социального статуса и местожительства. Это требовало выработки норм поведения в условиях сожителства. Сговорчивость и гибкость, прощение и взаимопомощь, покорность, желание учиться друг у друга, искусство слушать другого, честное и откровенное общение, верность в горе и радости – вот нравственные составляющие данной духовной категории. Несмотря на то, что соблюдение закона совместного сожителства как нормы семейной жизни относится лишь к XVI в. (гл. 20 Стоглава 1551 г.) [9, с. 228], само обращение к ценности «супружество» – основе брака – несет в себе представление нравственного характера. Пресечение повторных браков с вытекающим отсюда понятием «незаконнорожденный», ущемление интересов незаконнорожденного в области имущественного наследования, сложный по своей структуре порядок расторжения брака, высокие штрафные санкции в случае нарушения законодательных требований – все это подтверждает стремление законодателя достигнуть прочности семейных отношений. Так, примером может послужить принятие государственной властью постановлений об оставлении без удовлетворения исков от незаконнорожденных детей после смерти родителей в отношении их имущества, дабы «не подавать силы опасному примеру» [7, т. XX, № 14778; 8, с. 168].

Объединение мужа и жены понятием «супружество» (союз членов двух родов) повлекло за собой расширение юридической терминологии за счет введения категории «кровное свойство», приравненной по своей сущности к кровному родству с вытекающим отсюда следствием запрета на брак между свойственниками. В числе последних называются тесть, зять, свекровь, невестка, отчим, падчерица [8, с. 169].

По церковному учению брак прекращался только физической смертью одного из супругов, исключая все болезни, кроме «заразительной» (проказы), чем еще раз подтверждается суть супружеской жизни как готовности поддержать супруга ценой собственного благополучия. В судопроизводстве брак подлежал расторжению из-за неспособности мужа к супружеской жизни и неспособности жены к деторождению [8, с. 168–169], и признание этих условий вводит в ранг ценностных основ семейной жизни понятие «ребенок», рассматривая его как главное предназначение семьи.

В условиях становления православной культуры возникала необходимость трансляции ее идей, что представлялось возможным через наиболее значимые для ребенка образы отца и матери. С этой целью церковью использовался обряд крещения, превозносивший духовное рождение с привлечением крестных родителей – восприемников от купели – и возложением на них обязанности «блюсти за религиозно-нравственным ростом новокрещенного» [6, с. 222]. Если сам акт крещения являлся основанием приобретения «общей церковной правоспособности», то восприемники (крестные) выступали как поручившиеся за «религиозно-нравственную зрелость» крещаемого [6, с. 222].

Право на вступление в брак конкретизировалось и с учетом физических качеств лиц. В более ранних законодательных актах (периода Древней Руси) девушкам разрешалось вступать в брак с двенадцатилетнего возраста, юношам – с пятнадцатилетнего, что объяснялось влиянием норм византийского права. Позитивные перемены в этом вопросе произошли в законодательстве Петра I. Он предпринял попытку обоснования повышения нижней возрастной границы (18 лет для мужчины, 16 лет для женщины). В Указе о порядке наследования в движимых и недвижимых имениях от 23 марта 1714 г. говорилось о необходимости умственной зрелости, параметрами которой выступали навыки ведения домашнего хозяйства и воспитания детей, возможность деторожде-

ния (не старше 80 лет для мужчины и 60 лет для женщины) [10, с. 295–299]. Власть стремилась также привлечь к государственной службе образованных молодых людей, не обремененных семейной жизнью.

Таким образом, с понятием о брачном возрасте в сферу семейного воспитания входит такая категория ценностного содержания, как совершеннолетие (совершенные лета). Смысл и значимость ее заключаются в осознанной ответственности человека перед Богом и государством за свои поступки и способности к самостоятельной жизни с последующим прекращением или ограничением (при поступлении на службу, замужестве) родительской власти.

Эмансипации детей придавали большое значение. Об этом свидетельствует сохранявшийся в течение нескольких столетий обряд «посаженья на коня», носивший характер возрастной инициации. Выполнение определенных действий имело целью фиксацию перехода человека из статуса юноши в статус мужчины с наложением на него прав и обязанностей по обеспечению своей жизни и признанием за ним «достоинства полноправного члена семьи» [1, с. 540]. В ст. 99 Пространной редакции Русской Правды впервые говорится о понятии «совершеннолетие», прекращении опеки, когда «опекаемые будут сами собой печаловати» [8, с. 71]. Возраст зрелости ранние источники не устанавливают. В более позднее время он приравнивается к брачному возрасту.

Важным условием свершения брака признавалось волеизъявление брачующихся. Древнерусские законы ограждали детей от произвола родителей в вопросах брака. Так, согласно ст. 24 Устава Ярослава Мудрого, родители, виновные в принуждении детей к браку или удерживающие их от брака, подвергались суду [8, с. 169]. Следовательно, можно говорить о понимании законодателем значимости такой духовной ценности, как любовь, представляющей собой исходное положение прочного брака. В то же время браки не свершались без родительского благословения, которое всегда расценивалось как фактор благополучия человека, стремящегося к самостоятельной жизни.

Позиция законодателя о необходимости свободного выбора вступающих в брак сохранялась на протяжении нескольких веков до периода образования централизованного государства в XVI в. Ее пересмотр был продиктован сложившимися новыми социально-политическими условиями. Последующая реформация семейного за-

конодательства в царствование Петра I, коснувшись проблемы волеизъявления, ставила задачу примирения двух противоположностей – «свободного произволения брачующихся» и «воли родителей» [1, с. 491]. Несмотря на то, что положение Указа об отмене рядных и сговорных записей 1702 г. о «не принуждении к брачному сочетанию» под угрозой «тяжкого штрафования» казалось неправомерным из-за многовековых традиций «старорусской семейной власти» и имело силу только в среде «знатных персон» [1, с. 492], само обращение к мнению члена семьи говорило об усилении индивидуализации его прав [7, т. IV].

Рассматривая вопрос о ценностных основаниях семейной жизни, следует обратить внимание на решение проблемы имущественных отношений как экономической основы брачного союза с участием двух родов и связанного с этим права наследования по закону и по завещанию. Данная область юрисдикции под влиянием устойчивых элементов языческого сознания имела отличия от европейского семейного права, что оказало влияние на ценностный мир русской семьи. Так, признание в ст. 94 Пространной редакции Русской Правды за замужней женщиной большей самостоятельности в имущественном отношении свидетельствовало об изначально высоком статусе жены [8, с. 70]. Утверждение принципа раздельности прав на имущество только в XVIII в. по указу о праве жены распоряжаться своей недвижимостью по своему усмотрению 1753 г. [5, с. 55] с преобладанием до этого принципа общности обнаруживает приоритет равноправия супружеских отношений. Позднее время введения принципа раздельности М. Ф. Владимирский-Буданов объясняет тем, что это «начало мертвое», «противоречащее древнему справедливому понятию о браке» [1, с. 532]. О приоритете равноправия свидетельствуют такие постановления, как решение о равенстве условий при разводе, равнодолевое наследование имущества отца сыновьями с возложенными на них отцовскими обязательствами равнозначных налоговых выплат. Преимущество младшего сына перед старшими братьями в наследовании двора отца возлагало на него обязанность содержания родителей до их смерти. Свидетельством авторитета материнской власти было то обстоятельство, что, согласно ст. 103, 106 Пространной редакции Русской Правды, в ситуации выбора наследника она руководствовалась добрым к ней отношением: «а матери, кото-

рым сын добр... тому же даст свое, а дочери может дати, кто ю кормит» [8, с. 71].

Другим отличительным принципом русского права был принцип, согласно которому при отсутствии завещания имущество по закону переходило всем сыновьям в равных долях. Петр I в русле западноевропейской традиции указом о единонаследии предпринял попытку ввести принцип первородства (майората). Отрицательные последствия принятия данного закона – ссоры, ненависть, смертоубийства – привели к его отмене в 1731 г. указом Анны Иоанновны «как противоречащего стабильному функционированию русской семьи по традиции обычного права» [4, с. 412].

Следует выделить и другие постановления законодателя в сфере имущественных отношений, прежде всего те, что касаются определения круга наследников. Урегулирование вопроса о наследниках по завещанию ставило также и задачи нравственного характера. Заметное расширение круга допускаемых к наследованию лиц в XVI–XVII вв. по Судебнику Ивана Васильевича имело целью формирование «безграничного понятия родства» [1, с. 580], что отвечало политике централизации власти. Уменьшение численного состава семьи в XVIII в. влекло за собой, с одной стороны, повышение социальной мобильности взрослых женатых детей и последующее возникновение обособленных семейных хозяйств, с другой – смещение центра тяжести в семейно-родственных отношениях от родственных связей между братьями к родственным связям между родителями и детьми, что свидетельствовало о зарождении ценности индивидуальной личности.

Важным источником с позиции ценностных оснований семейной жизни является содержание указа Петра I о дифференциации недвижимого имущества на родовое и приобретенное (выслуженное, купленное), определившего объем прав и обязанностей его обладателей. Стремление законодателя укрепить наследственные права рода в целом и сохранить монолитность родового земельного фонда выражалось в ограничении распоряжения землей [11, с. 138]. Об этом свидетельствуют нормативные акты, в которых утверждался приоритет мужчины в сфере наследования как носителя родового начала [11, с. 160–173]. Внимание к родовой вотчине можно объяснить и пониманием со стороны власти значимости такой ценностной составляющей семейной жизни, как кровное родство.

Отдельной сферой регулирования семейных отношений выступала статусно-ролевая позиция членов семьи. Статус в семье и связанная с ним совокупность прав и обязанностей изначально являлись нравственным аспектом реализуемой в семье роли. Для определения семейного статуса в нормативных актах используются следующие категории: муж, жена, супруги, отец, мать, родители, дети. Если понятия «муж», «жена», «супруг» в большей степени охватывали сферу интимных отношений и были сопряжены с категорией «брак», то понятия «отец», «мать», «родители», «дети» наполняли ценностную сферу, связанную с самим основанием брачного союза и созданием семьи в полном значении данного слова.

Анализ законодательных документов в отношении вопроса разграничения прав и обязанностей отца и матери позволяет сделать ряд важных выводов. Прежде всего, сама процедура разграничения прав была связана, с одной стороны, с наличием у законодателя представления о воспитательном идеале, а с другой – со степенью авторитетности каждого родителя в отдельности (отец, мать) и совместно (родители) как важной составляющей успешности воспитания. Уже Устав Князя Ярослава предусматривал в ст. 2 ответственность родителей за «приготовление детей к полезной деятельности»: сыновей – к определению на службу, дочерей – к замужеству. Невыдача дочерей замуж каралась штрафом в пользу митрополита [8, с. 168].

С термином «родители», законодательно закрепившимся в период становления централизованного государства, была связана важнейшая духовная категория семейного воспитания – авторитет родительской власти, основывающийся на «естественной зависимости детей от родителей» [3, с. 277]. Глубокое уважение, почтительное отношение, благоговение перед ними – те нравственные качества, которые ввели в терминологию русской семьи понятие «пиетет», подразумевающий в отношении подчинения младших старшим «внутреннюю свободную подчиненность, а не внешнюю принудительность повиновения» [1, с. 535]. Авторитет родительской власти был сильным вплоть до второй половины XIX в., о чем свидетельствует, например, название статьи в законодательных документах того времени – «О власти родительской» [11].

Усиление авторитета родительской власти относится к XVI в. Попытка ее ограничения в петровские времена («непринуждение

к брачному сочетанию») не уменьшала ее значимости. Брак, заключенный без родительского согласия, хотя и признавался действительным, но лишал детей права наследования недвижимого имущества по закону в случае их непощения родителями. Значение авторитета родительской власти проявилось и в праве родителей применять публично-правовые меры наказания к детям, не повинующимся им или ведущим развратную жизнь.

Несмотря на то, что под категорией «родители» законодателем понимался союз отца и матери в деле воспитания ребенка, акцент делался именно на отце, высокий авторитет которого изначально поддерживался в документах, содержащих нормы семейного права. Так, в упомянутой статье «О власти родительской» в случае споров между родителями, ситуации представления интересов ребенка в суде и т. д. отцу отводится право решающего голоса [11]. Появление ранних законодательных актов XVI в., намечающих пути решения вышеупомянутых вопросов, было обусловлено социально-экономическими и политическими реформами, повлиявшими на правовой статус семьи с позиции переоценки супружеских ролей. Сформировался новый стиль взаимоотношений как взрослых и детей, так и родителей между собой. Это привело к возникновению новых ролевых ожиданий: статус отца-патриарха был сопоставим со статусом государя-патриарха.

На протяжении всей рассматриваемой истории российского законодательства особое внимание уделялось вопросам, связанным с правовым положением ребенка в семье. В ходе анализа содержания законодательных актов складывается представление о полной зависимости детей от родителей, почти бесконтрольном (вплоть до конца

XVII в.) праве наказания последними своего ребенка, что поддерживалось многовековым обычаем непререкаемого авторитета взрослых. Государство и церковь, предлагая новых правовых форм взаимоотношений между родителями и детьми, кроме безоговорочного послушания, в то же время отстаивали интересы ребенка. Это находило отражение, прежде всего, в законодательном закреплении обязанности обоих супругов содержать и воспитывать детей, введении систем опекунов и наследования по завещанию. В эпоху царствования Екатерины II с зарождением демографии была реализована система мероприятий, направленных на увеличение рождаемости и формирование общественного мнения о высоком социальном статусе многодетной семьи, что подкреплялось, в частности, Указом 1787 г. о процедуре представления кандидатов к некоторым выборным государственным должностям, где особо подчеркивался приоритет женатого человека, имеющего детей [7, т. XXII, № 16603, с. 975].

В целом право до второй половины XIX в. отражало ценности национального характера в общем понятии брачного союза. Укрепление государственного строя с опорой на позиции христианства оказывало влияние на структуру и состав семьи, придавая ей статус культурной подсистемы общества.

Анализ российского законодательства в сфере брачного союза и семейных отношений, а также изучение особенностей воспитания детей в крестьянской семье [2] позволяют обобщить ценности семейного воспитания, которые в процессе своего формирования обеспечивали необходимый уровень стабильного функционирования семьи как социального института, ориентированного на интересы и традиции общества.

Ценности семейного воспитания в России до второй половины XIX в.

Ценности-цели	Ценности-средства нравственные качества-ценности
1	2
Кровное родство (единоначалие)	Почитание предков, признательность и благодарность предкам, гордость за принадлежность к своему роду, знание своей генеалогии
Ребенок (смысл и высокое назначение семьи)	Прилежание, почтение родителей, ответственность за их старость, воспитание в ребенке чувства собственного достоинства, личностных идеалов, самостоятельности, инициативности.
Детство (сензитивный период становления человека как личности)	Ответственное отношение родителей к периоду детства, проявляющееся в обеспечении условий для сознательного понимания детьми себя как личности.
Совершеннолетие детей (правоспособность)	Осознанная готовность, способность к самостоятельной жизни.

1	2
Родители (источник продолжения рода) Мать (духовная настоятельница) Материнство (достоинство матери) Отец (прародитель) Отцовство (кормилец, защитник, покровитель)	Ответственность перед ребенком за его жизнь, настоящую и будущую. Доброта, нежность, заботливость, мудрость, справедливость, предупредительность, терпение. Способность к воспитанию ребенка, педагогическая культура. Ответственность за семью, мудрость, опытность, разумность, проницательность. Способность к воспитанию и содержанию ребенка, педагогическая культура
Родительский авторитет (нравственная значимость в глазах детей) Родительство (нравственная зрелость в отношении деторождения) Воспитание (процесс формирования духовно-нравственной основы личности) Родительское благословение (потенциальная сила для достижения благополучия, успешности) Родительское наставление (поучение, наказ)	Ответственное поведение старших в отношении всех членов семьи во всех видах деятельности. Понимание значимости предназначения семейной жизни, потребность в детях, ответственность за деторождение перед родом, государством и церковью. Сознательность, просвещенность в вопросах воспитания. Любовь к ребенку, желание добра в жизни. Житейская мудрость, опытность
Крестные родители (восприемники от купели) Крестные мать и отец (духовные покровители)	Православная мудрость. Ответственность за духовное воспитание, благонравие
Супруги (повенчанная чета, единство духовного и физического) Муж (домовладыка, защитник, советчик) Жена (спутница жизни, советчица)	Умение сопереживать. Быть достойным уважения, способность к хозяйственно-распорядительной деятельности, твердость воли, социальная активность. Привлекательность, чуткость, способность к хозяйственно-экономической деятельности, добродетельность, деловой партнер
Дом (кровнородственная локализация) Семейный лад (единение, внутренняя согласованность) Семейный совет (совместное обсуждение, коллегиальность)	Теплота, гостеприимство, дружелюбие, доброжелательность, чистоплотность, хлебосольство, радушие, щедрость, услужливость, домовитость. Уважительность друг к другу, почтительность, послушность, приноравливание, уступчивость. Уважительное отношение к мнению члена семьи, справедливость в оценке мнения, равнозначность каждого
Венчание (нравственный договор брачующихся для совместной жизни, рождения и воспитания детей)	Взаимная верность, целомудренность в отношениях, предшествующих браку
Брак (духовно-нравственный союз) Кровное свойство (породненность двух родов в результате брака, сватовство) Любовь (взаимное душевное проникновение) Целомудрие (чистота души и тела)	Моральная ответственность друг перед другом, физиологическая и нравственная зрелость как готовность к вступлению в брак. Доброжелательность, желание прийти на помощь в трудной жизненной ситуации. Заботливость, доверительность, жалостливость, искренность. Скромность, стыдливость

Осмысление с позиции педагогической науки национальных приоритетов государства в сфере брачно-семейных отношений, исторически являющихся ценностной доминантой семейной жизни, позволяет конкретизировать вопрос о ведущем факторе его позитивного развития в современных условиях. Несомненно, это семья, культурное состояние которой определяет культурное состояние государства и общества. В рамках реализации приоритетных национальных

проектов должны приниматься и реализовываться такие программы развития образовательной и демографической политики, в основу которых положен анализ ценностей семейного воспитания, ставших традиционными. В ситуации высокой информационной доступности альтернативных точек зрения на феномен семьи в качестве жизненного приоритета для отечественной культуры современной молодежи следует определить традиционные семейные ценности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. – Москва : Территория будущего, 2005. – 800 с. – ISBN 978-5-7333-0172-4.

2. **Володина, Л. О.** Ценности воспитания в русской крестьянской семье во второй половине XIX – начале XX века : диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Л. О. Володина. – Москва, 2017. – 388 с.
3. **Загоровский, А. И.** Курс семейного права / А. И. Загоровский. – Одесса : Экономическая типография, 1902. – 460 с.
4. **Неволин, К. А.** История российских гражданских законов : в 3 т. Т. 1 : Введение и книга первая о союзах семейственных / К. А. Неволин. – Санкт-Петербург : Тип. Императорской Академии наук, 1851. – 456 с.
5. Новый памятник законов Империи Российской : в 9 т. Т. 4. – Санкт-Петербург : Типография Правительствующего Сената, 1826. – 560 с.
6. **Павлов, А. С.** Курс церковного права / А. С. Павлов. – Санкт-Петербург : Лань, 2002. – 384 с. – ISBN 5-8114-0434-4.
7. Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г. (ПСЗРИ) : в 45 т. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 01.07.2019).
8. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси / ответственный редактор В. Л. Янин. – Москва : Юридическая литература, 1984. – 432 с. – ISBN 5-7260-0009-9.
9. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / ответственный редактор А. Д. Горский. – Москва : Юридическая литература, 1985. – 520 с. – ISBN 5-7260-0009-9.
10. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / ответственный редактор А. Г. Маньков. – Москва : Юридическая литература, 1986. – 512 с. – ISBN 5-7260-0009-9.
11. Собрание законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное : в 16 т. Т. 10 : Свод законов гражданских. Свод законов межевых. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire&nochache> (дата обращения: 01.07.2019).
12. **Стоюнин, В. Я.** Наша семья и ее исторические судьбы / В. Я. Стоюнин // Педагогические сочинения. – Санкт-Петербург ; Москва : Типография Стасюлевича, 1903. – С. 1–90.

REFERENCES

1. Vladimirskij-Budanov M. F. *Obzor istorii russkogo prava* [Overview of the history of Russian law]. Moscow, 2005. 800 p. (In Russ.).
2. Volodina L. O. *Cennosti vospitaniya v russkoj krest'yanskoj sem'e vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka. Diss. dokt. ped. nauk* [The values of upbringing in a Russian peasant family in the second half of the XIX – early XX centuries. Diss. Dsc. in Pedagogy]. Moscow, 2017. 388 p. (In Russ.).
3. Zagorovskij A. I. *Kurs semejnogo prava* [Family Law Course]. Odessa, 1902. 460 p. (In Russ.).
4. Nevolin K. A. *Istoriya russijskih grazhdanskih zakonov v 3 t. T. 1. Vvedenie i kniga pervaya o soyuzah semejstvennyh* [The history of Russian civil laws in 3 vol. Vol. 1. Introduction and the first book on family unions]. St. Petersburg, 1851. 456 p. (In Russ.).
5. *Novyj pamjatnik zakonov Imperii Rossijskoj v 9 t. T. 4.* [A new monument to the laws of the Russian Empire in 9 vol. Vol. 4]. St. Petersburg, 1826. 560 p. (In Russ.).
6. Pavlov A. S. *Kurs cerkovnogo prava* [Church Law Course]. St. Petersburg, 2002. 384 p. (In Russ.).
7. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii s 1649 g.* (PSZRI) v 45 t. [The complete collection of laws of the Russian Empire since 1649 in 45 vol.]. Available at: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (accessed 01.07.2019). (In Russ.).
8. Янин В. Л. (red.) *Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. v 9 t. T. 1. Zakonodatel'stvo Drevnej Rusi* [Russian legislation of the 10th–20th centuries in 9 vol. Vol. 1. Legislation of Ancient Russia]. Moscow, 1984. 432 p. (In Russ.).
9. Горский А. Д. (red.) *Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. v 9 t. T. 2. Zakonodatel'stvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo centralizovannogo gosudarstva* [Russian legislation of the 10th–20th centuries in 9 vol. Vol. 2. Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state]. Moscow, 1985. 520 p. (In Russ.).
10. Маньков А. Г. (red.) *Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. v 9 t. T. 4. Zakonodatel'stvo perioda stanovleniya absoljutzizma* [Russian legislation of the 10th–20th centuries in 9 vol. Vol. 4. Legislation of the period of absolutism]. Moscow, 1986. 512 p. (In Russ.).
11. *Sobranie zakonov Rossijskoj Imperii, poveleniem gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennoe v 16 t. T. 10. Svod zakonov grazhdanskih. Svod zakonov mezhevyh* [The collection of laws of the Russian Empire by order of the Emperor Nikolai Pavlovich compiled in 16 vol. Vol. 10. Code of civil laws. Code of laws of boundary]. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire&nochache> (accessed 01.07.2019). (In Russ.).
12. Стоюнин В. Я. *Nasha sem'ya i ee istoricheskie sud'by* [Our family and its historical destinies]. Pedagogicheskie sochineniya [Pedagogical works]. Saint Petersburg, Moscow, 1903, pp. 1–90. (In Russ.).

УДК 67.409

Зарождение и утверждение идей исправления и перевоспитания заключенных в России в конце XVIII – первой половине XIX века

В. Б. ДВОРЦОВ – начальник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, кандидат педагогических наук;

Т. Н. КОГОЛЬ – доцент кафедры организации кадровой, социальной, психологической и воспитательной работы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент

Реферат

В статье рассматривается процесс зарождения и становления идей исправления и перевоспитания личности заключенных, который приходится в России на конец XVIII – первую половину XIX века. На конкретном историческом материале показаны причины, которые не только вызвали к жизни эти идеи, но и влияли на их эволюционное развитие.

Анализируется во многих отношениях сложный и неоднозначный опыт реализации гуманистических начал в законодательной и пенитенциарной отечественной практике. Утверждению идеи гуманного отношения к личности осужденного во многом способствовали общественные организации, в частности Попечительное о тюрьмах общество.

Показано, что к концу рассматриваемого периода гуманистические идеи о ценности человеческой личности и необходимости торжества закона достаточно прочно вошли в русскую философско-политическую культуру и привели к изменению вектора уголовно-исполнительной политики.

Ключевые слова: личность заключенного; цель наказания; нравственное исправление и перевоспитание преступников; условия отбывания наказания; средства исправления.

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования

The origin and approval of ideas for the correction and re-education of prisoners in Russia in the late XVIII – first half of the XIX century

V. B. DVORTZOV – Head of the Tomsk Institute for Advanced Studies of Staff of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Pedagogics;

T. N. KOGOL – Associate Professor of the Department of Organization of Personnel, Social, Psychological and Educational Work of the Tomsk Institute for Advanced Studies of Staff the Federal Penal Service of Russia, PhD. in History, Associate Professor

Abstract

The article discusses the process of origin and formation of ideas for correcting and re-educating the personality of prisoners, which falls in Russia at the end of the 18th – first half of the 19th centuries. The concrete historical material shows the reasons that not only brought these ideas to life, but also influenced their evolutionary development.

The complex and ambiguous experience of the implementation of humanistic principles in the legislative and penal domestic practice is analyzed in many respects. The idea of a humane attitude to the personality of the convicted person was largely promoted by public organizations, in particular the Society of Prison Guardians.

It is shown that at the end of the period under review, humanistic ideas about the value of the human person and the need for the rule of law firmly entered the Russian philosophical and political culture and led to a change in the vector of the penal policy.

Keywords: the identity of the prisoner; purpose of punishment; moral correction and re-education of criminals; conditions of serving a sentence; remedies.

13.00.01 – General pedagogy, history of pedagogy and education

Обращение к истокам становления гуманистических идей в отечественной философско-правовой пенитенциарной мысли никогда не теряет своей актуальности. Осмысление достижений прошлого, преемственности идей воспитательной стороны наказания и социально-нравственных представлений дает возможность увидеть современность практики исправления и перевоспитания осужденных. Опыт прошлого постоянно нуждается во всестороннем из-

учении и экстраполяции на повседневную профессиональную деятельность каждого сотрудника уголовно-исполнительной системы.

Зарождение идей исправления и перевоспитания заключенных, их развитие в конце XIX – начале XX в. в рамках тюремного ведения как науки в сфере исполнения уголовных наказаний связано с появлением потребности общества в сущностном изменении личности преступника, его включении

в систему морально-общественных ценностей, возвращении в законопослушную среду. Такой общественный запрос зависит от уровня социального развития общества, экономической и политической ситуации в государстве.

Во второй половине XVII в. в России под влиянием идей европейских философов и ученых Ч. Беккариа, Ф. Вольтера, Д. Дидро, Д. Говарда, Ш. Монтескье начинает постепенно меняться вектор уголовно-исполнительной политики. В государственном масштабе получают развитие гуманистические мысли о ценности человеческой личности и необходимости торжества закона. В ряде программных документов Екатерина II раточко очерчивает свою монаршую позицию.

Так, в Манифесте от 22.09.1762 «О прощении вин впадшим в преступления и о сложении начетов и казенных взысканий» по случаю коронавания читаем: «Мы не строгостию законов (которая всегда будет в крайности и последнее от Нас преступникам оных исправление), но прямым соболезнованием о них и милосердием желаем сердца их поврежденные возбудить к раскаянию и обратить на путь истины» (ПСЗ. Т. XVI. Ст. 11.667. С. 69). В 1763 г. в Указе «О порядке производства уголовных дел по воровству, разбою, и пристанодержательству» выдвинуто требование о формировании объективной доказательственной базы, так как лучше «виновного освободить, нежели невинного истязать по утверждению одних пыток» (ПСЗ. Т. XVI. Ст. 11.750. С. 155). И наконец, в «определившем все европейское законодательство почти на целое столетие» [9, с. 3] «Наказе» 1767 г. – наставлении для специальной комиссии по созданию нового Уложения – Екатерина II прямо заявляет: «...цель наказания не в том, чтобы мучить... Они на тот конец предписаны, чтоб воспрепятствовать виноватому, дабы он впредь не мог вредить обществу, и чтобы отвратить сограждан от соделания подобных преступлений» (ПСЗ. Т. XVI. Ст. 11.750. С. 157).

Практическим воплощением новых идей в области исправления преступников в пенитенциарной практике стали постепенная отмена наиболее жестоких видов наказания, сокращение отдельных максимальных сроков содержания под стражей и судебного разбирательства лиц, содержащихся в тюрьмах по «обыкновенным тяжёлым делам», рекомендации по возможности «не держать под караулом», а отдавать на поруки.

Вместе с тем необходимо отметить, что идеи человеколюбия, которые стали так ак-

тивно утверждаться в XVII в., нельзя назвать принципиально новыми для тогдашней российской действительности. Патриархальная культурная ментальность общества традиционно демонстрировала сострадание к ближнему, а в преступниках, государством осужденных, видела не столько нарушителей закона, сколько оступившихся людей, к которым надлежит относиться с жалостью и сочувствием. В том, что люди совершили преступление, наши предки видели и собственную вину, чувствовали коллективную ответственность за содеянное. Истоки такого отношения восходят к христианским идеалам, к которым должен стремиться православный человек в своей жизни, а также к специфическим (общинным) особенностям устройства русского общества.

Стоит отметить интересный правовой феномен, имевший место в законодательстве и практике вплоть до середины XVI в. (то есть до появления Судебника 1550 г.), когда право отнесения содеянного деяния к «лихому делу», то есть преступлению, оставалось за обществом. «Сила общественного мнения была настолько велика, что без изъятого (поличного) и даже без суда, лицо может быть обвинено, если 5–6 “добрых людей” под присягою назовут его вором» [7]. При этом мнение общины строилось только на субъективной оценке нравственной составляющей самого деяния, степени испорченности человека и на его реальной или потенциальной пользе для общины, что было немаловажно, учитывая ее сельскохозяйственный характер.

Сочувственное и сострадательное отношение народных масс к осужденным формировалось также под влиянием правовой практики того периода, когда юридическая ответственность имела четко выраженный сословный характер, а суровость мер наказания объяснялась исключительно целью устрашения и не учитывала адекватность содеянного лицом деяния. В народном сознании возникал диссонанс между христианским пониманием правды и государственной линией проводимой уголовной политики. В глазах народа осужденные зачастую рассматривались как жертвы чиновничьего (сословного) произвола.

Рассматривая эволюцию государственного мышления в области исполнения наказаний, исправления и перевоспитания преступников, отметим проект «Устава о тюрьмах» 1787 г., который закрепил передовые европейский взгляды на организацию

тюремных систем и стал отражением гуманистических идей самой императрицы.

Структура проекта включала сто статей, объединенных в несколько разделов, из которых можно выделить три основных: 1) о создании тюрем для заключенных разных групп разного наименования и предназначения; 2) содержании заключенных; 3) тюремной администрации.

В проекте нашли отражение принципы классификации заключенных с делением их на группы по тяжести совершенных преступлений, раздельного содержания последних по гендерному признаку, организации тюрем и обеспечения режима, прописывались требования к тюремному персоналу. Подчеркивая гуманность своих законодательных мероприятий, Екатерина II устанавливала, что перед поступлением на службу сотрудники тюремной администрации должны принимать торжественную присягу и клясться, что они с арестантами «сурово поступать не будут, но человеколюбиво, без послабления», что будут доставлять им «пищу, питье, одежду и прочее содержание без малейшего ущерба». Тем самым вводился принцип личной ответственности тюремной администрации за выполнение служебных обязанностей.

Надо сказать, что этот проект постигла судьба ряда других прогрессивных законодательных актов екатерининского времени. Изложенные в них идеи опережали культурно-исторический контекст и потому не могли быть реализованы. Это давало авторитетным исследователям прошлого (М. Н. Гернет) повод для жесткой критики как самих документов, так и императрицы. Сегодняшняя переоценка многих исторических реалий приводит к иному взгляду на нормотворческую деятельность Екатерины II. Официальные, идущие от первого лица государства, обладающего абсолютной властью, философско-правовые идеи могут представлять ценность сами по себе, даже в отсутствие их практической реализации. В культурно-исторической традиции российской государственности они выступают своеобразным месседжем не только по отношению к современникам, но и будущим поколениям российских подданных. И действительно, как показали последующие исторические события, идеи, аккумулированные в проекте, оказали значительное влияние на социально-правовые и педагогические позиции в России и за ее пределами, вошли во многие будущие законы [3, с. 12].

С этого периода начинает отчетливо прослеживаться трансформация взглядов на труд осужденных, что нашло отражение в деятельности смиренных и работных домов, созданных еще в петровскую эпоху. В отличие от изнурительного каторжного труда, преследовавшего исключительно цели наказания, устрашения и получения прибыли, труд в этих учреждениях стал рассматриваться сквозь призму исправительного воздействия. Заключение в смиренные дома с обязанностью трудиться подвергались лица с антиобщественным поведением, ведущие праздный образ жизни, не желающие работать для своего пропитания.

Некоторые исследователи обращают внимание на интересную деталь указа Екатерины II в отношении лиц, помещенных в смиренные дома. Она состоит в том, что если кто из граждан и мог заплатить за вора стоимость похищенного, то эта сумма все равно не принималась, и вору самому нужно было заработать стоимость того, что украл, проценты на содержание и компенсировать моральный вред. В этом видится прообраз трудового перевоспитания, приучения праздных людей и правонарушителей к труду [4, с. 36]. Полагаем, что этот опыт можно адаптировать к современным реалиям, дабы он мог быть полезен и в наше время.

Идеи о необходимости прогрессивного развития России, ставшие активно утверждаться в обществе после походов русской армии за границу и победы над Наполеоном, знакомства с передовыми мыслями по справедливому устройству государства, не могли не затронуть тюремную систему страны.

Новаторские идеи о том, что целью наказания должно быть исправление преступника и предупреждение совершения новых преступлений, содержатся в трудах многих общественно-политических деятелей и публицистов начала XIX в. Наиболее убедительно они изложены в книге А. П. Куницына «Право естественное» (1818), а также в работах Г. И. Солнцева, А. И. Галича и др. [6, с. 9].

Первая четверть XIX в. занимает особое место в истории русской тюрьмы, так как в этот период произошел заметный позитивный сдвиг в проводимой государством тюремной политике. Сказались и тогдашние настроения в русском обществе.

Активно распространяются новые гуманистические идеи о причинах преступности, наказании как мере вины, задачах и сущности содержания под стражей, передовых тюремных системах и т. д. В орбиту философии

естественных прав человека включаются и заключенные. Изменение умонастроений просвещенного русского аристократического дворянства приводило к кардинальному изменению этики поведения. Правилом хорошего тона становятся филантропия и благотворительность. Именно эти изменения заложили основы фундамента для общественной благотворительной деятельности по самым разным направлениям. Одним из них стала деятельность Попечительного о тюрьмах общества, положившая начало новому направлению в тюремной политике.

По инициативе члена Английского тюремного общества (Лондонского общества улучшения мест заключения) Вальтера Веннинга, сделавшего доклад Александру I об осмотре мест заключения Петербурга, 19 июля 1819 г. императором было дано разрешение на открытие в Петербурге Попечительного о тюрьмах общества. О высоком социальном статусе данного общества свидетельствует тот факт, что оно находилось под покровительством самого императора. Утверждая одной из своих целей исправление преступников, общество имело в виду, прежде всего, нравственные изменения личности заключенного. Основными средствами исправления арестантов стали «наставления их в правилах христианского благочестия и доброй нравственности». Особый акцент в уставе общества делался на религиозном воздействии на арестантов. Впервые говорится о создании тюремных библиотек в общих местах заключения с подборкой книг «Священного писания и духовного содержания» [2, с. 98–100].

Попечительное общество с первого года своего существования приступило к публикации ежегодных отчетов, в которых особое место уделялось анализу и описаниям религиозно-нравственного воздействия членов общества на арестантов и успехов такого воздействия, статистике исповедей и причастия [2, с. 281]. Общество явилось первой общественной организацией, предпринявшей реальные действия по улучшению положения в тюрьмах, а потому получило право посещать места заключения в любое время, а также участвовать в их управлении. Вполне очевидно, что говорить об установлении общественного контроля над местами лишения свободы в современном виде не приходится, однако сам факт создания такого общества и наделения его соответствующими полномочиями свидетельствует о понимании властями важности открытости тюремной системы, необходимости привле-

чения к работе с осужденными всех заинтересованных сил российского общества.

Деятельность этой общественной организации оказала существенное влияние на изменения в организации системы исполнения уголовного наказания. Было улучшено положение пересыльных заключенных, стали выделяться финансы на их питание и снабжение одеждой. В тюрьмах начали вводить официальный распорядок дня. Были внесены изменения в содержание под стражей, в частности был запрещен свободный вход в тюрьму для раздачи милостыни заключенным, запрещены отлучки арестантов из долговой тюрьмы, установлены специальные дни в неделю для посещения родственниками. «Применялись меры по искоренению праздности, вводились часы занятий, часы работы и отдыха. Началось обучение арестантов ремеслам и грамоте. Петербургское общество ввело вместо передвижения узников в кандалах по городу перевозку их в специально оборудованных экипажах. По инициативе членов общества был заметно снижен вес оков, надеваемых на арестантов, введено единое форменное арестантское платье, образец которого утвердил сам Александр I» [4, с. 13].

Впервые в отечественной истории научное сообщество и практика совместными усилиями сформулировали пять средств исправления, которые и в настоящее время оцениваются как содержащие кроме тюремных еще и педагогические начала:

- надзор за заключенными, осуществляемый на постоянной и непосредственной основе;
- размещение заключенных на принципах классификации по роду преступлений и тяжести обвинений;
- наставление и поучение в правилах благочестия и доброй праведности;
- занятия приличными упражнениями;
- заключение провинившихся или буйствующих в специальное уединенное место.

Высказанные мысли о том, что средства воздействия на осужденных с целью их исправления должны быть гуманными по самой своей сути, ориентированными на нравственное положительное изменение личности и ее перевоспитание, получили дальнейшее развитие в пенитенциарной теории и практике. Несомненно, с развитием науки и представлений о воспитательном характере воздействия на личность осужденного они модифицировались, но в своем базисном направлении остаются весьма актуальными.

Далеко не все идеи В. Венинга как вдохновителя Общества попечительного о тюрьмах были приняты, например не нашел поддержки тезис «дифференцировать заключенных по нравственным категориям и занять их обязательными работами с применением нравственно-религиозного воспитания» [10, с. 295]. Однако деятельность общества носила четко выраженный социально-педагогический характер, а ее практическая сторона получила последующее теоретическое закрепление при зарождении отечественной пенитенциарной педагогической науки.

Важным событием в становлении идей перевоспитания и исправления преступников стало открытие в 1819 г. под Гомелем в имении графа Румянцева первой в России земледельческой колонии для несовершеннолетних правонарушителей. Ее основал опытный педагог Я. И. Герд, приглашенный в Россию для организации обучения детей по специальному «ланкастерскому» методу. Гомельская колония была предназначена для перевоспитания малолетних бродяг и стала первой не только в России, но и, как отмечал сам Я. И. Герд, обогнала Францию на 20 лет [1, с. 56–57].

С этого периода в России стал складываться опыт особого подхода в «исправлении порочных и преступных детей». Однако можно предположить, что этот опыт был не совсем удачным или не получил широкой поддержки. По крайней мере уже через три года в Сборнике постановлений по Министерству народного просвещения № 433 от 22 октября 1822 г. (Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование Александра I (1802–1825). Ст. № 433) мы находим распоряжение о выделении из государственной казны денежных сумм на содержание утвержденного в Санкт-Петербурге училища для бедных русских мальчиков и назначении Я. И. Герда его управляющим.

Заметный вклад в утверждение идей перевоспитания и исправления личности преступника внес Санкт-Петербургский комитет Попечительского о тюрьмах общества. Он принял непосредственное участие в разработке Инструкции смотрителю губернского тюремного замка, утвержденной Кабинетом Министров 26 мая 1831 г.

Данная инструкция состоит из 245 статей, объединенных в 12 глав, и раскрывает порядок приема арестантов, условия их размещения и содержания, режим труда и быта, особенности приема больных и их ле-

чения, требования к персоналу. Учитывая особую роль Русской православной церкви не только в духовном окормлении, но и в нравственном воспитании и исправлении заключенных, законодатель подробно регламентирует правовое положение церковного института в тюрьме, порядок посещения церковной службы арестантами, отправления ими религиозных обрядов, а также предписывает администрации следить, «чтобы во время церковной службы не было со стороны арестантов никаких “непристойностей”» [2, с. 106]. В организации воспитания заключенных основной акцент сделан на деятельности церкви. Священнослужители участвуют в этом процессе с религиозно-нравственной составляющей. Значительно активизируется работа по объединению усилий тюремного персонала и священников по формированию у арестантов законопослушного поведения.

Отметим, что до принятия этого единого документа в России действовали локальные нормативные акты, регламентировавшие условия и порядок отбывания наказания в пределах конкретных учреждений, например Положение о должности смотрителя тюремного замка в Москве 1804 г., Петербургская тюремная инструкция 1819 г., Инструкция главному надзирателю Виленского тюремного замка 1821 г., Положение о должности надзирателей тюремных замков 1823 г. и др. В них наряду с общими указаниями по руководству тюрьмой содержались общечеловеческое требование к смотрителям и тюремной страже гуманно относиться к осужденным. Так, надзирателю замка вменялось в обязанность «обращаться с содержащимися ласково и особенно наблюдать всякое снисхождение и человеколюбие, дабы никто из них свыше меры содеянного не отягощался...» (Положение о должности надзирателей тюремных замков. 1823 г.), «с заключенными арестантами обхождение иметь строгое, однако же, никогда не отступать от правил человеколюбия и обходиться без злобы, мщения и насильства» [2, с. 148]. Однако все эти требования, имеющие значительное социально-педагогическое значение для изменения сознания персонала в отношении к осужденным и достижения цели наказания и исправления, носили локальный характер, необязательный для других мест заключения.

Введенная в действие инструкция 1831 г. стала одним из первых документов, устанавливающих единые правила внутреннего тюремного распорядка на территории России

для всех мест лишения свободы. Несмотря на то, что она, как и ранее принятые документы, не содержала прямых норм, указывающих на цели и задачи тюремного заключения, в ее содержании отчетливо прослеживалась мысль о необходимости исправления личности и, прежде всего, ее нравственного изменения. Эти вопросы подробно освещены в главах «О благочинии и опрятности», «Об упражнениях содержащихся в тюремном замке», «О церкви», «О посетителях».

В соответствии с данным документом обязанность по нравственному переустройству личности возлагалась на священнослужителей и администрацию. Они собственным примером должны были показывать персоналу и заключенным благочинное и благонравное исполнение своего дела.

На священнослужителей наряду с сугубо церковными обязанностями, такими как чтение молитв, проповедей, Священного писания, в соответствии со ст. 153–159 инструкции возлагались и светские миссии. Они должны были посещать осужденных как можно чаще, но не менее двух раз в неделю, «ознакомиться с нравственностью каждого из содержащихся в тюремном замке, приобрести его доверенность к себе и основать действия в отношении к исправлению каждого соответственно обстоятельствам». Им также поручалось обучение «закону Божию или же и другим предметам несовершеннолетних, содержащихся в тюремном замке» [5].

Важным социально-педагогическим требованием Инструкции смотрителю губернского тюремного замка является необходимость приобщения осужденных к труду. В тюремном замке должны быть учреждены работы различного рода. Занятие осужденных социально полезной трудовой деятельностью должно было направить последних на исправление: «работы сии для каждого из арестантов избирались такие, кои, сколь возможно, во время их заключения занимали бы их, не позволяли бы им быть праздными, приучали к порядку, к правильному употреблению времени, к подчиненности и повиновению, дабы, по возвращении в недра общества, соделались они полезными сами себе и семействам своим, вообще клонились бы к исправлению нравственности и к привычке трудиться». Как видим, привлечение осужденных к труду не преследовало цели получения экономической прибыли. При назначении работ рекомендовалось учитывать социально-демографические характеристики заключенного, такие как пол,

возраст, физические возможности, состояние здоровья, познания, способности к каким-либо занятиям ремеслу или работе. Инструкция достаточно подробно описывает, какими работами должны заниматься осужденные согласно их социальному положению. Все это, по мнению законодателя, способствовало бы исправлению личности арестантов.

Гуманистические идеи исправления личности осужденного получили дальнейшее развитие в законодательстве страны. В 1845 г. при активном участии М. М. Сперанского создается «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных». В нем была введена система наказаний, делившихся на уголовные и исправительные по 11 родам, разбитым на 35 степеней в зависимости от тяжести совершенного деяния: от выговора и внушения до смертной казни.

Если уголовные наказания по своему смыслу должны были применяться к наиболее опасным для общества преступникам и не содержали в себе ресоциализирующих начал, то исправительные, по мысли законодателя, должны были не только способствовать искуплению вины, но исправить личность, вернуть в общество законопослушного гражданина.

Такой процесс заключался в следующем:

1. Потеря всех прав и преимуществ как личных, так и по состоянию осужденного, ему присвоенных; ссылка на жительство в отдаленнейшие или менее отдаленные места Сибири с временным и определенным для его жительства местом заключения или без оно (от 1 года до 4 лет); для людей, к которым были разрешены телесные наказания, от 50 до 100 ударов розгами через полицейских служителей и отдача на время в исправительные арестантские роты гражданского ведомства с потерей всех особенных прав и преимуществ, лично или же по состоянию или званию ему присвоенных.

2. Ссылка на жительство в другие, кроме сибирских, отдаленные губернии с потерей всех особенных прав и преимуществ, как личных, так и по состоянию, ему присвоенных, и с временным определением для его жительства места заключения или без оно (от 3 месяцев до 2 лет); для людей же, не изъятых от наказаний телесных, заключение в рабочем доме также с потерей всех особенных прав и преимуществ, лично или по состоянию или званию осужденного ему присвоенных (от 3 месяцев до 3 лет).

3. Временное заключение в крепости с лишением некоторых преимуществ, лично

или же по состоянию осужденного ему присвоенных, или же без лишения оных, смотря по роду преступления и мере вины.

4. Временное заключение в смирительном доме с лишением лишь некоторых особых прав и преимуществ, лично или по состоянию ему присвоенных, или же без лишения оных, смотря по роду преступления и мере вины (от 3 месяцев до 3 лет).

5. Временное заключение в тюрьме (от 3 месяцев до 2 лет).

6. Краткосрочный арест (от 1 дня до 3 месяцев).

7. Выговоры в присутствии суда; замечания и внушения от мест присутственных или правительства; денежные взыскания [8, с. 11–12].

Данный закон оказал заметное влияние на развитие всей последующей пенитенциарно-педагогической мысли и в определенной степени подвел итог общественно-политических воззрений российского общества относительно идеи исправления преступников, законодательно ее закрепив.

Таким образом, конец XVIII – первая половина XIX в. в России – это период зарождения и постепенного утверждения идей гуманного отношения к личности осужденного. Формирование представлений о воспитательной цели уголовного наказания через исправление и перевоспитание личности преступника происходит сначала в рамках правовой, а позднее психолого-педагогической мысли. Значительный импульс для осмысления, утверждения и постепенных попыток реализации этих идей в пенитенциарной практике того времени был задан личной позицией лиц царствующей династии, благодаря чему происходит изменение вектора уголовно-исполнительной политики. Поддержка царствующим домом процесса гуманизации исполнения наказаний стимулирует также общественную активность в этом вопросе, ярким примером которой может служить деятельность Попечительского о тюрьмах общества», а также общественно-политических деятелей и публицистов, передовых педагогов-практиков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Беляева, Л. И.** Правовые, организационные и педагогические основы деятельности исправительных заведений для несовершеннолетних в России (середина XIX – XX вв.) : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Л. И. Беляева. – Москва, 1995. – 539 с.
2. **Гернет, М. Н.** История царской тюрьмы : в 5 т. Т. 1 / М. Н. Гернет. – Москва : Госюриздат, 1951. – 357 с.
3. **Детков, М. Г.** Исполнение уголовных наказаний в дореволюционной России: цикл лекций для проведения занятий с личным составом уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации / М. Г. Детков, А. Б. Филиппов. – Москва : НИИ УИС Минюста России, 2004. – 199 с. – ISBN 5-86861-004-0.
4. **Лисин, А. Г.** Тюремная система российского государства в XVIII – начале XX вв. : учебное пособие / А. Г. Лисин, Н. И. Петренко, Е. Н. Яковлева. – Москва : Академия МВД России, 1996. – 60 с.
5. **Лопато, Т. М.** Сборник узаконений и распоряжений по тюремной части / Т. М. Лопато. – Пермь, 1903. – 364 с.
6. **Поздняков, В. М.** Отечественная пенитенциарная психология: история и современность : монография / В. М. Поздняков. – Москва : Академия управления МВД России, 2000. – 269 с.
7. **Романовский, В. Е.** Наказ Императрицы Екатерины II / В. Е. Романовский. Тифлис, 1899. – 56 с.
8. Уголовно-исполнительная система: 130 лет. – Москва : Объединенная редакция ФСИН России, 2009. – 301 с. – ISBN 978-5-9516-0421-7.
9. Тюрьмы в России. Собственноручный проект императрицы Екатерины II (1787) // Русская старина: ежемесячное историческое издание. – 1873. – Т. VIII. – С. 60–87.
10. **Фойницкий, И. Я.** Учение о наказании в связи с тюремоведением / И. Я. Фойницкий. – Москва : Добросвет-2000, Городец, 2000. – 462 с. – ISBN 5-89391-061-3.

REFERENCES

1. Belyaeva L. I. *Pravovye, organizacionnye i pedagogicheskie osnovy deyatelnosti ispravitel'nyh zavedenij dlya nesovershennoletnih v Rossii (seredina XIX – XX vv.)*. Diss. dokt. yurid. nauk [Legal, organizational and pedagogical foundations of the activities of correctional institutions for minors in Russia (mid-19th – 20th centuries). Diss. Dsc. in Law]. Moscow, 1995. 539 p. (In Russ.).
2. Gernet M. N. *Istoriya carskoj tyur'my v 5 t. T. 1* [The history of the royal prison in 5 vol. Vol. 1]. Moscow, 1951. 357 p. (In Russ.).
3. Detkov M. G., Filippov A. B. *Ispolnenie ugovolnyh nakazaniy v dorevolucionnoj Rossii* [Execution of criminal sentences in pre-revolutionary Russia]. Moscow, 2004. 199 p. (In Russ.).
4. Lisin A. G., Petrenko N. I., Yakovleva E. N. *Tyuremnaya sistema rossijskogo gosudarstva v XVIII – nachale XX vv.* [The prison system of the Russian state in the XVIII – early XX centuries]. Moscow, 1996. 60 p. (In Russ.).
5. Lopato T. M. *Sbornik uzakonenij i rasporyazhenij po tyuremnoj chasti* [Collection of legalizations and orders on the prison]. Permian, 1903. 364 p. (In Russ.).
6. Pozdnyakov V. M. *Otechestvennaya penitenciar'naya psihologiya: istoriya i sovremennost'* [Domestic prison psychology: history and modernity]. Moscow, 2000. 269 p. (In Russ.).
7. Romanovskij V. E. *Nakaz Imperatricy Ekateriny II* [The order of Empress Catherine II]. Tiflis, 1899. 56 p. (In Russ.).
8. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: 130 let* [Penal system: 130 years]. Moscow, 2009. 301 p. (In Russ.).
9. Tyur'my v Rossii. *Sobstvennоручnyj proekt imperatricy Ekateriny II (1787)* [Prisons in Russia. The own project of Empress Catherine II (1787)]. *Russkaya starina – Russian antiquity*, 1873, vol. VIII, pp. 60–87. (In Russ.).
10. Fojnickij I. Ya. *Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedenijem* [The doctrine of punishment in relation to prison science]. Moscow, 2000. 462 p. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БЫКОВ А. И., научный сотрудник НИЦ-1 Научно-исследовательского института ФСИН России. E-mail: HellSinG199@mail.ru

ВОЛОДИНА Л. О., профессор кафедры психологии и педагогики, заместитель директора института истории и филологии Вологодского государственного университета, доктор педагогических наук, доцент. E-mail: volodina-l@mail.ru

ГЕРАСИМОВА Е. В., заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Северо-Западного института (филиала) Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: evger.vologda@mail.ru

ГОРБАНЬ Д. В., старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра Академии ФСИН России, старший преподаватель кафедры криминологии и организации профилактики преступлений Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: dimas8807@mail.ru

ДВОРЦОВ В. Б., начальник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, кандидат педагогических наук. E-mail: kr1021@yandex.ru

ЕМЕЛЬЯНОВА Е. В., главный научный сотрудник отдела по изучению социальных процессов и разработке комплексных проблем обеспечения правопорядка Научного центра Академии управления МВД России, директор юридического института Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, доктор юридических наук, доцент. E-mail: eev-rusinovo@yandex.ru

ЗАУТОРОВА Э. В., профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования. E-mail: elvira-song@mail.ru

КИЛИМБАЕВ Р. В., командир взвода юридического факультета Академии ФСИН России. E-mail: romankilimbaev@yandex.ru

КИСЕЛЕВ С. С., доцент кафедры уголовного права Северо-Кавказского филиала Российской государственного университета правосудия, кандидат юридических наук. E-mail: kiselev_omamvd@mail.ru

КОВАЛЕВ С. В., заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по кадрам. E-mail: ono-vipe@mail.ru

КОВТУНЕНКО Л. В., профессор кафедры уголовно-исполнительного и уголовного права Воронежского института ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент. E-mail: kovtunenkolv@mail.ru

КОГОЛЬ Т. Н., доцент кафедры организации кадровой, социальной, психологической и воспитательной работы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент. E-mail: kog@mail2000.ru

КОЛЬЕВ А. А., доцент кафедры управления экономической деятельностью и организации производства в уголовно-исполнительной системе инженерно-экономического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат экономических наук, доцент. E-mail: braun9@yandex.ru

КУСАКИНА Е. А., доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Пермского института ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент. E-mail: kea.perm@mail.ru

ЛУЦЕНКО П. А., доцент кафедры гуманитарных дисциплин, гражданского и уголовного права гуманитарно-

правового факультета Воронежского государственного аграрного университета им. императора Петра I, кандидат юридических наук. E-mail: lawer.vrn@mail.ru

МАЛЬЧИКОВ Р. В., старший преподаватель кафедры кинологии Пермского института ФСИН России, кандидат сельскохозяйственных наук. E-mail: malchikov00@bk.ru

МАСЛОВ И. С., преподаватель кафедры теории и истории государства и права Воронежского института МВД России. E-mail: ivan_vrn_maslov@mail.ru

МАТВЕЕВА Т. П., старший преподаватель кафедры частноправовых дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России. E-mail: matveeva33@mail.ru

НЕКРАСОВ В. Н., доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: vnnekrasow@mail.ru

НЕСТЕРОВА О. И., старший инспектор по особым поручениям отдела уголовно-исполнительного законодательства, планирования и проведения служебных проверок правового управления ФСИН России, доктор исторических наук. E-mail: molga.77@yandex.ru

ОБОТУРОВА Н. С., профессор кафедры философии и истории психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор философских наук, доцент, действительный член Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности. E-mail: ono-vipe@mail.ru

СЕНАТОВА Е. В., доцент кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: k.senatova@yandex.ru

СКОБЕЛЕВА Н. Г., лицо, прикрепленное к ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» для подготовки диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, старший инспектор филиала № 17 ФКУ УИИ УФСИН России по г. Москве. E-mail: natal-ya@bk.ru

СУХАРЕВА М. В., начальник отдела трудовой адаптации осужденных УФСИН России по Вологодской области. E-mail: sukha-mariya@ya.ru

СОЛОВЬЕВ В. С., доцент кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук. E-mail: vladsolovyev@mail.ru

ХРАБРОВА Е. В., доцент кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент. E-mail: khrabrova-elena@yandex.ru

ХРУЛЕВА В. В., доцент кафедры теории и истории государства и права Воронежского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: vimvdtgpp@mail.ru

ЧЕРКАСОВА М. А., начальник психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук. E-mail: marina_vvk@mail.ru

ЧЕРНЫШЕНКО Е. В., доцент кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: evgeniacheri@ya.ru

ЧИРКОВА М., профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор медицинских наук, действительный член Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности. E-mail: ono-vipe@mail.ru

ШАБАЛЬ В. С., старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права уголовно-исполнительного факультета Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, кандидат юридических наук. E-mail: shabalbig@mail.ru

ШАВЕКО Н. А., научный сотрудник Удмуртского филиала Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, кандидат юридических наук. E-mail: nickolai_91@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

BYKOV A. I., Researcher of the Research Center-1 of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: HellSinG199@mail.ru

CHERKASOVA M. A., Head of the Psychological Department of the Vologda Institute of Law and Economics of Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology. E-mail: marina_vvk@mail.ru

CHERNYSHENKO E. V., Associate Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: evgeniacheri@ya.ru

CHIRKOV A. M., Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Medicine, Full Member of the International Academy of Ecology and Life Safety. E-mail: ono-vipe@mail.ru.

DVORTZOV V. B., Head of the Tomsk Institute for Advanced Studies of Staff of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Pedagogics. E-mail: kr1021@yandex.ru

EMELYANOVA E. V., Chief Researcher at the Department for the Study of Social Processes and the Development of Complex Law Enforcement Problems of the Scientific Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Director of the Law Institute of the St. Petersburg Academy of the Investigation Committee, Dsc. in Law, Associate Professor. E-mail: eev-rusinovo@yandex.ru

GERASIMOVA E. V., Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the North-West Institute (branch) of the O. E. Kutafin University (Moscow State Law Academy), PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: evger.vologda@mail.ru

GORBAN D. V., Senior Researcher of the Research Department of Scientific Center of Academy of the Federal Penal Service of Russia, Senior Lecturer of the Department of Criminology and Organization of Crime Prevention of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law. E-mail: dimas8807@mail.ru

KHRABROVA E. V., Associate Professor of the Department of Penal Law and the Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Pedagogics, Associate Professor. E-mail: khrabrova-elena@yandex.ru

KHRULEVA V. V., Associate Professor of Theory and History of State and Law of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: vimvdtgp@mail.ru

KILIMBAEV R. V., Platoon commander of the Law Faculty of the Academy of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: romankilimbaev@yandex.ru

KISELEV S. S., Associate Professor of the Department of Criminal Law of the North-Caucasian Branch of the Russian State University of Justice, PhD. in Law. E-mail: kiselev_omamvd@mail.ru

KOGOL T. N., Associate Professor of the Department of Organization of Personnel, Social, Psychological and Educational Work of the Tomsk Institute for Advanced Studies of Staff of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in History, Associate Professor. E-mail: kog@mail2000.ru

KOLYEV A. A., Associate Professor of the Department of Economic Management and Organization of Production in the Penal System of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Economics, Associate Professor. E-mail: braun9@yandex.ru

KOVALEV S. V., Deputy Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia for Personnel. E-mail: ono-vipe@mail.ru.

KOVTUNENKO L. V., Professor of the Department of Penal and Criminal Law of the Voronezh Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Associate Professor. E-mail: kovtunenkolv@mail.ru

KUSAKINA E. A., Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Law of the Perm Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology, Associate Professor. E-mail: kea.perm@mail.ru

LUTSENKO P. A., Associate Professor of the Department of Humanitarian Disciplines, Civil and Criminal Law, Faculty of Humanities and Law of the Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I, PhD. in Law. E-mail: lawer.vrn@mail.ru

MALCHIKOV R. V., Senior Lecturer of the Department of Cynology of the Perm Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Agriculture. E-mail: malchikov00@bk.ru

MASLOV I. S., Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. E-mail: ivan_yrn_maslov@mail.ru

MATVEEVA T. P., Senior Lecturer of the Department of Private Law Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: matveeva33@mail.ru

NEKRASOV V. N., Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law. E-mail: vnnekrasov@mail.ru

NESTEROVA O. I., Senior Inspector for Special Assignments of the Department of Penal Legislation, Planning and Conducting Internal Audits of the Legal Department of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in History. E-mail: molga.77@yandex.ru

OBOTUROVA N. S., Professor of the Department of Philosophy and History of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Philosophy, Associate Professor, Full Member of the International Academy of Ecology and Life Safety. E-mail: ono-vipe@mail.ru

SENATOVA E. V., Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: k.senatova@yandex.ru

SHABAL V. S., Senior Lecturer of the Department of Penal Law of the Penal Department of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, PhD. in Law. E-mail: shabalbig@mail.ru

SHAVEKO N. A., Researcher of the Udmurt Branch of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, PhD. in Law. E-mail: nickolai_91@inbox.ru

SKOBELEVA N. G., Person attached to the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Justice" for the preparation of a dissertation for the degree of PhD. in Law, Senior Inspector of branch No. 17 of the Federal State Institution the Penal Inspection of Russia in Moscow Region. E-mail: natal-ya@bk.ru

SOLOVYEV V. S., Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD. in Law. E-mail: vladsolovyev@mail.ru

SUKHAREVA M. V., Head of the Department of Labor Adaptation of Convicts of the Federal Penal Service of Russia in the Vologda Region. E-mail: sukha-mariya@ya.ru

VOLODINA L. O., Professor of the Department of Psychology and Pedagogy, Deputy Director of the Institute of History and Philology of the Vologda State University, Dsc. in Pedagogics, Associate Professor. E-mail: volodina-l@mail.ru

ZAUTOROVA E. V., Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education. E-mail: elvira-song@mail.ru